

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

**КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ТЕКСТ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, СЛОВО**

Сборник научных статей
преподавателей и аспирантов МГЛУ

Выпуск 7

Минск МГЛУ
2019

УДК 81'42
ББК 81.055
К65

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 5 от 31.01.2019 г.

Редакционная коллегия: Т. П. Карпилович (*ответственный редактор*), Н. В. Зиневич, И. В. Лешкевич, Т. А. Сысоева

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *А. П. Клименко* (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент *И. Н. Ивашкевич* (БГУ)

Контрастивные исследования: текст, предложение, слово :
К65 сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов МГЛУ / редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2019. – Вып. 7. – 152 с.
ISBN 978-985-460-948-5.

Сборник содержит статьи преподавателей и аспирантов Минского государственного лингвистического университета.

Рассматриваются актуальные проблемы лингвистики текста и дискурса, лексической семантики, грамматической организации предложения в контрастивно-типологическом аспекте на материале разноструктурных языков.

Адресуется научным работникам и аспирантам.

УДК 81'42
ББК 81.055

ISBN 978-985-460-948-5

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТ В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

<i>Иванов А. Э.</i> Коммуникативно-прагматический потенциал кинодискурса на русском и английском языках	7
<i>Гергиев О. А.</i> Риторические схемы публичной речи на английском и белорусском языках	13
<i>Лешкевич И. В.</i> Взаимодействие дискурсивных категорий в аналитической статье на английском и белорусском языках	19
<i>Полубинский П. С.</i> Оценочные средства в создании когерентности поликодового дискурса	24
<i>Сысоева Т. А.</i> Дискурсивная категория субъектности: мнение адресанта и его маркеры в газетной дискуссии	35
<i>Тригубова Д. Л.</i> Структурно-семантические характеристики аннотаций художественных фильмов	41
<i>Якубова В. Ю.</i> Семантическая структура научно-учебных текстов на английском и белорусском языках	48

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

<i>Баханович А. С.</i> Антифразис и антитеза как способы воплощения иронии в англоязычном художественном дискурсе	55
<i>Гребень Т. Н., Дик А. И.</i> Синтаксические маркеры спонтанности в британских и американских телерепортажах	62
<i>Егоров Н. В.</i> Модальные единицы в реализации тактики аргументации в научно-популярном дискурсе	68
<i>Карпилович Т. П.</i> Модальные единицы как маркеры концептуальной информации медиадискурса	72
<i>Клишевич С. А.</i> Функционирование средств разговорного синтаксиса в различных жанрах медиадискурса	78

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

<i>Барковіч А. А.</i> Абнаўленне беларускай дзеяслоўнай лексікі ў кантэксце руска-беларускай міжмоўнай інтэрферэнцыі	85
<i>Графутко О. О.</i> Эмотивные ситуации страха в художественном дискурсе на английском и белорусском языках	90
<i>Могилевцев С. А.</i> Фразовые глаголы в англоязычном телевизионном новостном дискурсе и их перевод на русский язык	96
<i>Соколовская М. В.</i> Языковая репрезентация модальности возможности в текстах культурно-исторической тематики	107

<i>Суркова М. А.</i> Семантичныя сферы каляронімаў у англійскай і беларускай мовах	114
<i>Чалагаева В. В.</i> Репрезентация эмотивной лексики в англоязычном письменном и устном новостном дискурсе.....	121

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

<i>Нестерович Е. А.</i> Использование кейс-метода в обучении иностранным языкам в учреждениях высшего образования.....	130
---	-----

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

<i>Шаповаленко Д. Н.</i> Множественность переводов и переводческие ошибки	138
--	-----

CONTENTS

TEXT IN THE CONTRASTIVE PERSPECTIVE

<i>Ivanov A. E.</i> Communicative and Pragmatic Potential of Cinematographic Discourse in Russian and English	7
<i>Gergiev O. A.</i> Rhetorical Schemes of Public Speech in English and Belarusian ...	13
<i>Leshkevich I. V.</i> The Interaction of the Discourse Categories in British and Belarusian Analytical Articles.....	19
<i>Palubinski P. S.</i> Linguistic Means of Evaluation in Creating the Polycode Discourse Coherence.....	24
<i>Sysoyeva T. A.</i> Subjectivity as a Discourse Category: Author's Opinion and its Markers in Newspaper Discussions	35
<i>Tryhubava D. L.</i> Structural and Semantic Characteristics of Feature Film Summaries	41
<i>Yakubava V. Y.</i> Semantic Structure of English and Belarusian Educational Scientific Texts	48

GRAMMAR UNITS AND CATEGORIES IN THE CONTRASTIVE ASPECT

<i>Bakhanovich A. S.</i> Antiphrasis and Antithesis as Means of Creating Irony in the English Language Artistic Discourse.....	55
<i>Hreben T. N., Dzik A. I.</i> Syntactic Markers of Spontaneity in British and American Television Reports	62
<i>Yahorau N. V.</i> Modal Units in Realizing the Argumentation Tactics in Popular Science Discourse.....	72
<i>Karpilovitch T. P.</i> Modal Units as Markers of Conceptual Information of Media Discourse	78
<i>Klishevich S. A.</i> Functioning of Colloquial Syntax in Different Genres of Media Discourse	81

A WORD IN DIFFERENT LANGUAGES AND CULTURES

<i>Barkovich A. A.</i> Renovation of Belarusian Verbal Lexicon in the Context of Russian-Belarusian Cross-Lingual Interference	85
<i>Grafutko O. O.</i> Emotive Situations of Fear in English and Belarusian Fictional Discourse	90
<i>Mogilevtsev S. A.</i> English Phrasal Verbs in News Television Discourse and Their Translation into Russian.....	96
<i>Sakaloukaya M. V.</i> Language Representation of the Modality of Possibility in Texts on Culture and History.....	107

<i>Surkova M. A.</i> The Semantic Spheres of Colour Adjectives in the English and Belarusian Languages	114
<i>Chalagaeva V. V.</i> Representation of Emotive Lexis in Written and Oral News Discourse in the English Language.....	121

METHODS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES

<i>Nesterovich E. A.</i> The Use of Case-Method in Foreign Language Teaching in Higher Educational Institutions	130
--	-----

ISSUES OF TRANSLATION

<i>Шаповаленко Д. Н.</i> Translation Plurality and Translators Mistakes.....	138
--	-----

ТЕКСТ В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

А. Э. Иванов

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КИНОДИСКУРСА НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена анализу стратегического поведения участников диалогического общения – носителей русского и английского языков. Материалом исследования послужили диалоги, отобранные из русско- и англоязычных художественных фильмов. В статье рассматриваются такие свойства кинодискурса, как креолизованность и аудиовизуальность, которые в определенной степени способствуют более полному и глубокому анализу реализации кооперативных стратегий и тактик как наиболее успешных форм коммуникации. Было выявлено, что аудиовизуальный и визуально-образный компоненты, представляющие невербальную составляющую кинодискурса, содействуют воплощению кооперативных стратегий. В результате анализа были выделены два типа невербального действия (вспомогательный и самостоятельный), которые оказывают влияние на реализацию в речи принципов кооперации в одинаковой степени в русском и английском языках.

В настоящее время кинематограф является одним из наиболее быстро развивающихся и влиятельных средств массовой коммуникации, которое представляет собой уникальное культурное явление, способное воздействовать на широкую зрительскую аудиторию. На сегодняшний момент кинематограф является сложным, емким, многоаспектным и гетерогенным образованием, синтезирующим знания из различных областей человеческой жизнедеятельности и видов искусств таких, как театр, музыка, изобразительное искусство, литература и др. Из всего сказанного выше следует, что кинематограф как комплексное неоднородное явление культуры и искусства находится в поле зрения множества наук: истории, психологии, философии, социологии и собственно лингвистики.

В рамках науки о языке активно используются следующие понятия, непосредственно связанные с кинематографом, а именно *кинотекст*, *кинодиалог*, *киносценарий* и *кинодискурс*. По признанию многих исследователей данной области науки [1; 2; 3; 4], наиболее емким является именно последнее понятие – *кинодискурс*.

В современной научной литературе, как зарубежной, так и отечественной, предлагается множество определений понятия *кинодискурс*, каждое из которых берет за основу тот или иной подход, существующий в лингвистике, например, семиотический, культурологический, когнитивный и др. Необходимо подчеркнуть, что при изучении коммуникативно-прагматического потенциала кинодискурса особую значимость приобретают экстралингвистические характеристики, к которым относятся не только факторы, формирующие коммуникативную ситуацию, но также те элементы культурно-идеологической среды, в которой протекает коммуникация.

Экстралингвистическая специфика кинодискурса, например, подчеркивается И. Н. Лавриненко, которая характеризует кинодискурс как «поликодовое когнитивно-коммуникативное образование, сочетание различных семиотических единиц в их неразрывном единстве, которое характеризуется связностью, цельностью, завершенностью, адресатностью» [5, с. 11]. Автор отмечает, что составляющими кинодискурса являются как вербальные, так и невербальные (в том числе кинематографические знаки), «которые функционируют в соответствии с замыслом коллективного автора» [Там же].

Одно из последних определений кинодискурса, разработанное А. Н. Зарецкой, включает в себя в той или иной степени все достижения в данной области, сделанные в последние двадцать лет как в отечественной, так и зарубежной дискурсологии. Итак, согласно А. Н. Зарецкой, «кинодискурс это связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, т.е. креолизованное образование, созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения» [6, л. 45].

Одна из наиболее актуальных проблем коммуникативной лингвистики заключается в выявлении средств позитивного мужличностного взаимодействия. В данном случае кинодискурс представляет собой благоприятную среду для определения наиболее эффективных коммуникативных стратегий и моделей. Для решения этой задачи необходимо рассмотреть понятие кооперативной стратегии. В соответствии с определением, предложенным А. В. Радюк, под кооперативной стратегией понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение цели путем обоюдодоприемлемого взаимодействия» [7, л. 37]. Данные стратегии призваны сбалансировать и гармонизировать коммуникацию в разнообразных ситуациях, начиная с конфликтной и заканчивая ситуацией поддержания сотрудничества. В таком случае кооперация рассматривается как следование коммуникативной норме общения, ее нарушение трактуется как конфронтация.

Следует подчеркнуть значимость двух необходимых свойств кинодискурса. Во-первых, это аудиовизуальность, т.е. наличие серии связанных между собой изображений, имеющих или не имеющих звуковое сопровождение [8], и креолизованность, представленная корреляцией вербальных и невербальных изобразительных средств передачи информации [6]. Одной из задач данного исследования является определение роли визуально-образных и аудиовизуальных компонентов кинодискурса в их связи с вербальными компонентами в успешном осуществлении кооперативных стратегий и тактик в устной коммуникации.

В качестве материала для анализа были отобраны 60 диалогов на русском языке из 8 художественных фильмов белорусского производства и 56 диалогов на английском языке из 8 британских художественных фильмов. Все отобранные фильмы были номинантами престижных кино-

премий Британской и Американской киноакадемий, участниками кинофестивалей в Торонто, Каннах, лауреатами республиканских фестивалей белорусских фильмов, призерами Минского международного кинофестиваля «Лістапад». Анализ исследуемых диалогов показал, что в 100 % случаев, как в русскоязычном, так в англоязычном кинодискурсе, хотя бы один из коммуникантов использует одну из кооперативных стратегий.

Рассмотрим пример диалога из кинофильма на русском языке.

Возлюбленные Марина и Георгий разговаривают на крыльце дома. У обоих есть семья. Георгий пытается успокоить Марину, сказать ей, что все будет хорошо. Марина огорчена и расстроена.

Георгий: Ты хотела бы здесь остаться?

Марина: Конечно же, навсегда.

Георгий: Я тоже, вместе с тобой.

Марина: Не получится.

*Георгий: **Не сомневайся, насколько захотим, настолько и останемся.***
Не сомневайся. Ох, рыжая, рыжая. Околдовала ты меня.

*Марина: **Значит, я ведьма.***

*Георгий: Не похоже. **Что с тобой?***

Марина: Знаешь, кажется, что все это не со мной. Я открою глаза, и все исчезнет, как во сне.

*Георгий: **Брось, не думай об этом. Я с тобой.***

Марина: Теперь опять пойдут будни. Верно?

*Георгий: **Верю, зависит от нас.***

Марина: Не все от нас зависит. Ты считаешь, это легко?

Георгий: На самом деле, это серьезнее, чем ты думаешь (диалог из х/ф «Соблазн»).

Для осуществления стратегии солидаризации в данном диалоге обоими коммуникантами используются следующие тактики: тактика выражения обеспокоенности и поддержки (*что с тобой?*), тактика утешения (*брось, не думай об этом, я с тобой*), тактики иронии и шутки (*значит я ведьма?*), тактика уверения (*верю, все зависит от нас*), тактика обещания (*насколько захотим, настолько и останемся*).

Однако, если рассматривать лишь письменный аспект приведенного выше диалога, неучтенным останется аудиовизуальный компонент. В данном конкретном случае в конце разговора Георгий и Марина начинают обниматься и целуются, что подкрепляет их решение остаться вместе и действовать сообща. Данный факт может служить невербальным выражением сразу нескольких тактик, например, тактики создания *Мы-общности*, тактики согласия, тактики утешения и др. Из этого можно заключить, что визуально-образный и аудиовизуальный компоненты могут играть не только вспомогательную роль, но также обладают потенциалом невербально реализовывать кооперативные стратегии тактики.

Проанализируем вклад невербального компонента общения в реализацию кооперативных тактик на примере диалога на английском языке.

Разговор происходит между молодыми людьми, которые встречаются достаточно продолжительное время. Маргарет пыталась баллотироваться в депутаты местного округа, однако проиграла. Денис пытается ее успокоить и утешить. В этот момент между молодыми людьми начинается откровенная беседа:

Денис: Eat! 'Кушай!'

Маргарет: Disaster. 'Кошмар!'

Денис: Hang on... Hang on... You shaved thousands off their majority. You did splendidly. 'Погоди-ка, погоди... Ты забрала у них тысячу голосов. Ты великолепно себя проявила.'

Маргарет: Not splendidly enough. 'Недостаточно великолепно.'

Денис: Ah I see. Self pity. No one is saying you don't need a safe seat. You deserve a safe seat. But it does not come unless you learn to play the game a little. 'Вот оно что. Жалеешь себя. Никто не говорит, что ты не заслуживаешь места. Но ничего не произойдет, если ты не научишься правилам игры, хотя бы немного.'

Маргарет: What game? 'Какие еще игры?'

Денис: You are a grocer's daughter... 'Ты дочь бакалейщика...'

Маргарет: And proud of being. 'И я горжусь этим.'

Денис: ...in their eyes. A single grocer's daughter. But if you were to become the wife of a moderately successful businessman, you'd get to parliament, and I'd get to be the happiest man in... in wherever they select you. Margaret, will you marry me? '...в их глазах. Единственная дочь бакалейщика. Но если бы ты стала женой относительно успешного бизнесмена, ты бы смогла попасть в парламент, и я бы стал самым счастливым человеком несмотря ни на что. Маргарет, ты выйдешь за меня?'

Маргарет: Yes. Yes! 'Да! Да!'

Денис: What? 'Что?'

Маргарет: I love you so much but... I will never be one of those women Denis who stays silent and pretty on the arm of her husband. Or remote and alone in the kitchen doing the washing up for that matter. 'Я тебя так люблю... Но я никогда не буду одной из тех женщин, которые будут спокойно стоять подле своих мужей. Или забытые и потерянные на кухне, перемывая посуду.'

Денис: We'll get a help for that. 'Мы найдем прислугу.'

Маргарет: No... one's life must matter, Denis. Beyond the cooking and the cleaning and the children, one's life must mean more than that- I cannot die washing up a tea cup. I mean it Denis, say you understand. 'Нет... жизнь человека должна что-то значить, Денис. Помимо готовки и уборки, и детей, жизнь должна иметь значение. Я не хочу мыть чашки до конца жизни. Я серьезно, Денис. Скажи, что ты понимаешь.'

Денис: That's why I want to marry you, my dear. Now eat. 'Поэтому я и хочу на тебе жениться. А теперь кушай' (диалог из х/ф «The Iron Lady» 'Железная леди').

В данном диалоге для реализации стратегий солидаризации и искренности оба коммуниканта используют следующие тактики: тактика согласия

(*Yes! Yes!*), похвалы (*you shaved thousands off the majority, you did splendidly*), уверения (*one's life must matter, I will never be one of those women*), поддержки и обеспокоенности (*we'll get a help for that*), тактика утешения (*that's why I want to marry you*), признания (*I love you so much but...*).

Следует также отметить роль аудиовизуального компонента в реализации стратегий и тактики данного диалога. Прежде всего Денис принес с собой печенье и чай, для того чтобы поддержать Маргарет. На протяжении всего разговора Денис держит Маргарет за руку, что может служить не только проявлением его психологической поддержки, но также вспомогательным элементом реализации вышеупомянутых тактик. В конце диалога молодые люди целуются, тем самым подтверждая свои намерения на дальнейшее плодотворное сотрудничество. Данное действие может быть расценено в качестве невербального выражения сразу нескольких тактик или даже самостоятельной тактикой, отражающей суть кооперации как позитивного речевого и неречевого взаимодействия.

В настоящем исследовании рассматривались лишь те невербальные ходы, которые непосредственно влияли на реализацию кооперативных стратегий и способствовали созданию позитивной атмосферы общения между собеседниками. При этом следует отметить, что структурной особенностью кинодискурса является мена коммуникативных ролей, а его основной целью – воспроизведение событий на экране для аудиовизуального восприятия зрителями. Мена коммуникативных ролей осуществляется при помощи системы стратегий, тактик и приемов, которая контролирует коммуникацию как вербальными, так и невербальными средствами [9].

В результате проведенного анализа были выявлены невербальные элементы коммуникации, различные по своему воздействию и роли в процессе воплощения кооперативных стратегий. Так, в первом случае установленные неречевые действия могут быть более или менее самостоятельными по своему значению и функции в процессе коммуникации. Во втором – невербальные элементы могут становиться составляющими тактик, которые по отношению к речевому компоненту функционируют как вспомогательные.

В таблице представлены данные процентного соотношения самостоятельных и вспомогательных невербальных составляющих в кинодискурсе на русском и английском языках.

Употребительность невербальных компонентов в кинодискурсе на русском и английском языках

Невербальное действие	Русскоязычный кинодискурс, %	Англоязычный кинодискурс, %
Самостоятельный невербальный компонент	23	20
Вспомогательный невербальный компонент	77	80

Результаты исследования показывают, что представители как белорусской, так и британской лингвокультуры достаточно активно используют невербальные действия для воплощения кооперативных стратегий. При этом в большинстве случаев невербальная составляющая выполняет вспомогательную функцию, т.е. служат дополнением и подкреплением речевых ходов и приемов. В некоторых диалогах неречевой компонент может обладать большей значимостью и, следовательно, самостоятельностью и в каком-то смысле заменять коммуникативную тактику, выраженную языковыми средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ворошилова, М. Б.* Креолизованный текст : кинотекст / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – Вып. 2 (22). – Екатеринбург, 2007. – С. 106–110.
2. *Духовная, Т. В.* Дискурс кинофильма: соотношение с понятием дискурса живой речи / Т. В. Духовная // Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та. – 2014. – № 3. – С. 22–25.
3. *Казакова, А. И.* Особенности формирования фразеологической семантики в дискурсивном пространстве отечественного киноискусства : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. И. Казакова. – Астрахань, 2014. – 241 л.
4. *Лотман, Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин : Ээсти Раамат, 1973. – 92 с.
5. *Лавриненко, И. Н.* Стратегии и тактики мены коммуникативных ролей в современном англоязычном кинодискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. Н. Лавриненко. – Харьков, 2011. – 20 с.
6. *Зарецкая, А. Н.* Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Н. Зарецкая. – Челябинск, 2010. – 180 л.
7. *Радюк, А. В.* Функционально-прагматические свойства кооперативных речевых стратегий и тактик в английском деловом диалогическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Радюк. – М., 2013. – 226 л.
8. Аудиовизуальность [Электронный ресурс]. – Академик, 2000–2017. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/АУДИОВИЗУАЛЬНОСТЬ>. – Дата доступа : 20.11.2017.
9. *Зайченко, С. С.* Некоторые особенности кинодискурса как знаковой системы / С. С. Зайченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 4 (11). – С. 82–86.

The article is devoted to the analysis of strategic behavior of communicants – native speakers of Russian and English – in dialogues. As a result, it was revealed that the audiovisual and figurative constituents that represent the non-verbal component of the discourse under study help to realize cooperative strategies.

РИТОРИЧЕСКИЕ СХЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена анализу риторической структуры публичной речи на английском и белорусском языках в сопоставительном аспекте. Выявлены три динамические структуры, или типовые риторические схемы тематического развертывания речи: цепочечная (последовательное развитие темы), радиальная (все высказанные идеи связаны с единым смысловым центром и не имеют тесной связи между собой) и дихотомическая (в речи присутствуют две главные темы или противопоставлены два аспекта одной и той же темы). Установлены сходства и различия в представленности речей трех риторических структур на английском и белорусском языках.

В последнее время значительно возрос интерес современной науки к изучению различных аспектов публичной речи как риторического и языкового явления [1; 2; 3; 4; 5]. В современных работах, посвященных публичной речи, исследуются как лингвистические, так и экстралингвистические средства в реализации интенции оратора, выявляются вариативные и инвариантные лексико-грамматические и стилистические характеристики публичных выступлений, рассматриваются отличия риторической аргументации от логической, устанавливается набор аргументативных схем и топосов, определяется роль просодии как средства убеждения и т.п. Причиной увеличения количества лингвистических исследований является решение прагматической задачи – поиск эффективных способов воздействия на слушателей, поскольку успех любой личности в профессиональной и общественной деятельности во многом определяется тем, насколько хорошо она владеет навыками публичной речи.

Следует отметить, что публичные выступления нередко становились предметом исследования. Однако в фокусе внимания лингвистов чаще всего оказываются политические речи. Так, в Республике Беларусь изучению публичной речи посвящено исследование Н. С. Сычевской, в котором устанавливаются общие и специфические черты англоязычного политического выступления и религиозной проповеди [6]. В Российской Федерации и странах СНГ публичная речь исследуется в основном на материале политического дискурса: устанавливаются коммуникативно-прагматические особенности речей политиков (Е. В. Кобец), изучаются лексико-стилистические и фонетические средства в речах британских и американских политиков (Е. А. Филатова), анализируются когнитивные аспекты политических выступлений (Д. В. Шапочкина), композиционно-стилистическая структура ораторской речи (Н. Н. Кохтев) и т.п.

В настоящей работе мы исходим из предположения, что публичные выступления имеют ряд коммуникативно-прагматических различий, обусловленных как особенностями изучаемых лингвокультур, так и риторической структурой публичных выступлений. Мы также предполагаем, что все многообразие публичных выступлений можно свести к нескольким типам риторических схем.

Структура публичной речи является одной из центральных проблем современной риторики. Текст публичного выступления создается в соответствии с правилами и нормами, предписываемыми многовековой риторической традицией. Требования к структурно-содержательной организации текста и приемы его построения рассматриваются в рамках риторического канона «расположение» (диспозиция) [7]. Наиболее распространенной структурой устного выступления с античных времен считается трехчастная, включающая в себя следующие элементы: вступление, основная часть, заключение. Каждая часть выступления имеет свои особенности, которые необходимо учитывать во время подготовки к ораторской речи. Эти особенности обусловлены спецификой восприятия речевого сообщения. Например, ученые многочисленными экспериментами доказали, что лучше всего усваивается и запоминается то, что дается в начале и в конце сообщения. В психологии это объясняется действием закона первого или последнего места, так называемого закона края, сформулированного немецким психологом Г. Эббингаузом [8].

На наш взгляд, линейную трактовку диспозиции по формальным критериям можно дополнить критериями внутренней содержательной (семантической) связности на основе принципов макрокогезии. Развертывание риторического текста – гибкий процесс, представляющий собой совокупность тематических переходов. Жесткие линейные схемы диспозиции, а именно вступление, основная часть и заключение, могут быть дополнены гибкими схемами диспозиции на основе принципов внутритекстовой тематической связности.

Материалом исследования в настоящей работе являются два типа публичных речей на английском и белорусском языках (аргументативная и торжественная), которые соответствуют совещательным и эпидейктическим речам в классической классификации Аристотеля. Основным критерием разграничения видов публичной речи является коммуникативная цель выступления и как следствие наличие разветвленной системы аргументации в аргументативных речах. В торжественных речах аргументативный компонент также присутствует, однако не является основополагающим.

Публичные речи были отобраны методом сплошной выборки из таких интернет-ресурсов, как официальные сайты Министерства культуры Республики Беларусь и Министерства иностранных дел Республики Беларусь, газет «Звезда» и «Культура і Мастацтва», материалы конференций и конгрессов. Некоторые из публичных выступлений были записаны на аудионоситель.

Проведенный анализ структурно-тематической организации речей на двух языках позволил установить, что их многообразие можно свести к трем динамическим структурам, или типовым риторическим схемам. Первая структура – *цепочечная* – представляет собой последовательное развитие главной темы в виде подтем, вытекающих одна из другой. Вторую структуру можно условно назвать *радиальной*: она предполагает развитие главной темы

в нескольких аспектах. В публичных выступлениях с такой структурой главный тезис развивается несколькими тезисами на несколько подтезисов, которые не имеют такой тесной связи между собой, как в цепочечной структуре. Каждый из подтезисов относительно самостоятелен и затрагивает отдельный аспект проблемы. Третья, наиболее редко встречающаяся структура текста, может быть названа *дихотомической*: в ней присутствуют две главные темы или противопоставлены друг другу два аспекта одной и той же темы. Как правило, такая речь построена на антитезе. Еще одной отличительной чертой таких выступлений является наличие антитезиса, который проходит через все выступление.

Анализ аргументативных и торжественных речей на английском и белорусском языках показал, что их наиболее употребительной риторической схемой является цепочечная. На наш взгляд, данный факт объясняется тем, что речи, построенные по цепочечной структуре, лучше воспринимаются аудиторией. В них легче увидеть внутреннюю логику, запомнить последовательность изложения мыслей.

Главная тема и подтемы в аргументативной речи, как правило, выступают в качестве тезиса соответствующего аргументативного блока, который обосновывается рядом доводов (аргументов). Таким образом, аргументативная речь, построенная по цепочечной риторической схеме, представляет собой последовательность аргументативных блоков, тезисы которых тесно связаны друг с другом или вытекают один из другого. В таких выступлениях оратор последовательно аргументирует каждый из подтезисов, что вкуче приводит к обоснованию главного тезиса речи.

Так, в аргументативной речи министра иностранных дел Республики Беларусь Владимира Макея, посвященной первому заседанию по делам белорусов, проживающих за пределами страны [М], главным тезисом является следующее высказывание: *Сённяя мы пачынаем вельмі важны працэс. Гэты працэс павінен надаць больш сістэмны, сталы і выніковы характар у адносінах паміж Беларуссю і беларусамі, якія жывуць за яе межамі. Главный тезис развивается в ряде подтезисов: *Што аб'ядноўвае тых, хто жыве ў Беларусі, і тых, хто на розных абставінах апынуўся далёка па-за межамі Бацькаўшчыны? Мяркую, гэта – агульная зямля, культура, менталітэт, традыцыі, мова (подтезис 1); <...> усе мы хочам, напэўна, зрабіць штосьці добрае, патрэбнае і карыснае для нашай зямлі, з якой пайшоў наш агульны род; і ўсе мы павінны дасягнуць таго, каб тыя, хто апынуўся па-за межамі сваёй Бацькаўшчыны, не адчувалі адарванасць ад сваёй зямлі (подтезис 2); Мы робім першыя крокі і, напэўна, мы не застрахаваны ад нейкіх памылак. Але мы шчырыя ў імкненні зрабіць штосьці карыснае і дзеля нашай зямлі, і дзеля нашых беларусаў замежжа (подтезис 3); Вы бачыце, што адбываецца ў свеце і ў нашым рэгіёне. Нават славянін ідзе са зброяй у руках супраць другога славяніна. Прычыны розныя, і гэта не мэта нашай сённяшняй дыскусіі. Але, на жаль, вельмі часта рэальныя прычыны прыкрываюцца за навешваннем нейкіх ярлыкоў. Я думаю,**

што і на нашу з вамі працу хтосьці паспрабуе навесіць нейкія ярлыкі – што, маўляў, у Беларусі ізноў уздымае галаву нацыяналізм і гэтак далей... (подтезис 4).

Как видно из вышеприведенной последовательности главного тезиса и подтезисов, каждый из подтезисов вытекает из предыдущего, а аргументация каждого из них приводит к обоснованию главного тезиса выступления. Приведем примеры различных типов аргументов, которые подтверждают истинность подтезиса 1: *Сапраўды, мы ўсе маем дачыненне да той зямлі, якая завецца Рэспубліка Беларусь. Шмат хто з вас нарадзіўся тут, у кагосьці тут нарадзіліся бацькі, дзядулі і бабулі, іншыя продкі* (аргумент 1 – факт); *Я хацеў бы прывесці невялікі прыклад. У апошні час у нас развіваюцца добрыя стасункі і з Еўрапейскім саюзам, і са Злучанымі Штатамі Амерыкі. І многія амерыканцы, нават вядомыя, маюць свае карані ў Беларусі, і яны зараз вельмі зацікаўлены, каб знайсці тых мясціны, дзе нарадзіліся іх продкі* (аргумент 2 – факт); *Памятаеце, у Янкі Купалы ёсць радкі пра Бацькаўшчыну:*

Яшчэ ў калысцы я навучыўся з песень сніць

Аб гэтых блізкіх мне, а цесных так мясцінах:

Што роднай нівы я мільённая часціна,

Што зоркі роднай у сэрцы мне іскрынка тліць (аргумент 3 – апелляция к моральному авторитету).

Радиальная риторическая схема в отличие от цепочечной встречается реже (32 % британских аргументативных речей и 35 % белорусских; 22 % британских торжественных речей и 25 % белорусских), поскольку речи такой структуры являются более трудными для восприятия, требуя от слушателя определения связей между подтемами через их взаимоотношения с центральной темой выступления.

Приведем пример аргументативной публичной речи с радиальной структурой. Выступление Министра культуры Великобритании Мэтью Хэнкока посвящено общественной роли культуры и искусства в жизни страны, города и отдельного гражданина [J]. Главный тезис выступления развивается в следующих подтезисах: *Arts and culture are essential to towns and cities – contributing significantly to both economic and social growth* ‘Искусство и культура играют огромную роль в жизни города, способствуя его экономическому и социальному росту’ (подтезис 1); *Engaging with arts and culture can be key to strengthening communities* ‘Искусство и культура помогают сплотить общество’ (подтезис 2); *We want to build an economy that works for everyone not just the privileged few* ‘Мы хотим построить такую экономику, которая работает для всех, а не только для избранных’ (подтезис 3). В рассматриваемой публичной речи все подтезисы относительно независимы. Языковыми маркерами радиальной структуры являются конструкции: *first let’s speak* ‘давайте сначала поговорим о’; *let’s now move to* ‘давайте теперь перейдем к’; *now to my last point* ‘и наконец’ и т.п. Данные маркеры подсказывают аудитории, что оратор переходит к рассмотрению другого аспекта проблемы.

В своем выступлении на итоговой коллегии Министерства культуры Республики Беларусь, построенном по радиальной схеме, Ирина Дрига [Д] практически сразу вводит главный тезис: *Культура – гэта духоўны падмурак ідэалогіі і сацыяльнай палітыкі ў Беларусі. І ад таго, наколькі моцны гэты падмурак, залежыць самае галоўнае – стабільнасць нашай краіны.* Далее оратор переходит к рассмотрению частных аспектов того, что необходимо сделать для развития белорусской культуры: *Хацелася б, каб у работнікаў сферы культуры было дакладнае разуменне, што беларуская ідэя не з’яўляецца нейкай вузка нацыяналістычнай ідэяй, якая прапаведуе культуру толькі тытульнага этнасу. Беларуская ідэя – гэта ідэя Рэспублікі Беларусь як суверэннай шматнацыянальнай і шматканфесійнай дзяржавы, якая паклікана аб’ядноўваць нашых людзей у адзіны народ* (подтезис 1); *Развіццё культурнага турызму павінна засяроджвацца не толькі на тых знакавых помніках, замках, якія ў нас атрымалася аднавіць, але і на стварэнні новых лакальных памятных мясцін, брэндаў, звязаных з мясцовымі легендамі* (подтезис 2); *Можна, нам варта прааналізаваць практыку згаданай закрытай конкурснай працэдуры, вывучыць расійскі досвед і перайсці на субсідзіраванне вытворчасці сацыяльназначных кінастужак пры адкрытай абароне кінапраектаў, больш жорсткім зрабіць патрабаванні да тэматыкі, да саміх фільмавытворцаў* (подтезис 3). В данной публичной речи автор маркирует переход к новому подтезису конструкциями *некалькі слоў пра, разгледзім цяпер, што датычыцца* и т.п.

Третий тип риторической структуры публичной речи – дихотомическая – обнаружена нами только в речах британских ораторов. Рассмотрим построенное по данной схеме выступление министра образования Великобритании Ники Морган [NM]. Первая часть этого выступления посвящена культуре как важнейшему фактору национальной самоидентификации. Во второй части опровергаются утверждения о том, что министерство образования не уделяет культуре и искусству должного внимания в школах. Каждая из частей выступления имеет свои аргументативные блоки, состоящие из подтезисов и аргументов. Приведем примеры аргументативных блоков из рассматриваемой публичной речи:

A curriculum for Britishness is both vast and broad, that isn’t just taught at one point in a young person’s education, but something they discover throughout their life. <...> it would be an appreciation of the vast cultural contribution that our nation has made to the wider world (главный тезис 1). *Because from Purcell to Shakespeare, St Paul’s Cathedral to the Angel of the North, from Margot Fonteyn to Akram Khan, to the Beatles to Banksy to One Direction, this small island country has, throughout its history, punched well above its weight as the cultural capital of the world* (аргумент – апелляция к моральному авторитету);

So, I am delighted that broadening access and opportunities to the arts is a priority for my department (подтезис 2). *Since 2012, we’ve invested £460 million in cultural education projects that complement what’s happening in the classroom* (аргумент-факт). *Fantastic projects like the Music and Dance Scheme, the 123 music education hubs that work with schools and the British Film Institute’s ‘Film Academy’* (аргумент-факт).

Таким образом, для публичных выступлений характерна не только жесткая линейная структура, но и динамическая, представленная в свою очередь цепочечной, радиальной и дихотомической моделями. Наиболее употребительной риторической схемой в двух лингвокультурах является цепочечная (57 % британских аргументативных речей и 65 % белорусских; 76 % британских торжественных речей и 75 % белорусских), поскольку в выступлениях такой структуры адресату легче увидеть внутреннюю логику и воспринять последовательность изложения мыслей. Радиальная схема, в отличие от цепочечной, встречается реже (32 % британских аргументативных речей и 35 % белорусских; 22 % британских торжественных речей и 25 % белорусских), поскольку речи такой структуры являются более трудными для восприятия, требуя от слушателя определения связей между подтемами через их взаимоотношения с центральной темой выступления. Отсутствующая в современных белорусскоязычных речах дихотомическая структура не является высокоупотребительной и в британской лингвокультуре (11 % аргументативных речей), так как для нее необходима специфическая ситуация: выступление должно быть основано на противопоставлении двух точек зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова, Т. В.* Современная деловая риторика : учеб. пособие / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. – 2-е изд. – М. : МПСИ, 2004. – 432 с.
2. *Аннушкин, В. И.* Риторика. Вводный курс : учеб. пособие / В. И. Аннушкин. – 5-е изд., стер. – М. : Флинта, 2016. – 296 с.
3. *Beebe, S. A.* Public Speaking: an audience centered approach / S. A. Beebe. – 5th ed. – Boston, N. Y., 2003. – 454 p.
4. *Волков, А. А.* Теория риторической аргументации / А. А. Волков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 398 с.
5. *Зарецкая, Е. Н.* Риторика: Теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. – 4-е изд. – М. : Дело, 2002. – 480 с.
6. *Сычевская, Н. С.* Структура и прагматика публичной речи (на материале англоязычного политического выступления и религиозной проповеди) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. С. Сычевская. – Минск, 2008. – 159 л.
7. *Клюев, Е. В.* Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция : учеб. пособие для вузов / Е. В. Клюев. – М. : ПРИОР, 1999. – 271 с.
8. *Эббингауз, Г.* Очерк психологии / Г. Эббингауз. – СПб. : Изд. О. Богдановой, 1911. – С. 242.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

М – *Макей, У. У.* Выступленне міністра замежных спраў Рэспублікі Беларусь У. У. Макея на першым пасяджэнні кансультацыйнага савета па справах беларусаў замежжа пры Міністэрстве замежных спраў Рэспублікі

Беларусь (1 ліпеня 2015 г., г. Мінск) [Электронный ресурс] / У. У. Макей. – Режим доступа : <https://mfa.gov.by/by/press/statements/d99cc37b47b41c80.html>. – Дата доступа : 04.10.2016.

J – *Hancock, M.* Minister of State for digital culture, Matt Hancock speaks at the second anniversary of channel four's 360 diversity initiative (March 2, 2017) [Electronic resource] / M. Hancock. – Mode of access : <https://www.gov.uk/government/speeches/does-british-television-and-film-reflect-the-diversity-of-our-modern-nation>. – Date of access : 21.03.2017.

Д – *Дрыга, І.* Намеснік начальніка галоўнага ідэалагічнага ўпраўлення – начальнік упраўлення сацыяльна-культурнай дзейнасці адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, выступленне намесніка начальніка галоўнага ідэалагічнага ўпраўлення І. Дрыгі на выніковай калегіі Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь (8 лютага 2014 г.) [Электронный ресурс] / І. Дрыга. – Режим доступа : <http://www.kimpres.by/index.phtml?page=2&id=8451>. – Дата доступа : 18.07.2016.

NM – *Morgan, N.* The Arts Underpin Our Understanding of Britishness [Electronic resource] / N. Morgan. – Mode of access : <https://www.gov.uk/government/speeches/the-arts-underpin-our-understanding-of-britishness>. – Дата доступа : 25.02.2018.

The paper explores the rhetorical structure of public speech in English and Belarusian in the comparative aspect. Three dynamic structures of public speeches have been revealed: chained, radial and dichotomic. Similarities and differences in the realization of the rhetorical schemes in English and Belarusian speeches have been identified.

И. В. Лешкевич

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИСКУРСИВНЫХ КАТЕГОРИЙ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Настоящая статья рассматривает категории аргументативности и оценки в их взаимодействии на материале аналитической статьи из белорусской и британской прессы. Категория аргументативности анализируется в рамках семантической структуры аналитической статьи и представлена ее обязательными компонентами: *формулирование проблемы (тезис* в аргументативной структуре) и *аргумент*. Категория оценки реализуется лексическими единицами рациональной и эмоциональной оценки различной частеречной принадлежности. Она изучается с точки зрения ее роли в вербализации обязательных семантических компонентов аналитической статьи. Выявляются сходства и различия в типах аргументов и используемых оценочных лексических единиц в двух корпусах текстов.

В результате глобализации информационных процессов и расширения форм воздействия на человека с помощью новых СМИ интерес вызывает изучение медиадискурса в сопоставительном аспекте. Материалом данного

исследования служат 50 аналитических статей из белорусских и британских периодических изданий за 2015–2018 гг.: «The Observer», «The Guardian», «The Times», «Народная газета», «Рэспубліка», «Звязда» и др.

Аналитическая статья представляет собой текст, в котором его автор достаточно обоснованно рассуждает о деятельности человека и событиях с целью установления их значимости и правильной интерпретации (Т. Г. Добросклонская, А. А. Тертычный). Следовательно, основной композиционно-речевой формой в аналитической статье является рассуждение. Под рассуждением понимается текст «в основе которого лежат логические отношения обоснования: причинные, уступительные, следственные, а также в ряде случаев, условные, сопоставления, противопоставления, оформленные соответствующими логическими связками или подразумевающие их» [цит. по: 1, с. 18]. Описание и повествование являются вспомогательными композиционно-речевыми формами и представляют апелляцию к опыту журналиста.

Аналитическая статья рассматривается нами как объект, с одной стороны, аргументативно-дискурсивного анализа, а с другой – когнитивно-семантического. В результате структура аналитической статьи анализируется как структура убеждения (аргументации), связанная со способом представления знаний. Существует множество подходов к определению аргументации. Ее трактуют и как технику речи, направленную на убеждение собеседника, аудитории (Ю. В. Рождественский), и как способ рассуждения, являющийся мыслительным процессом (Г. А. Брутян), а также деятельность, социальную, интеллектуальную и вербальную, которая служит оправданию/опровержению некоторой точки зрения (А. П. Алексеев). В рамках когнитивного подхода акцентируется происходящее в ходе аргументации взаимодействие систем восприятия, репрезентации и продуцирования информации, т.е. когниция (А. Н. Баранов).

Среди работ, посвященных анализу аргументации в аналитической статье, заслуживает внимания исследование К. В. Гудковой, в котором аргументация характеризуется как многоуровневая структура: она представляет собой фрейм с обязательными узлами (тезис и как минимум два аргумента) и факультативными (субтезисы и субаргументы) [2]. В аналитических статьях экономической тематики Е. В. Лавренко выделяются такие структурные части, как вступление, аргументирующая и заключительная части [3]. А в структуре проблемной аналитической статьи Т. П. Карпилович дифференцирует прототипические семантические компоненты: *описание проблемной ситуации* и *пути решения проблемы* [4].

Семантика текста в нашей модели анализируется с учетом концепции суперструктуры, предложенной Т. ван Дейком [5]. Так, суперструктура трактуется им как формальная схема дискурсивного жанра, однако, анализируя тексты газетных новостей, наряду с формальными категориями, т.е. категориями композиции (*заголовок, резюме, лид* и т.д.), используются семантические категории (*предшествующие события, фон, вербальные реакции* и т.д.).

Таким образом, вслед за Т. ван Дейком, понятие суперструктуры наделяется нами семантическими свойствами и определяется как общая структура содержания текста, т.е. как семантическая структура, представленная рядом семантических компонентов. Но в отличие от Т. Ван Дейка в анализе структуры аналитической статьи мы учитываем ключевую роль аргументации в построении текстов данного медиажанра. На этом основании в структуру аналитической статьи включены и элементы (структурные составляющие) аргументации. В результате интегрированного подхода нами выделяются следующие компоненты: *описание проблемной ситуации, формулирование проблемы, причины проблемы, пути решения проблемы, аргумент, контраргумент, вывод, следствие, прогнозы/предсказания*. Обязательными компонентами для текстов являются *формулирование проблемы* (ему соответствует *тезис* в аргументативной структуре) и *аргумент*. При их выявлении мы опирались на маркёры – поверхностные, формальные признаки – конкретные слова, лексико-семантические группы слов, словосочетания или лексико-синтаксические структуры. Установлено, что распространенными маркёрами обязательных компонентов выступают лексические единицы рациональной и эмоциональной оценки различной частеречной принадлежности: прилагательные (*глобальная, эффектыўны, significant* ‘значительный’), наречия (*актыўна, бесперапынна, comfortably* ‘удобно’), глаголы (*падытурнуць, стабілізуецца, to conjure up* ‘вызвать в воображении’), существительные (*мегапраект, гігант, failure* ‘неудача’, *good* ‘добро’). Оценочные стилистические средства (эпитеты, метафоры, сравнения и т.д.) также участвуют в вербализации обязательных компонентов, преимущественно аргумента. В статье «Поясам і шляхам» рассказывается о реализации Китаем крупного проекта, который охватывает большую часть Евразии и связывает как новые экономики, так и развитые страны: *Ініцыятыва («Адзін пояс, адзін шлях») ўключана ў рэзалюцыю ААН і атрымала шырокае прызнанне міжнароднай супольнасці. Яна актыўна садзейнічае спалучэнню стратэгіі развіцця з рознымі краінамі і стварае новую мадэль эфектыўнага супрацоўніцтва* (Звезда. 29.09.2018). В приведенном примере лексические единицы рациональной оценки (*шырокае, актыўна, эфектыўнага*) принимают участие в реализации компонента *формулирование проблемы*. Далее в качестве довода в пользу заявленной точки зрения приводятся следующие *аргументы*: *«Адзін пояс, адзін шлях» – гэта «асаблівы палітычны соус: калі вы дадасце яго да чаго ўзгодна, страва стане смачнейшая», – прыводзіць Bloomberg Markets...; Кітай не ўхваляе «закон джунгляў», калі «моцны пажырае слабага»* (Звезда. 29.09.2018). Используемые автором аргументы к авторитетным источникам содержат стилистические средства, которые выражают эмоциональную оценку глобального проекта, запущенного Китаем.

Установлено, что структура аналитической статьи и в белорусской, и в британской прессе начинается в большинстве случаев с обязательного семантического компонента *формулирование проблемы*, который представ-

ляет собой авторское суждение относительно проблемной ситуации. Например, в статье Саймона Тисдолла «Europe needs Recep Tayyip Erdoğan – but he will play hard-to-get» обсуждается проблема эскалации миграционного кризиса и угрозы со стороны ИГИЛ, а также надежды, возлагаемые Евросоюзом на Турцию в их урегулировании, в то же время отмечается несговорчивость турецкого президента Р. Т. Эрдогана: *Facing an escalating migrant crisis and threat from Isis, Brussels is desperate for the cooperation of Turkey's president* (The Guardian. 04.10.2015). Маркёрами семантического компонента *формулирование проблемы* выступают лексические единицы рациональной (*crisis, threat, cooperation*) и эмоциональной (*escalating, desperate*) оценок. В белорусскоязычной аналитической статье «Тренды Давоса» освещаются актуальные тенденции развития мировой экономики. Обязательный компонент структуры *формулирование проблемы* представляет собой вопрос и его маркёром является лексема *тэндэнцыі*, функционирующая с рационально-оценочным прилагательным *глобальныя*: *Якія глабальныя тэндэнцыі агучаны на Сусветным эканамічным форуме?* (Звезда. 03.02.2018).

Второй обязательный компонент аналитической статьи аргумент включает доводы в пользу суждения, выраженного в компоненте *формулирование проблемы*. Так, в приведенной выше статье среди бесспорных трендов современности отмечается развитие цифровой экономики и ценность информации, а далее в качестве подтверждения приводятся слова Канцлера Германии: *Канцлер ФРГ Ангела Меркель адзначыла, што інфармацыя становіцца галоўнай сыравінай XXI стагоддзя і стварае сур'ёзныя выклікі да сусветнай супольнасці – ад эканамічнай інклюзіўнасці да пытанняў асабістай прасторы. «Еўрасаюз будзе рухацца ў бок «адзінага інфармацыйнага рынка», – канстатавала нямецкі лідар* (Звезда. 03.02.2018). Используемые рационально-оценочные лексические единицы усиливают убеждающую силу аргумента.

Достаточно часто в структуре англо- и белорусскоязычной аналитической статьи можно встретить *контраргумент*, или антидовод, воплощающий иную точку зрения на тот или иной вопрос или событие. Например, несмотря на тот факт, что Евросоюз рассчитывает на активную кооперацию Турции, ряд турецких официальных лиц не одобряют такую позицию. Так, бывший дипломат полагает, что Турция не может отвечать за неспособность Евросоюза сообща решить вопрос гуманитарной трагедии и разработать общую эффективную программу по размещению беженцев: *“Turkey cannot be the solution for the European Union’s inability to act collectively to address the enormity of this humanitarian tragedy and develop policies to share the burden,” said Sinan Ülgen, a former Turkish diplomat* (The Guardian. 04.10.2015). Разнообразные оценочные средства различной частеречной принадлежности способствуют выражению несогласия и даже критики европейского подхода к решению последствий войны в Сирии.

Приведенные выше аргумент и контраргумент представляют собой комментарий участника события (*канцлер Германии А. Меркель*) и вербальную реакцию (*турецкий дипломат*), т.е. аргумент и контраргумент к авторитету. Под авторитетом понимается «общепризнанное неформальное значение, влияние, компетентность, которыми наделяются и пользуются люди, идеи, системы взглядов, организации, общественные институты в силу определенных качеств и функций» [6]. Выявлены обращения к индивидуальному авторитету (*кіраўнік Міжнароднага валютнага фонду Крысцін Лагард, David Cameron*) и коллективному (*прадстаўнікі КНР, міжнароднае аб'яднанне па барацьбе з беднасцю Oxfam, experts believe*). Ср.: *Як заўважае Bloomberg Markets (BM), калі амбіцыйныя планы Сі Цзіньпіна ўвасобяцца ў рэальнасць, Пекін устане на чале новага эканамічнага сусветнага парадку...* (Звязда. 29.09.2018).

Кроме того, авторитет, задействованный в анализе проблемной ситуации, может быть эпистемическим или деонтическим (А. А. Ивин). Источником эпистемического авторитета является специалист, ученый, т.е. носитель необходимого знания: *Лаўрат Нобелеўскай прэміі па эканоміцы, прафесар Нью-Ёркскага ўніверсітэта Томас Сарджэнт адзначыў: Ініцыятыва «Адзін пояс, адзін шлях» прынясе выгаду не толькі Кітаю, але і ўсяму свету* (Звязда. 29.09.2018). Источник деонтического авторитета – носитель властных полномочий, им может быть политик или чиновник: *«Nobody paid attention when a bloody war hit Syria, but they started to call it a serious problem when the Syrians came to the doors of Europe...» said Kemal Kılıçdaroğlu, leader of the opposition Republican People's party* (The Guardian. 04.10.2015). Выявлено, что аргумент, содержащий мнение ученого/специалиста, чаще реализуется с помощью рационально-оценочных лексических единиц. В то время как аргумент, который представляет собой высказывание политика/чиновника, включает в большей степени средства эмоциональной оценки. Данная тенденция употребления типов оценочных лексических единиц в разных типах аргументов характерна для аналитической статьи как из белорусской, так и британской прессы.

Возвращаясь к типологии аргументов, важным с точки зрения выражения в нем оценочного отношения является аргумент к мнению автора, его маркерами выступают личные и притяжательные местоимения, а также оценочные лексические единицы: *We don't live in a racially neutral society... I am, though, reluctant to dismiss anti-white racism altogether. ...my friend and a lot of other white people in Britain genuinely believe racism affects them too* (The Guardian. 05.10.2015). Включая себя в одну группу с читателями, автор способствует возникновению доверия и принятию его мнения, а активное использование различных оценочных средств способствует большей экспресивности его рассуждений и заключений.

Таким образом, установлено, что в аналитической статье в тесной взаимосвязи реализуются две дискурсивные категории – аргументативности и оценки. Так, аргументативность анализируется нами через призму

структуры аналитической статьи из белорусской и британской прессы, а оценка – с точки зрения оценочных языковых средств, участвующих в вербализации ее обязательных семантических компонентов. Выявлено сходство структуры аналитической статьи в двух исследуемых корпусах текстов и сходство языковых средств репрезентации семантических компонентов. Отличие заключается в низкой употребительности отдельного типа аргумента – аргумента к мнению автора – в белорусскоязычной аналитической статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фролова, И. В.* Оценочные стратегии в аналитических статьях качественной британской и российской прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. В. Фролова ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2016. – 25 с.
2. *Гудкова, К. В.* Когнитивно-прагматический анализ аргументации в аналитической газетной статье : на материале британской прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / К. В. Гудкова ; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 23 с.
3. *Лавренко, Е. В.* Языковое воплощение коммуникативных стратегий в экономическом дискурсе (по материалам британского и американского вариантов английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Лавренко ; Минск. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2008. – 24 с.
4. *Карпилович, Т. П.* Распознавание смысла аналитического медиатекста формальными методами // Актуальные проблемы современной прикладной лингвистики : сб. науч. ст. / редкол.: Л. Н. Беляева [и др.]. – Минск, 2017. – С. 139–144.
5. *Дейк, Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петрова ; пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
6. *Петренко, Е. Л.* Авторитет // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. – С. 11.

The article focuses on the interaction between two discourse categories, argumentation and evaluation, in Belarusian and British analytical articles. Patterns of their realization as well as similarities and differences in the types of arguments and evaluation means have been identified.

П. С. Полубинский

ОЦЕНОЧНЫЕ СРЕДСТВА В СОЗДАНИИ КОГЕРЕНТНОСТИ ПОЛИКОДОВОГО ДИСКУРСА

В статье представлены результаты исследования особенностей взаимодействия вербальных и невербальных средств в реализации категории цельности (когерентности) в поликодовом интерпретационном дискурсе произведений живописи: рассмотрены прототипические компоненты семантической суперструктуры англоязычных эссе о про-

изведениях живописи; раскрыта роль оценочных средств в реализации категории когерентности поликодового интерпретационного дискурса, которая актуализируется как в тематической целостности (единстве макро- и микротем текстов эссе), так и модальной – авторской позиции, скрепляющей все элементы содержания текста с помощью оценочных слов и словосочетаний, раскрывающих замысел живописца. Установлена закономерность непосредственной зависимости микротем текстов эссе о произведениях живописи от субкомпонентов суперструктурных составляющих.

Поликодовый дискурс – совокупность произведений, которые характеризуется не только особой структурой, в которую встроены изобразительные и вербальные элементы, но и специфическими механизмами интерпретации репрезентируемого им содержания. Специфика механизма определяется формальным и смысловым взаимодействием гетерогенных составляющих. Комбинация изобразительных и вербальных элементов порождает особую разновидность сложных текстов, которая специфически детерминирует процесс смысловосприятия.

Исследование вербального текста о живописном произведении невозможно в отрыве от него, поэтому в каждом конкретном случае можно рассматривать отдельный синтетический интерпретационный дискурс. В процессе вербализации отношения критика к живописному произведению происходит переход от образного кода в вербальный. Заложенные художником в произведение искусства смыслы, обретают семантическое значение только тогда, когда интерпретатор пытается постичь замысел художника, а художник в художественном пространстве своего произведения оставляет автору эссе достаточно точек опоры для эмоционально-оценочных суждений, ключей для декодирования и вербализации визуально выраженных смыслов.

Несмотря на отсутствие единой точки зрения относительно статуса категорий дискурса и их систематизации, две текстовые категории – цельности (когерентности), которая усматривается в связи тематической и модальной, и связности (когезии), которая бывает как локальной, так и глобальной, – выделяются практически всеми исследователями, хотя и трактуются ими весьма неоднозначно.

Иногда термины *цельность (когерентность)* и *связность (когезия)* употребляются как синонимы. Но все же, по мнению большинства исследователей дискурса, эти понятия разграничиваются». Так, А. А. Леонтьев считает, что «...связность обычно является условием цельности, но цельность не может полностью определяться через связность. С другой стороны, связный текст не всегда обладает характеристикой цельности» [1, с. 169]. Л. В. Бабенко, также разграничивая эти два понятия, отмечает, что цельность ориентирована на план содержания, а связность – на план выражения [цит. по: 2, с. 210].

Рассмотрим эти категории более подробно. Именно замысел адресанта обеспечивает такое принципиальное, важнейшее свойство текста, как его цельность. Замысел охватывает текст в целом – от его начала и до конца, оказывая воздействие на его структурные свойства. Смысловые связи не

только проникают в структуру предложения, но и соединяют предложения между собой. Происходит смысловая интеграция порядка предложений, в основе которой лежит соответствие замысла текста и его формы. Это то, что представляет собой его целостность. Она проявляется в описании одного и того же предмета речи, а также в грамматическом единообразии текста. Не создает текста как такового тематически подобранный, но грамматически не связанный ряд слов.

Таким образом, цельность есть характеристика текста как смыслового единства, как единой структуры, и определяется во всем тексте. «Отсутствие целостности, по мнению Н. П. Пешковой, связано с невозможностью установить смысловые связи текста, т.е. отношения между фрагментами информации, представленной в сообщении. При этом в сознании воспринимающего отображается не целостная структура содержания иерархического характера, а лишь отдельные ее фрагменты, которые не соотносятся между собой и не вписываются в какие-либо структуры “старых” знаний, имеющих в сознании реципиента» [3, с. 107]. Это тот самый случай, когда возникающие «смысловые скважины» не удается заполнить по причине отсутствия у адресата необходимых знаний и опыта, а возможно, и из-за плохой организации содержания текста [4, с. 93].

Целостность текста тесно связана с его информативностью. В процессе понимания совершается переход от внешней формы текста к его содержанию, несущему определенную информацию об окружающей нас действительности. Этот переход является обязательным, а потому представляет собой одно из фундаментальных внутренних свойств текста, которое и называется его информативностью.

Еще одним критерием целостности текста можно считать его компрессивность. Компрессия подразумевает не механическое уменьшение объема текста, т.е. не просто количественные изменения, а процесс, при котором все второстепенное убирается и передается лишь основное содержание. Как отмечает А. А. Новиков, «...потенциальная возможность свертывания и развертывания содержания в процессе восприятия текста может служить критерием его целостности» [5, с. 17–18]. Уместно вспомнить здесь и утверждение А. А. Леонтьева о том, что «...цельным считается такой текст, который при переходе от одной последовательной ступени смысловой компрессии к другой, более “глубокой”, каждый раз сохраняет для воспринимающего смысловое тождество, лишаясь лишь маргинальных элементов. Иначе говоря, только тот текст по-настоящему осмыслен, основное содержание которого можно выразить в сколь угодно сжатой форме» [6, с. 29].

Авторская модальность скрепляет все элементы содержания текста. Для художественного текста это «образ автора» (по терминологии В. В. Виноградова), для текста нехудожественного – это авторская концепция, точка зрения. Нет этого – нет и смыслового единства текста, его цельности [7, с. 202]. З. Я. Тураева рассматривает образ автора как «категорию, определяющую отбор и аранжировку языковых средств» [8, с. 109]. В содержании

текста (или высказывания) всегда присутствуют разнообразные сведения об авторе, представленные как эксплицитно, так и имплицитно, на основе чего у реципиента возникает образ адресанта, формирующего стратегию и тактику текста (или коммуникации).

Итак, понятие цельности (когерентности) дискурса ведет к его содержательной и коммуникативной организации. Целостность усматривается в связи и тематической, и модальной [9, с. 247]. Смысловая цельность заключается в единстве темы – микротемы, макротемы, темы всего речевого произведения. Текст является целостным, если он имеет содержательную организацию, функционально направленную на достижение определенной цели, решение определенной речевой задачи.

Еще одним неперенным признаком текста является связность: «Связность текста обнаруживается на уровне тема-рематических последовательностей в рамках межфразовых единств, когда четко фиксируются структурные показатели связи – эксплицитные и имплицитные, контактные и дистантные» [Там же, с. 251]. Итак, структурная связь может быть эксплицитной и имплицитной. Эксплицитная связь – это связь, обозначенная сигналами связи (союзами, вводными словами и сочетаниями; плавным переходом от темы к реме и т.д.). Имплицитная связь обнаруживается соположением речевых единиц, их смысловым и позиционным соотношением (без специальных словесных сигналов связи). В зависимости от места расположения сигналов связи в компонентах текста, структурная связь может быть левосторонней и правосторонней. Левосторонняя связь – это указание в тексте на ранее сказанное (анафора); правосторонняя связь – это указание на последующее (катафора) [2, с. 210].

Касаясь вопроса связи предложений внутри текста, следует упомянуть высказывание Н. И. Жинкина о том, что «...на стыке двух предложений лежит то зерно, из которого развивается текст. Если мысль переходит в соседнее предложение, между этими предложениями должна быть связь, иначе со второго предложения начинается текст» [4, с. 93].

Связность может быть локальной и глобальной. Локальной называют связность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств), а глобальная связность – это то, что обеспечивает единство текста как смыслового целого, его внутреннюю целостность. Локальная связность определяется межфразовыми синтаксическими связями (вводно-модальными и местоименными словами, видо-временными формами глаголов, лексическими повторами, порядком слов, союзами и т.д.). Глобальная связность (она приводит к содержательной целостности текста) проявляется через ключевые слова, тематически и концептуально объединяющие текст в целом или его фрагменты.

Связность текста – это явление не только смысловое. По утверждению О. И. Москальской, «...связность проявляется одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся

между собой как форма, содержание и функция» [10, с. 17]. Связность может быть отнесена как к внутренней, смысловой стороне текста, так и к его языковому оформлению, которое предполагает использование определенных лексико-грамматических средств, формально осуществляющих эту связанность, а также употребление языковых единиц для их участия в построении текста. «Связность, пишет А. Э. Бабайлова, определяет уровень формальной и логико-содержательной когезии между элементами иерархической системы текста. Ее можно рассматривать как одно из условий для достижения цельности» [11, с. 58]. И. Р. Гальперин разделяет средства когезии на а) традиционно-грамматические; б) логические; в) ассоциативные; г) композиционно-структурные; д) стилистические; е) образные; ж) ритмикообразующие [12, с. 78].

Итак, текст можно считать связным, если он представляет собой законченную последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора.

Материалом данного исследования служат 60 поликодовых англоязычных эссе, интерпретирующих произведения живописи. Отметим, что с помощью метода логического и контекстуального анализа в семантической структуре текстов эссе были выявлены три прототипические категории, присутствующие в большинстве проанализированных текстов: *биографические сведения о художнике; история создания картины; описание картины и ее интерпретация*. Установлено, что первые два компонента включают в основном содержательно-фактуальную информацию; третий – содержательно-концептуальную, раскрывающую сущность восприятия смысла картины интерпретатором. Каждый из суперструктурных компонентов эссе о произведениях живописи распадается на ряд семантических субкомпонентов, сигнализируемых определенными языковыми маркерами – специфическими для интерпретационного дискурса словами и словосочетаниями, лексико-тематическими группами и лексико-синтаксическими конструкциями.

Представим раскрытые нами закономерности взаимодействия вербальных и невербальных средств в реализации категории цельности (когерентности) в поликодовом дискурсе англоязычной интерпретации произведений живописи.

Как уже было сказано ранее, когерентность (цельность) текста – это, прежде всего, единство тематическое и модальное [9, с. 247]. Смысловая цельность, на наш взгляд, заключается в единстве темы – как микротемы, так и макротемы текстов эссе о произведении живописи.

В большинстве проанализированных текстов можно выделить две основные макротемы англоязычных эссе о произведениях живописи: *origin* ('происхождение') и *interpretation* ('интерпретация'). Первая макротема (*origin*) соответствует таким суперструктурным компонентам, как *биографические сведения о художнике* и *история создания картины*. Вторая

макротема – *interpretation* – коррелирует с третьей суперструктурной составляющей *описание картины и ее интерпретация*. В свою очередь, микротемы текстов эссе о произведениях живописи находятся в непосредственной зависимости от субкомпонентов суперструктурных составляющих.

Например, макротеме *origin* соответствуют следующие микротемы:

- описание места рождения и обучения художника;
- указание лет жизни и творчества художника;
- описание культурно-исторического контекста;
- описание стиля и его особенностей;
- описание результатов творчества художника;
- изложение мотивов написания картины;
- описание места создания картины;
- указание времени создания картины;
- описание процесса подготовки к написанию картины;
- описание процесса создания картины;
- описание истории владения картиной.

Проиллюстрируем роль ключевых слов – опорных «вех», участвующих в процессе создания смысловой цельности текста – в рамках, например, микротемы «указание лет жизни и творчества художника» (макротема «происхождение»): *However, his experiences as a medical volunteer during the First World War changed his [Beckmann's] style of painting completely. During the 1920s, he was associated with the Neue Sachlichkeit (New Objectivity) group, and began producing expressionist portraits and self-portraits, which he exhibited widely. In this post-war portrait art and figure painting, he depicted life as a carnival of human folly, using expressionistic brushwork and more intense colours with bold outlines. In addition, from the early 1930s, as a result of his keen interest in medieval painting, he also produced a series of ten allegorical triptych paintings (1932–50) – of which The Beginning was number eight. In 1933 he was dismissed by the Nazis authorities from his teaching position at the Fine Arts Academy in Frankfurt. In 1937, ten of his paintings were included in the Nazi exhibition of “degenerate art”, and he was forbidden to practice as an artist. In response, Beckmann fled to Amsterdam. In 1947, he emigrated to the United States, where he died three years later (“The Beginning by Max Beckmann”)* ‘Тем не менее, благодаря его опыту работы в качестве волонтера-медика **во время Первой мировой войны**, его [Бекмана] стиль живописи кардинально изменился. **В 1920-е гг.** Бекман относил себя к группе «Neue Sachlichkeit» («Новая вещественность») и начал писать как портреты в стиле экспрессионизма, так и автопортреты, которые были представлены широкой публике. В своих **послевоенных** портретах и картинах Бекман изображал жизнь как карнавал человеческой глупости, используя экспрессионистскую манеру живописи – более насыщенные цвета и более четкие контуры. Кроме того, **с начала 1930-х гг.**, в результате его особого интереса к средневековой живописи, он также выпустил серию из десяти аллегорических триптихов (1932–50), из которых картина «Начало» была восьмой. **В 1933 г.** нацисты

уволнили Бекмана с поста преподавателя в Академии изобразительных искусств во Франкфурте. В 1937 г. десять картин Бекмана были включены в нацистскую выставку «дегенеративного искусства», и ему запретили заниматься живописью. В ответ Бекман уехал в Амстердам, а в 1947 г. – в Соединенные Штаты, где он умер спустя три года’ (тут и далее перевод наш. – П. П.) (рис. 1).

Рис. 1. Начало (Макс Бекман)

Приведем примеры ключевых слов микротемы «описание места создания картины» (макротема «происхождение»): *In 1912, Bonnard bought a small **country house** which he called ‘Ma Roulotte’ (My Caravan) at Vernonnet, a suburb of Vernon on **the River Seine** some seventy kilometres west of Paris. Claude Monet (1840–1926) was living at Giverny, about four kilometres along the river, and the two artists visited one another as neighbours. Unlike Monet, whose **garden** was a masterpiece of formal planning and contrivance, Bonnard preferred an untidy **garden**, full of wild flowers, shrubs and trees, which he could survey from **the terrace**, or **deck**, built on to his house at first-floor level. Both **deck** and **garden** feature in a number of large paintings of Vernonnet by Bonnard – paintings in which one is usually aware of the presence of **the River Seine**, which ran close to Ma Roulotte* (“The Terrace at Vernon by Pierre Bonnard”) ‘В 1912 г. в Верноннете, пригороде Вернона на **реке Сена**, в семидесяти километрах к западу от Парижа, Боннар купил небольшой **загородный домик**, который он называл своим «караваном» («Ma Roulotte»). В Живерни, около четырех километров вдоль реки, жил Клод Моне (1840–1926). И художники, будучи соседями, ходили друг к другу в гости. В отличие от

Моне, чей сад был шедевром серьезного планирования и изобретательности, Боннару сад нравился неухоженным, полным полевых цветов, кустарников и деревьев, которые он мог осматривать со своей террасы (веранды), пристроенной к его дому на высоте первого этажа. И веранда, и сад, и река Сена, протекающая близко к «каравану» Боннара, представлены на его нескольких известных картинах, где изображен Вернонет' («Терраса в Верноне». Пьер Боннар).

Необходимо отметить, что в контексте взаимодействия вербального и невербального компонентов интерпретационного дискурса произведений живописи, особый интерес представляют ключевые слова (маркеры) макротемы «интерпретация», микротемы которой коррелируют с соответствующими субкомпонентами данной суперструктурной составляющей:

- интерпретация возможных мотивов определенного расположения элементов картины;
- интерпретация возможных мотивов выбора цветовой гаммы для изображения персонажа и фона;
- описание художественных приемов художника и возможных мотивов их использования;
- изложение мнений искусствоведов;
- оценка произведения живописи автором эссе.

Проиллюстрируем ключевые слова микротемы «интерпретация возможных мотивов выбора цветовой гаммы для изображения персонажа и фона»: *This picture is a strikingly modern production in colour and form, with distinctive blocks of red, grey, brown, blue or greeny-blue, and white – all in keeping with the sitters traditional Italian dress, with its red waistcoat, blue kerchief and belt. The reduced palette creates a sense of balance, repeating colours in several areas. A number of diagonals intersect and echo each other: such as the angle of the sitter's tilted back and head, his arms and forearms, and the long diagonal of the seat and table top rising from the lower left* («The Boy in the Red Vest by Paul Cezanne») «Эта картина – поразительное отражение современного взаимодействия цвета и формы с четкими мазками красного, серого, коричневого, синего, зеленовато-голубого и белого цветов, которые прекрасно гармонируют с традиционным итальянским платьем персонажа, его красным жилетом, синим платком и поясом. Благодаря несколько приглушенной палитре и повторяющимся в некоторых частях картины цветам, создается своеобразное чувство такта. Несколько диагоналей, словно эхо, отражаются и накладываются друг на друга: угол наклоненной назад спины и головы, рук и предплечья, а также длинная, поднимающаяся из нижнего левого угла диагональ сиденья и стола» («Мальчик в красном жилете». Поль Сезанн).

Обобщение выявленных макро- и микротем эссе о произведениях живописи представлено в таблице.

Макро- и микротемы эссе о произведениях живописи

Макротемы эссе	Микротемы эссе
I. ORIGIN ('происхождение')	1) описание места рождения, обучения художника;
	2) указание лет жизни и творчества художника;
	3) описание культурно-исторического контекста;
	4) описание стиля и его особенностей;
	5) описание результатов творчества художника.
	6) изложение мотивов написания картины;
	7) описание места создания картины;
	8) указание времени создания картины;
	9) описание процесса подготовки к написанию картины;
	10) описание процесса создания картины;
	11) описание истории владения картиной.
II. INTERPRETATION ('интерпретация')	1) интерпретация возможных мотивов определенного расположения элементов картины;
	2) интерпретация возможных мотивов выбора цветовой гаммы для изображения персонажа и фона;
	3) описание художественных приемов художника и возможных мотивов их использования;
	4) изложение мнений искусствоведов;
	5) оценка произведения живописи автором эссе.

Связующим элементом текста на уровне содержания является и авторская позиция, интерпретация произведения живописи. Авторская модальность скрепляет все элементы содержания текста с помощью оценочных слов и словосочетаний, раскрывающих интерпретацию возможного замысла художника. В данном случае *dynamic* 'динамичный' и *lyricism* 'лирика' являются примерами оценочной лексики; в свою очередь, *perhaps* 'возможно' и *to appear* 'казаться' передают некатегоричность высказываний интерпретатора: *Overall, it [the picture] is more dynamic and animated than many of his [Cezanne's] female portraits and is marked by a lyricism which is not characteristic of Cezanne's late works. The woman appears to be rather sad yet dignified and, like the Man with Crossed Arms (1899, Guggenheim Museum, New York), dressed in smart clothes – perhaps ready for Church. The sense of weariness about her is beautifully conveyed by the sitter's motionless face and posture, the position of her hands and the way she gazes out of the picture into the middle distance. She is smartly dressed, and wears an attractive matching hat. Although she appears somewhat lifeless, she is not an elderly woman, and looks no more than about fifty* ("Lady in Blue by Paul Cezanne") 'В целом, она [картина] более динамичная и энергичная, чем многие из его [Сезанна] женских портретов, и характеризуется не типичной для поздних работ Сезанна

лирикой. Женщина **кажется** довольно грустной и в то же время **обладающей чувством собственного достоинства**. И, словно «Человек со скрещенными руками» (1899, Музей Гуггенхайма, Нью-Йорк), она нарядно одета, **возможно**, для похода в церковь. Ее усталость можно **прочувствовать** благодаря **прекрасно переданному** неподвижному лицу женщины и ее позе, расположению рук и ее взгляду куда-то вдаль. Женщина, изображенная на картине, выглядит весьма элегантно: на ней одета **красивая** шляпа, соответствующая всему одеянию. И хотя жизнерадостной она **не выглядит**, пожилой женщина не является: **на первый взгляд**, ей не более пятидесяти лет' (рис. 2); *The Colossus, one of Goya's great masterpieces of history painting, is a perfect example of his romantic imagination. Against a lowering sky stands an absolutely colossal man. He appears to be striding away from us towards the front left of the picture. A range of hills is level with his upper thighs, giving us an idea of how massive he is, as do the low clouds, around his thighs and buttocks. Interestingly, he appears to have his eyes closed. If so, he may symbolize the idea of blind violence* ("The Colossus by Francisco de Goya") 'Картина «Колосс», один из величайших шедевров исторической живописи Гойя, является прекрасным примером романтического воображения художника. На фоне хмурого неба стоит **огромных размеров** мужчина. **Похоже**, он уходит от нас к левому краю картины. Благодаря ряду холмов на уровне его верхних бедер и низким облакам вокруг его ягодиц, мы **можем представить**, насколько он велик. **Любопытно** то, что он, как **может показаться**, закрыл глаза. Если это так, то закрытые глаза персонажа могут **символизировать** идею слепого насилия' («Колосс». Франсиско Гойя).

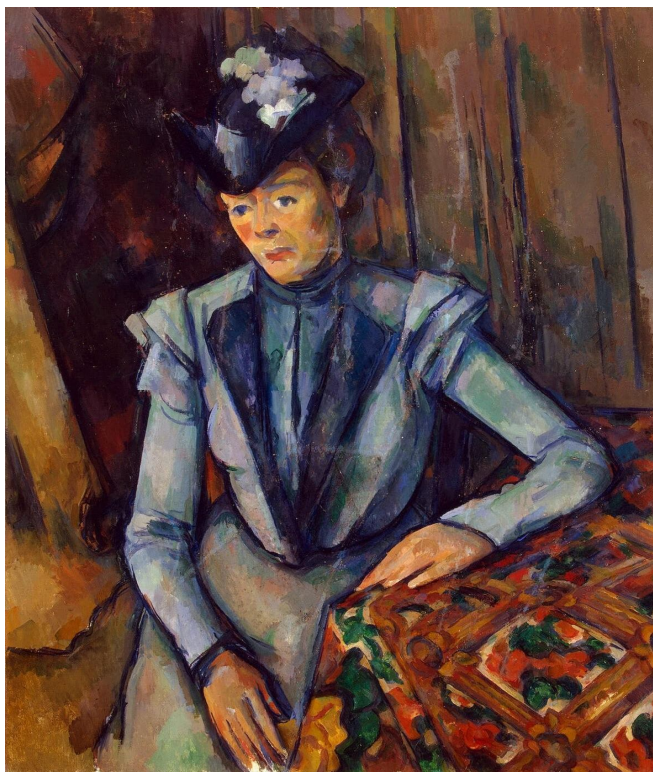

Рис. 2. Дама в голубом (Поль Сезанн)

Таким образом, в поликодовом интерпретационном дискурсе категория когерентности актуализируется в тематической и модальной целостности. Тематическая целостность проявляется в единстве макро- и микротем текстов исследуемого дискурса. Основными макротемами англоязычных эссе о произведениях живописи являются: *origin* ('происхождение') и *interpretation* ('интерпретация'). Первая макротема (*origin*) соответствует таким суперструктурным компонентам, как *биографические сведения о художнике* и *история создания картины*. Вторая (*interpretation*) коррелирует с третьей суперструктурной составляющей *описание картины и ее интерпретация*. В свою очередь, микротемы текстов эссе о произведениях живописи находятся в непосредственной зависимости от субкомпонентов суперструктурных составляющих. Связующим элементом текста и художественного полотна на уровне содержания является и авторская модальность (позиция) – истолкование возможных мотивов художника с целью распознавания смысла произведения живописи. Авторская модальность скрепляет все элементы содержания текста с помощью оценочных слов и словосочетаний, раскрывающих замысел живописца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев, А. А. Признаки связности и цельности текста / А. А. Леонтьев // Лингвистика текста : материалы науч. конф. : в 2 ч. / МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1974. – Ч. 1. – С. 168–172.
2. Яхиббаева, Л. М. Категории цельности (целостности) и связности как основные признаки текста / Л. М. Яхиббаева // Лингвокультурология. – 2008. – № 2. – С. 209–214.
3. Пешкова, Н. П. Типология научного текста: психолингвистический аспект / Н. П. Пешкова. – Уфа : Изд-во Уфим. гос. авиац. техн. ун-та, 2002. – 261 с.
4. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 159 с.
5. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М. : Наука, 1983. – 216 с.
6. Леонтьев, А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А. А. Леонтьев // Синтаксис текста / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1979. – С. 18–36.
7. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
8. Тураева, З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 126 с.
9. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2004. – 280 с.
10. Москальская, О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М. : Высш. школа, 1981. – 183 с.

11. *Бабайлова, А. Э.* Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку: социопсихолингвистические аспекты / А. Э. Бабайлова. – Саратов : Саратов. ун-т, 1987. – 152 с.
12. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.

The prototypical components identified in the semantic structure of the essays on the pictorial art are *biographical information about the artist; the history of the painting; description of the picture and its interpretation*. Coherence of the polycode interpretational discourse is actualized in the thematic and modal integrity. The main macro-topics of the essays on the pictorial art are *origin and interpretation*.

Т. А. Сысоева

ДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТНОСТИ: МНЕНИЕ АДРЕСАНТА И ЕГО МАРКЕРЫ В ГАЗЕТНОЙ ДИСКУССИИ

В статье раскрывается комплексный характер дискурсивной категории субъектности и определяются особенности ее актуализации в публикациях аналитического характера на двух языках. В результате сопоставительного анализа текстов жанра *газетная дискуссия* из белорусских и американских изданий были выявлены языковые маркеры мнения, основным из которых выступает местоимение первого лица в сочетании с глаголом речемыслительной деятельности. Несмотря на специфические моменты, обусловленные разноструктурным характером исследуемых языков, общая тенденция состоит в том, что из множества говорящих субъектов, точки зрения которых отражены в медиатексте в виде прямых цитат или косвенной речи, доминирующую позицию занимает автор сообщения и его субъективное мнение.

В нынешней исследовательской парадигме проблема медиадискурса и его отдельных жанров рассматривается с позиции субъекта речи. По мнению ведущих специалистов, современная лингвистика в целом «характеризуется антропоцентрическим подходом к изучению языка, текста и дискурса, интересом к роли говорящего и других коммуникантов в процессе общения» [1, с. 9]. Поскольку коммуникация в медиасфере направлена не только на привлечение внимания аудитории, но и на «выстраивание с ней эффективного диалога» [2, с. 77], для медиатекста, на наш взгляд, наиболее актуален следующий ряд вопросов: какова глобальная интенция автора, какие стратегии и тактики он применяет для достижения цели коммуникации, насколько открыто выражает свое субъективное мнение, заявляет о своем видении обсуждаемого вопроса?

Определение способов манифестации авторского «Я» в медиатексте неизбежно приводит нас к понятию *субъектности*, которое в широком плане представляет собой «коммуникативную категорию, предполагающую все возможные формы участия говорящего в высказывании» [1, с. 48]. Будучи одной из глобальных дискурсивных категорий, субъектность включает «субкатегории адресанта, адресата, а также всех других участников

дискурса» [1, с. 13]. Дело в том, что в роли говорящего субъекта может выступать не только автор, но и другие участники коммуникации, чье мнение приводится (цитируется дословно или упоминается вскользь) в том или ином сообщении. В свете сказанного легко объяснить полифонический характер современного медиатекста, который отличается диалогичностью, т.е. «выражением в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, многоголосием общения» [3, с. 28]. С одной стороны, в ходе коммуникации выстраивается диалог между автором и массовым адресатом, а с другой – между автором и «третьими лицами» (сторонниками или оппонентами его теории, героями публикации): «в тексте получает авторскую оценку предполагаемая позиция третьего лица (лиц), передается эмоциональное впечатление от прежде выдвинутого довода или утверждения, находятся решения, альтернативные ранее предложенному (своему или чужому), сопоставляются и оцениваются взгляды нескольких “третьих” лиц...» [4, с. 97–98]. Приводимые в медийном сообщении мнения могут полностью совпадать или «сталкиваться», быть диаметрально противоположными. Автор текста может разделять то или иное мнение, выражать согласие или несогласие, одобрение или неодобрение, а может и открыто спорить с другими, демонстрировать несостоятельность их аргументов. Таким образом, медийная сфера становится «центром столкновения интересов влиятельных субъектов социального пространства» [5, с. 105], отражая точки зрения различных социальных групп или индивидов. На языковом уровне маркерами подобной полифоничности (т.е. многоголосия) прежде всего выступают «цитаты, вводные конструкции, указывающие на источник» [6, с. 109].

Поставив перед собой цель коммуникации и определившись с содержанием материала, отправитель сообщения старается отыскать соответствующую форму представления этого материала. Он решает, как именно писать, «выявляя свое личностное начало или скрывая его, отстраняясь от написанного, будто бы это вовсе и не его, автора, создание» [7, с. 65]. При этом, по мнению исследователей, максимальная степень выраженности авторского присутствия характерна для аналитических медиажанров, таких как корреспонденция, комментарий, статья [6, с. 108]. В этом случае адресант «подаёт сообщение, сопровождая его своим субъективным отношением» [8, с. 287]. Сказанное справедливо и для медиажанра *газетная дискуссия*, который является комплексным и представляет собой набор из двух и более аналитических статей, связанных общей темой и выражающих разные мнения по поводу обсуждаемой проблемы. Данный жанр служит примером новых, «гибридных» форм текста, которые возникают в результате процессов диффузии жанров и их конвергенции [9]. Таким образом, современная медиасфера представлена привычными для нас медиапродуктами вроде газетной статьи, телепередачи, радиоинтервью, но в ней есть место и интегрированным жанрам, таким как инфотейнмент, эдютейнмент и т.п. [10, с. 27]. Очевидно, что исследуемые примеры газетной дискуссии относятся ко второй группе.

В качестве материала для проведения контрастивного анализа были отобраны публикации из американских изданий «The Washington Post», «USA Today» и русскоязычного белорусского издания «Народная газета» (а также их интернет-версий) за 2016–2018 гг. С одной стороны, анализируемые тексты можно было бы обозначить как аналитические статьи, которые посвящены актуальным проблемам. С другой стороны, данные публикации не являются самостоятельными: они тематически связаны с другими статьями, в которых высказываются альтернативные мнения по тому же самому вопросу, и степень убедительности авторской аргументации может быть полностью оценена только в контексте всей виртуальной дискуссии. Конечно, подобный обмен мнениями нельзя считать полноценным диалогом, однако он предоставляет читателям издания возможность сравнить конкурирующие точки зрения, оценить убедительность разных статей по одной и той же теме и в итоге определить для себя победителя виртуального спора. Формально газетная дискуссия может быть представлена по-разному. Так, в издании «Народная газета» слово предоставляется двум экспертам, профессионально связанным с определенной сферой деятельности (медицина, образование, экономика, политика и т.д.). Приглашенные высказывают собственную точку зрения самостоятельно, после чего две публикации размещаются в рубрике *Спор* на одной газетной странице под общим заголовком. На сайте американского издания «The Washington Post» читателям предоставляется возможность ознакомиться с разными точками зрения по поводу обсуждаемой проблемы, перейдя по ссылке *Read more on the topic*, размещенной после статьи в разделе *Opinion*. Издание «USA today» действует аналогично, однако высказываемые мнения помечаются как *Our view* и *Opposing view*, что значительно облегчает читателю задачу их сопоставления.

Как и в целом, в современной публицистике, главным предметом обсуждения в анализируемых текстах являются социальные проблемы. Это некие ситуации, которые требуют немедленного либо скорейшего разрешения, увеличивая разрыв между ожиданиями аудитории и реальным развитием событий [11, с. 153]. Однако задачей подобных текстов является не только всестороннее, многоплановое рассмотрение актуальных проблем, но и поиск путей их решения. Как правило, постановка проблемы в тексте маркируется соответствующим словом-репрезентантом или его синонимом: *Проблема состоит в том, что предприятия часто не склонны платить за исследовательские результаты, использованные ими в производстве; There are three **problems** with colleges today*. Автор чаще всего эксплицирует собственное мнение посредством местоимения первого лица, вводных слов, сослагательного наклонения, лексики с семантикой необходимости: *Театр, наверное, должен поднимать яркие серьезные проблемы; Конечно, очень хотелось бы чуда; Но было бы несправедливо только на чиновников пенять; Мое мнение: перед тем, как ужесточать наказание, нужно полностью обеспечить водителю возможность проехать участок дороги без нару-*

шений; Однако за прошедшее время **мое мнение** по этому вопросу существенно изменилось; **Необходимы** решительные изменения в области государственного воздействия; Today, the nation **needs** somewhat greater infrastructure spending to increase productivity by reducing road and port congestion and boosting the velocity of economic activity. **Unfortunately**, this subject is not immune to the rhetorical extravagance that infects all of today's political discourse. Как видно из приведенных примеров, маркеры мнения не являются взаимоисключающими и могут использоваться комплексно в пределах одного высказывания.

Обращаясь к чужому мнению, автор может одобрить его (*Такое мнение имеет право на жизнь*) или раскритиковать, указав на возможные негативные последствия предлагаемых действий: *If we continue to rely on market forces alone, as **some would suggest**, it will be too late for many residents.* Иногда апелляция к чужой точке зрения дается в предельно обобщенной форме, без точного указания субъекта мнения: **Часто приходится слышать и такое мнение:** *имеет ли смысл активно «напирать» на многодетность, если у нас слишком высок процент неблагополучности в данной категории семей?; The Fight for \$15 and the elimination of the tipped wage is fraught with fear, **heated opinions** and worst-case scenarios.* В ряде случаев указана социальная группа, так называемый коллективный носитель мнения: *At least that's **the opinion of many grammarians**, who have been quibbling about Americans' use of language for as long as there has been an American language to fight over; **Some historians** even suggest that...; **Their theory** is that improved infrastructure might have moved the South away from reliance on a slavery-based agricultural economy.* В других случаях субъект мнения конкретизирован, а его точка зрения оформлена в виде цитаты или косвенной речи: **Один из инспекторов дорожного движения, в чине полковника, обрисовал ситуацию:** «ограничение скорости – 50 км/ч. Едут два автомобиля. Один – со скоростью 55 км/ч, второй – 90 км/ч. Кого останавливать?»; **Angelle argues**, in essence, that the oil industry can be trusted to police itself. **Lifting these restrictions, he says**, would save the industry \$ 228 million over 10 years. Интересен тот факт, что обобщения чаще встречаются в белорусских изданиях, тогда как точное указание имени, источника, даты и иных деталей является спецификой американских изданий.

Несмотря на то, что для исследуемых статей характерно многоголосие (апелляция как к собственному мнению автора, так и к чужому), доминантой все же выступает собственная точка зрения: 84 % маркеров мнения в белорусских изданиях и 60 % в американских акцентируют именно авторскую позицию. Полученный результат количественного анализа отвечает общей тенденции усиления личностного начала в СМИ, о которой говорят современные исследователи [12, с. 162]. Принимая во внимание тот факт, что языковые средства манифестации авторского «Я» многообразны, в рамках настоящей публикации остановимся на таком способе, как сочетание местоимения первого лица единственного числа с глаголом.

В англоязычных текстах местоимение *I* сопровождается, прежде всего, глаголами речемыслительной деятельности (*I think, I suspect, I suppose, I understand, I mean, I imagine, I believe, I wonder, I say*). Приведем примеры их актуализации в контексте: ***I mean this only metaphorically; I fully understand the importance of worker safety and environmental protection; But as a proud parent of three college graduates, I have wondered if we'd really gotten our money's worth.*** Употребительны глаголы, выражающие одобрение или неодобрение, согласие или несогласие (*I acknowledge; I sympathize, I welcome, I argue, I oppose, I disagree*): ***I can sympathize with their fears; I welcome efforts to change the way business is conducted here; I would not argue that...; I opposed the war in Iraq, yet seized an opportunity to work in Baghdad where I gained valuable insights on the challenges of development and diplomacy in a war zone.*** Поскольку авторы статей предлагают не только субъективное мнение по поводу проблемы, но и свои пути ее решения, встречается сочетание глагола *have* с существительным *solution* или его синонимами: ***I have a suggestion; I have a solution to this problem.*** Употребительны открытые призывы к действию: ***I urge business associations, the mayor and the D.C. Council to press forward on these issues.*** Для англоязычных текстов также характерно использование глаголов *be, feel* с соответствующим существительным или прилагательным, указывающим на эмоции адресанта: ***I felt relief; I was impressed; How grateful I am that this was so; I am confident that the bureau will be able to achieve the goal of integrating a risk-based inspection protocol in 2018.***

Обратимся к текстам из белорусских изданий, для которых наиболее употребительной группой также оказались глаголы речемыслительной деятельности (я думаю, я знаю, я помню, я вижу – в значении ‘осознаю, понимаю’): ***Я думаю, психологический театр переживет и этот крен; Пока я вижу, что система начисления штрафных баллов за нарушения ПДД – мера скорее карательная, чем предупредительная, а значит, эффективность ее в нынешних условиях, скорее всего, будет низкой.*** Для русскоязычных текстов характерны глаголы, выражающие одобрение, согласие, отношение (я поддерживаю, я принимаю, я защищаю, я люблю), призывы к действию (я призываю). Встречаются примеры, в которых автор дает оценку собственным действиям или предлагает пояснения ранее сказанному (я не скрываю, я имею в виду). Специфичным является использование краткой формы прилагательного: *я уверена, я убежден*. Необходимо признать, что в русскоязычных текстах арсенал глаголов, с которыми сочетается местоимение первого лица в составе маркеров мнения, значительно беднее, чем в англоязычных. Подобный результат объясняется разноструктурным характером языков. Так, в русскоязычных текстах в качестве альтернативы употребительны односоставные предложения (определенно-личные): ***Знаю, что они способны на большее; Думаю, и наша страна в состоянии перенять положительный пример; Вместе с тем считаю, что на сегодняшний день наше законодательство в вопросах определения ответственности за преступления, связанные с оборотом наркотиков, одно из самых эффективных в мире.***

Таким образом, авторы текстов, относящихся к «гибридному» медиажанру *газетная дискуссия*, реализуют намерение поделиться субъективным мнением по поводу обсуждаемой проблемы. В ходе доказательства собственной позиции они прибегают к цитированию чужих точек зрения, в результате чего возникает сложное переплетение мнений нескольких говорящих субъектов. Однако специфика репрезентации дискурсивной категории *субъектности* в исследуемом жанре такова, что в этой полифонии голосов мнение автора публикации все же звучит ярче, чем остальные, и данная тенденция находит свое воплощение как в американских печатных изданиях, так и белорусских.

Сопоставительный анализ англоязычных и русскоязычных текстов показал, что в целом спектр маркеров мнения является сходным, и сочетание местоимения первого лица единственного числа с глаголом речемыслительной деятельности занимает в этой группе лидирующую позицию, выступая эксплицитным средством выражения субъективной точки зрения адресанта. Вместе с тем можно говорить и о присутствии лингвокультурных различий, обусловленных, прежде всего, разноструктурной природой двух сопоставляемых языков. Если в англоязычных текстах арсенал используемых глаголов богаче, то в русскоязычных текстах более вариативной является структура высказывания, которое может быть как двусоставным, так и односоставным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
2. *Демидова, М. А.* Медийная коммуникация: преодоление времени и пространства в диалоге с аудиторией // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 10 : Журналистика. – С. 77–87.
3. *Мельник, Г. С.* Медiateкст как объект лингвистических исследований / Г. С. Мельник // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 27–29.
4. *Ван Хао.* Особенности структуры русских газетных текстов / Ван Хао // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – № 34. – С. 97–103.
5. *Байдина, В. С.* Свойства медиатекста и свойства социального времени: проблематика отражения и восприятия темпоральности в журналистике / В. С. Байдина // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 105–108.
6. *Медведева, Е. А.* Современные медиатексты в аспекте стилеобразующих категорий «автор» и «адресат» / Е. А. Медведева, Н. В. Соловьева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2012. – № 32 (286), вып. 71. – С. 107–111.
7. *Валгина, Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.

8. *Ткаченко, А. И.* Текстоброобразующая роль модальности в газетной статье / А. И. Ткаченко // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, № 2. – С. 286–291.
9. Современный медиатекст : учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
10. *Волкова, А. А.* Медиатекст в условиях конвергенции / А. А. Волкова // Журналистский ежегодник. – 2013. – № 2, ч. 2. – С. 26–28.
11. *Дмитровский, А. Л.* Жанры журналистики / А. Л. Дмитриевский // Ученые записки Орлов. гос. ун-та. Сер. Гуманит. и социал. науки. – 2014. – Вып. 4. – С. 149–158.
12. *Рацибурская, Л. В.* Специфика воздействия в современном медийном словотворчестве / Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Вып. 2. – С. 162–167.

The paper considers opinion markers in American and Belarusian printed editions and establishes common tendencies of their usage as well as language-specific preferences. Despite quoting multiple opinions in a newspaper discussion, the addressants tend to stress their own subjective point of view.

Д. Л. Тригубова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АННОТАЦИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ

Статья посвящена проблеме аннотирования художественных фильмов. Рассматривается типология аннотаций к кинофильмам, различающихся по объему и коммуникативным целям. Анализируется структурно-семантическая организация таких типов аннотаций, как тритмент, трейлер, синопсис, логлайн и тэглайн.

В последнее время исследователи уделяют значительное внимание изучению разных типов дискурса, в том числе кинодискурса.

Различные аспекты дискурса исследовались такими учеными, как З. Харрис, С. Тичер, Д. Л. Филлипс, М. Л. Макаров, Т. Ф. Плеханова, В. Б. Кашкин и др. Дискурс рассматривается как комплекс лингвистических, психологических и социальных явлений, который подчинен как правилам грамматики, так и более общим правилам организации, интерпретации и связности речи, которыми владеют говорящие на данном языке. Лингвистический анализ дискурса, следовательно, фокусируя внимание на тексте, выходит за его пределы в междисциплинарную область лингвистики, философии, психологии, прагматики, риторики и социологии. Анализу подвергаются разные жанры речевых произведений: политические речи, художественные произведения, фильмы, ток-шоу и т.д., с точки зрения не просто последовательности предложений, а в плане проявления в них тех черт, которые отражают их организацию, риторическую направленность и связность [1].

В данной статье под дискурсом понимается текст, рассматриваемый с позиции его порождения или восприятия с учетом различных экстралингвистических факторов (когнитивных, психологических, коммуникативно-прагматических, этнических и др.) [2].

Понятие *кинодискурс* возникло в связи с расширением предмета лингвистики кинотекста. В отличие от кинотекста, имеющего лингвистические характеристики, кинодискурс включает также экстралингвистические факторы: культурно-исторические фоновые знания адресата, экстралингвистический контекст, т.е. обстановку, время и место, к которым относится фильм, а также такие невербальные средства, как рисунки, жесты, мимика [3]. Эти экстралингвистические факторы в определении сущности кинодискурса выдвигаются на первый план и являются определяющими по отношению к лингвистическим. Именно экстралингвистические факторы в кинодискурсе и рассматривает в своей работе А. Н. Зарецкая, которая утверждает, что «кинодискурс – это сложное явление, включающее в себя связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма невербальными факторами» [4, с. 70].

Кинодискурс как первичное произведение возможно переработать в сжатое вторичное представление. Понятие «вторичный текст» возникло в теории научной информации в 60-е годы XX века. Под ним понимается новый текст, созданный в ходе переработки первичного документа и сохраняющий его основное содержание [2]. Процесс преобразования информации, целью которого является получение обобщенной характеристики текста, раскрывающий его логическую структуру и наиболее существенные стороны содержания, известен в литературе как аннотирование. Результатом данного процесса является аннотация. Визуально аннотация является сжатым и структурированным отражением текстового сообщения. Пользователь, глядя на аннотацию в несколько строк, может оценить содержание текста в сотни фраз.

По содержанию и целевому назначению аннотации могут быть [5]:

1. *Справочные* – раскрывают тематику текста и сообщают какие-либо сведения о нем, но не дают его критической оценки.

2. *Рекомендательные* – содержат оценку текста с точки зрения его пригодности и полезности.

По охвату содержания аннотированного документа и читательского назначения различают аннотации [Там же]:

1. *Общие* – характеризуют текст в целом, рассчитаны на широкий круг читателей.

2. *Специализированные* – раскрывают текст лишь в определенных аспектах, рассчитанных на узкого специалиста.

При рассмотрении жанра аннотации учитывается набор следующих параметров: 1) сфера коммуникации; 2) коммуникативная цель; 3) характеристики адресанта и адресата; 4) стратегии и тактики адресанта; 5) типовая

структура; б) характерные языковые средства. Первые три параметра являются коммуникативными, поскольку они описывают ситуацию коммуникации и ее участников. Остальные параметры носят когнитивно-коммуникативный характер.

Благодаря рациональной оценке новизны излагаемого материала аннотация может выполнять не только информативную, но и рекламную функцию, которая соотносится с рекламно-эпистемическим аспектом коммуникации. Это достигается за счет не просто включения в аннотацию обобщенного содержания исходного текста, но и акцентирования внимания на наиболее важной, по мнению авторов, информации [2].

Аннотация как вид сжатого изложения создается на основе первичного текста с помощью приемов сжатия. К ним относятся *исключение, обобщение и замена*. При исключении выделяется главное с точки зрения основной мысли текста, после чего убираются ненужные подробности и детали. Обобщение – мелкие, единичные факты объединяются на основе общих характеристик. При замене смысловые части, словосочетания или сложные предложения сокращаются с помощью замены обобщающим словом, простым предложением и т.д.

Кинодискурс может компрессироваться в следующие типы аннотаций: *тритмент, трейлер, синопсис, логлайн, тэглайн*.

Тритмент (англ. *treatment* – трактовка) – детальное описание сути фильма с упоминанием основных героев и подробным описанием ключевых сцен фильма. Размер тритмента колеблется от 10 предложений до нескольких страниц текста. Тритмент чаще всего содержит раскрытие всех важных деталей фильма и концовки [6].

Трейлер (англ. *trailer* – анонс) – видеоролик, состоящий из кратких и обычно наиболее зрелищных фрагментов фильма, используемый для анонсирования или рекламы этого фильма. В задачу режиссера монтажа трейлера входит создание структуры ролика, выстраивание сюжета, подбор музыки и кадров, монтаж. Часто трейлеры создаются как небольшие сюжетные истории, в которых диалоги из фильма чередуются с эффектными моментами и спецэффектами. Видеоряд может сопровождаться голосовыми или текстовыми комментариями, раскрывающими завязку сюжета. Продолжительность трейлера обычно не превышает нескольких минут [7].

Синопсис (англ. *synopsis* – резюме, краткий обзор) – краткое последовательное изложение сценария фильма, его содержания, описание конфликта. В синопсисе есть завязка, поворотные моменты, кульминация. Если в кинофильме присутствуют известные актеры, их имена, фамилии также могут упоминаться в синопсисе. В синопсисе просматривается сценарная структура фильма. Как правило, стандартный размер синопсиса – 100–200 слов. Синопсис, в отличие от тритмента, не раскрывает концовку, сохраняя таким образом интригу [6].

Логлайн (англ. *log* – журнал событий, *line* – строка) – краткая аннотация к фильму, передающая суть сюжета, его основную драматическую линию. Это основная идея, выраженная 2–3 распространенными предло-

жениями (как правило, около 20–25 слов). Логлайн дает представление о сюжете в целом, при этом не раскрывает важных деталей сюжета, а также не сообщает концовку. Логлайн дает ответ на основные вопросы: кто главный герой, что происходит, на чем построена основная интрига [6].

Тэглайн (англ. tag – метка, ярлык, line – строка) – это строчка-подзаголовок, максимально кратко, емко и художественно отражающая основную идею фильма. Тэглайны размещаются на веб-сайтах, посвященных кинофильмам, еще до выхода фильма в прокат, чтобы заинтересовать целевую аудиторию, дать некоторую информацию о кино, его жанре и в конечном итоге привлечь массового адресата к просмотру данного фильма в кинотеатрах. Тэглайны также можно встретить на афишах и плакатах, в составе трейлеров, на рекламной продукции и листовках [8]. Типичный размер тэглайна – 1–2 нераспространенных предложения. Основное отличие тэглайна от логлайна заключается в том, что логлайн имеет описательно-повествовательную природу, в то время как тэглайн в большей степени выступает в качестве рекламы и призван создавать более значительную неопределенность и интригу.

Рассмотрим структурно-семантические характеристики различных типов аннотаций на примере нескольких вариантов сжатого изложения содержания двух кинофильмов: «Million Dollar Arm» («Рука на миллион»), снятого режиссером Крейгом Гиллеспи и выпущенного в США в 2014 году, и «Saving Mr. Banks» («Спасти мистера Бэнкса»), американского фильма 2013 года выпуска режиссера Джона Ли Хэнкока. Материалы для анализа взяты с англоязычных онлайн-баз данных о кинофильмах «Internet Movie Database» [9] и «The Movie Database» [10].

Тритмент, представленный для кинофильма «Million Dollar Arm», содержит 1025 слов, в тритменте кинофильма «Saving Mr. Banks» – 631 слово. Проведенный анализ показал, что в данный тип аннотации включены детальные описания героев, сцен кинофильма, событий, проблемных ситуаций и их решения. Так, в первую очередь, в нем дается характеристика персонажей. Рассматривая тритмент фильма «Million Dollar Arm», возможно представить следующие фрагменты: *J. B. Bernstein is a big-time sports agent who, along with his partner Ash Vasudevan, recently formed their own company.* ‘Джей Би Бернстайн – крупный спортивный агент, который вместе со своим партнером Эшем Васудеваном недавно основал собственную компанию’; *<...> Two youngsters emerge as the winners – Rinku Singh and Dinesh Patel, and they are flown to the U.S. to begin their baseball training. The pair, who grew up in poverty in India and do not speak or understand English, are instantly overwhelmed by the sights and sounds of America.* ‘Два подростка становятся победителями – Ринку Сингх и Динеш Патель, их отправляют в США, чтобы они начали бейсбольные тренировки. Эти двое, выросшие в бедности в Индии и не говорящие по-английски, потрясены всем, что они видят и слышат в Америке’. В тритменте фильма «Saving Mr. Banks» образы героев представлены в следующем фрагменте: *In 1961, the financially strapped author Pamela “P.L.” Travers reluctantly travels*

from her home in London to Los Angeles to work with Walt Disney at the urging of her agent, Diarmuid Russell. Disney has pursued the film rights to her Mary Poppins stories for twenty years, having promised his daughters that he would produce a film based on them. ‘В 1961 году стесненная в средствах писатель Памела ‘Пи Эл’ Траверс нехотя уезжает из собственного дома в Лондоне в Лос-Анджелес для работы с Уолтом Диснеем по настоянию своего агента Диармуида Рассела. Дисней двадцать лет пытается получить права на экранизацию ее рассказов о Мэри Поппинс, так как пообещал своим дочерям снять по ним фильм’.

Тритмент представляет собой изложение сюжета фильма в той же последовательности, в которой он представлен в самом кинофильме. Главная цель тритмента – не заинтересовать зрителя, а сформировать полное представление о кинофильме, поэтому он имеет описательный характер. В связи с этим отличительной чертой тритмента является раскрытие способа разрешения интриги и финала фильма. Приведем соответствующие фрагменты из тритментов обоих рассматриваемых кинофильмов. Фильм «Million Dollar Arm»: *Chang changes his mind and sees the second try-out of Singh and Patel. This time, J.B. insists the boys relax and have fun. The scouts are quickly impressed as the pair consistently deliver 90+ mph fastballs thrown accurately, and both are offered a contract by the Pittsburgh Pirates.* ‘Чанг принимает решение повторно дать Сингху и Пателю шанс пройти отбор. На этот раз Джей Би настоятельно рекомендует парням расслабиться и повеселиться. Скауты настолько впечатлены тем, как оба парня делают броски со скоростью 90 миль в час и более, что предлагают им контракт в команде «Питтсбургские Пираты». Кинофильм «Saving Mr. Banks»: *Arriving unexpectedly at her door, Disney tells her that he also had a less-than-ideal childhood, but stresses the healing value of his art. He urges Travers to not let deeply-rooted past disappointments dictate the present. Travers relents and grants Disney the film rights.* ‘Неожиданно появившись у нее дома, Дисней говорит, что у него тоже было неидеальное детство, и подчеркивает целительную силу искусства. Он призывает Траверс не позволять глубоко укоренившимся разочарованиям прошлого определять настоящее. Траверс уступает и предоставляет Диснею права на фильм’.

Размещенный в Интернете трейлер фильма «Million Dollar Arm» содержит 313 слов, трейлер фильма «Saving Mr. Banks» – 459 слов. Оба трейлера представляют собой набор наиболее релевантных кадров и сцен из кинофильма, второй также содержит текстовые комментарии к данным сценам: *Behind the beloved book... is a story beyond words. Academy Award winner Emma Thompson. Academy Award winner Tom Hanks.* ‘За любимой книгой скрывается история, которую не передать словами. Обладатель Оскара – Эмма Томпсон. Обладатель Оскара – Том Хэнкс’. Трейлеры анонсируют жанр фильма, упоминают основные темы. В трейлере первого кинофильма это осуществляется с помощью, например, таких слов и словосочетаний, как *sports agent* ‘спортивный агент’, *deal* ‘сделка’, *business* ‘бизнес’, *cricket* ‘крикет’, *major league* ‘высшая лига’, *baseball* ‘бейсбол’, *last*

best shot ‘последняя попытка на успех’, *a try-out* ‘отборочные соревнования’; в трейлере второго фильма – *the creator of Mary Poppins* ‘создатель Мэри Поппинс’, *Mr. Disney* ‘мистер Дисней’, *books* ‘книги’, *film* ‘фильм’, *a flying nanny* ‘летающая няня’, *Disneyland* ‘Диснейленд’, *the beloved book* ‘любимая книга’, *a true story* ‘реальные события’. Трейлеры также знакомят с основными героями. Приведем следующие фрагменты из трейлера кинофильма «Million Dollar Arm»: *I'm J.B. Bernstein, I'm a sports agent. <...> They're also just a couple of great kids. Kids! They're far from home, they need to see that you care.* ‘Я Джей Би Бернстайн. Я спортивный агент. <...> Они просто отличные ребята. Но дети! Они далеко от дома, им нужно чувствовать, что тебе не все равно’. В трейлере фильма «Saving Mr. Banks» значимыми представляются следующие фрагменты: – *Introducing the creator of our beloved Mary. – Poppins. Never ever just Mary. <...> Twenty years ago I made a promise to my daughters that I would make your Mary Poppins fly off the pages of your books.* ‘ – Позвольте представить создателя нашей любимой Мэри. – Поппинс. Никогда не называйте ее просто Мэри. <...> Двадцать лет назад я пообещал моим дочерям, что сделаю так, что Мэри Поппинс взлетит со страниц ваших книг’. При этом решение проблемы и концовка фильма в трейлере не описываются, а остаются за кадром.

Представим синопсисы анализируемых кинофильмов. Объемы синопсисов следующие: «Million Dollar Arm» – 79 слов, «Saving Mr. Banks» – 267 слов. Несколько больший объем второго синопсиса частично связан с тем, что он включает информацию об актерах, играющих главные роли (например, *Two-time Academy Award winner Emma Thompson and fellow double Oscar winner Tom Hanks topline Disney's "Saving Mr. Banks"* ‘Обладатель двух Оскаров – Эмма Томпсон и ее коллега, обладатель двух Оскаров – Том Хэнкс исполняют главные роли в фильме «Спасти мистера Бэнкса», снятом компанией Дисней’). Синопсисы обоих фильмов содержат достаточно краткое описание завязки и сюжетной линии, дают представление о жанре фильма, вводят в проблемную ситуацию. Это осуществляется с помощью следующего текстового фрагмента: *In a last-ditch effort to save his career, sports agent J.B. Bernstein dreams up a wild game plan to find Major League Baseball's next great pitcher from a pool of cricket players in India.* ‘В последней попытке спасти свою карьеру спортивный агент Джей Би Бернстайн придумывает безумный план найти будущую звезду Высшей лиги бейсбола из игроков в крикет в Индии’ («Million Dollar Arm»); *In his quest to obtain the rights, Walt comes up against a curmudgeonly, uncompromising writer who has absolutely no intention of letting her beloved magical nanny get mauled by the Hollywood machine* ‘Пытаясь получить права на экранизацию, Уолт сталкивается с жесткой, бескомпромиссной писательницей, которая совершенно не собирается разрешать машине Голливуда испортить ее любимую волшебную няню’ («Saving Mr. Banks»). В обоих случаях синопсис имеет открытую концовку, из которой непонятно, каким образом будет решена проблема. Это связано с тем, что одной из целей синопсиса является рекламное привлечение зрителей к просмотру картины.

Еще одним типом аннотации кинофильма является логлайн. Интерес представляют характеристики логлайнов рассматриваемых кинофильмов:

– *A sports agent stages an unconventional recruitment strategy to get talented Indian cricket players to play Major League Baseball* ‘Спортивный агент разрабатывает необычную стратегию привлечения талантливых индийских игроков в крикет для игры в Высшей лиге бейсбола’ («Million Dollar Arm», 19 слов);

– *Author P.L. Travers reflects on her childhood after reluctantly meeting with Walt Disney, who seeks to adapt her Mary Poppins books for the big screen* ‘Писательница Пи Эл Траверс вспоминает свое детство после навязанной ей встречи с Уолтом Диснеем, который стремится экранизировать ее книгу о Мэри Поппинс’ («Saving Mr. Banks», 25 слов).

Как видно из примеров, размер логлайнов – одно распространенное предложение. Логлайн дает представление о теме фильма, главных героях и центральной проблеме, не раскрывая способа ее разрешения.

Тэглайнами рассматриваемых кинофильмов являются:

– *Sometimes to win, you have to change the game* ‘Иногда чтобы победить, нужно изменить игру’ («Million Dollar Arm», 9 слов);

– *To bring Mary Poppins to life, he needs to work his magic* ‘Чтобы оживить Мэри Поппинс, ему необходимо использовать волшебство’ («Saving Mr. Banks», 12 слов).

Как и логлайны, тэглайны также представляют собой одно предложение, однако не раскрывают сюжет кинофильма, а только содержат косвенную ссылку на его жанр и тему. В первом случае это ссылка на спорт за счет слов *win* ‘победить’, *game* ‘игра’, во втором – ссылка на известную сказочную историю посредством упоминания единиц *Mary Poppins* ‘Мэри Поппинс’, *magic* ‘волшебство’. Иными словами, тэглайны главным образом нацелены на создание интриги, привлечение внимания зрителя и только во вторую очередь – на сообщение информации о фильме.

Таким образом, проведенный анализ показал, что все рассмотренные в статье типы аннотаций кинофильмов (тритмент, трейлер, синопсис, логлайн, тэглайн) имеют одну главную, общую характеристику: содержат информацию о теме кинофильма. Во всех видах, кроме тэглайна, имеется информация о главных героях и основной проблеме. В то же время различные типы аннотаций обладают своими структурно-семантическими характеристиками. Например, тритмент отличается подробным изложением сюжета и раскрытием окончания фильма, что не характерно для других типов аннотаций. Особенностью трейлера является превалирующий диалогический характер изложения информации. Синопсис является промежуточным типом аннотации между подробным тритментом и кратким логлайном. Отличительной чертой тэглайна является его образность и часто иносказательность для максимального создания интриги.

При дальнейшем исследовании интерес представляет выявление закономерностей в составлении всех типов аннотаций англоязычных и русскоязычных кинофильмов и установление их лингвокультурной специфики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Макаров, М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
2. *Карпилович, Т. П.* Аннотация как жанр текста в разных культурах : учеб.-метод. пособие / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2007. – 59 с.
3. *Ришелье, Т. Г.* Кинотекст как единица дискурса: к определению понятий / Т. Г. Ришелье // Язык – когниция – коммуникация : тезисы докладов Междунар. науч. конф., Минск, Беларусь, 3–6 ноября 2010 г. / Минск. гос. лингвист. ун-т; отв. ред. З. А. Харитончик. – Минск : МГЛУ, 2010. – С. 285–287.
4. *Зарецкая, А. Н.* Особенности реализации подтекста в кинодискурсе / А. Н. Зарецкая // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – Челябинск, 2008. – С. 70–74.
5. *Котлярова, И.* Аннотирование научного текста / И. Котлярова, З. Кокенова // Науч.-практ. журнал «Педагогическая диагностика», № 5–6. – М. : НИИ школьных технологий, 2015. – С. 41–43.
6. *Лашук, А.* Логлайн и синопсис: характеристики, особенности, требования / А. Лашук // Фестагент – Журнал о кинопроизводстве и фестивалях [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://festagent.com/ru/articles/longline>. – Дата доступа : 28.10.2018.
7. Wikipedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://en.wikipedia.org/wiki/Trailer_\(promotion\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Trailer_(promotion)). – Дата доступа : 01.11.2018.
8. *Кунавина, М. С.* Особенности передачи глагольных форм при переводе англоязычных тэглайнов на русский язык / М. С. Кунавина // Вестн. Моск. гос. гуманит. ун-та им. М. А. Шолохова. Филол. науки. – 2013. – № 4. – С. 31–37.
9. Internet Movie Database [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.imdb.com/>. – Date of access : 03.11.2018.
10. The Movie Database [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.themoviedb.org/>. – Date of access: 03.11.2018.

This article is devoted to the problem of composing different kinds of feature film summaries. The main types of film summaries are identified, their structural and semantic characteristics are described.

В. Ю. Якубова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАУЧНО-УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируются англо- и белорусскоязычные научно-учебные книги по медицинской и психологической тематике в рамках когнитивно-коммуникативного подхода. Выявляются такие прототипические семантические компоненты структуры данного типа текста, как *научное исследование* (включающий субкомпоненты *научная проблема, гипотеза, научная теория, результат исследования, практическое применение научного знания*), *комментарий автора и мнение ученого*. Для каждого из компонентов

определяются языковые средства, которые маркируют его в тексте книги. Анализируются сходства и различия в структуре научно-учебных книг на английском и белорусском языках.

В настоящее время для исследования текста и дискурса применяются такие подходы, как коммуникативный, рассматривающий текст как язык в различных условиях общения, и когнитивный, исследующий особенности текста, связанные с формированием и передачей научной информации, или знания. Кроме того, в основе текста как вербального продукта познания действительности лежат структуры опыта и знаний и возможность выведения из текста нового знания.

Проблема адекватной передачи научного знания остается актуальной в современном информационном обществе. Важная роль в передаче нового знания широкой читательской аудитории в условиях современного уровня развития науки и техники принадлежит научно-учебным текстам, которые необходимы для влияния на научную и мировоззренческую картину мира читателей путем формирования и систематизации их знаний.

Материалом исследования послужили научно-учебные книги по медицинской и психологической тематике на английском и белорусском языках. Это учебные пособия, предназначенные для студентов, преподавателей и специалистов в данной области знания. Следует отметить, что англоязычные книги предназначены для более широкой аудитории, на что прямо указывают авторы этих книг в предисловии, отмечая, что издание адресовано неспециалистам, интересующимся медициной и психологией.

С точки зрения композиционного строения англо- и белорусскоязычные книги имеют типовую структуру, элементами которой являются предисловие, введение, тематические разделы и главы. Для текстов на обоих языках характерно разделение на внешне выраженные смысловые фрагменты (главы и подзаголовки, которые делят главы на несколько логических частей). Поскольку целью научно-учебных книг является не только информирование читателей о той или иной научной проблеме, но и обучение читателей, то в композиции текстов проявляется также воздействие дидактической интенции [1]. Главы и подглавы облегчают читателю аналитическую и синтетическую деятельность при восприятии, служа смысловыми вехами [1, с. 34]. При этом следует отметить, что введение и посвящение, свойственные англоязычным текстам, имеют языковые характеристики научно-популярного изложения. В частности, лексические единицы со значением новизны научного знания, его актуальности и практической значимости формируют у адресата интерес к прочтению книги и ценность знания, которое содержится в ней: *Against this background, the discipline of sport and exercise psychology has emerged as an exciting new field with intellectual roots in both psychology and sport science* [2]. Применяются также экспрессивные синтаксические конструкции (вопросительные предложения, синтаксический параллелизм). Ср.: *Most parents note the age their baby rolls and sits; most teachers know which skills their pupils should be able to perform; most health professionals know the parameters of their*

small charges' vital signs [3]. Кроме того, авторы употребляют местоимение первого лица единственного и множественного числа с целью установить контакт с читателем и вызвать его доверие к сообщаемой информации. Ср.: *Finally, I have learned that students like to receive practical suggestions concerning possible research projects in sport and exercise psychology. In response to this need, I have indicated a number of empirical project ideas at the end of each chapter* [2]. *Трэба памятаць, што не толькі мы знаёміся з хворым, калі выяўляем скаргі, анамнез, але і хворы вывучае нас* [4]. Как показывает анализ, введение в англоязычных книгах характеризуется большей экспрессивностью, чем в белорусскоязычных.

Семантическую структуру исследуемых текстов мы рассматриваем в соответствии с концепцией Т. А. ван Дейка, понимая ее как «конвенциональную схему, форму для организации структуры текста как целого, которая существует независимо от локальных или глобальных значений текстов и от их содержания и задает общую схему текста» [5, с. 255]. Семантическая структура является типичной для текстов того или иного типа и включает ряд семантических компонентов [6; 7; 8; 9]. Каждый из компонентов семантической структуры текста эксплицируется в тексте с помощью определенных слов, словосочетаний, лексических клише и синтаксических конструкций, которые указывают на тот или иной фрагмент текста [7; 9]. Выявление компонентов семантической структуры исследуемых научно-учебных текстов осуществлялось в первую очередь на основании анализа контекста, поскольку данные компоненты носят содержательный характер, а также на основании определенных языковых маркеров.

Анализ научно-учебных текстов показал, что их прототипическая семантическая структура представлена такими основными компонентами, как *научное исследование, комментарий автора и мнение ученого*.

Компонент *комментарий автора* представляет собой фрагмент текста, в котором автор книги, являющийся ученым-исследователем, выражает свое мнение о разных аспектах исследуемой темы. Коммуникативная цель этого компонента состоит в том, чтобы дать оценку степени изученности научной проблемы, точке зрения или деятельности других ученых, привести примеры, высказать свою точку зрения по проблеме.

Выделить компонент *комментарий автора* в исследуемых текстах позволяет ряд языковых маркеров. Употребление автором личного местоимения 1-го лица (*I*) позволяет ему выступать в роли виртуального собеседника и вызывать доверие читательской аудитории [10]: *Messer and Warren (1995) concluded that children with less severe psychopathology are more responsive to brief intervention than children with chronic developmental problems. My own view is that the internalizing disorders are most appropriate for brief psychodynamic intervention.* [11, p. 122]. Для белорусскоязычных текстов употребление местоимения первого лица нехарактерно.

Авторская позиция в англоязычном научно-учебном тексте также эксплицируется посредством употребления средств рациональной оценки

различных аспектов исследуемой темы: масштаб научной проблемы, практическая значимость результатов исследования, актуальность исследования, степень изученности научной проблемы, результаты исследований. Например, в книге о психологии спорта оценивается экспертиза как один из аспектов этой области знания: *To begin with, I shall explain what “expertise” means and indicate why it has become such an **important** topic in psychology* [2, p. 153]. Объектом авторской оценки также может быть деятельность ученых: *Still, Knell’s (1993) approach is a **thoughtful** integration of different theoretical approaches and techniques and is an **excellent** model for how to integrate treatment approaches* [11, p. 47].

Употребительным маркером присутствия автора в тексте являются различные коннекторы, обозначающие причинно-следственные связи в тексте, противопоставление, формулировку логических выводов (*however, thus, but, still, to begin with, by contrast, аднак, але, гэта дазваляе меркаваць, што..., акрамя таго*), а также пояснительные и уточняющие конструкции. Употребление этих языковых маркеров позволяет автору структурировать и логично преподнести материал и управлять восприятием информации читателем: ***In summary**, pretend-play ability is related to many of the cognitive and affective processes important in creativity. **Although** much of the research is correlational, there are well-designed experimental studies that have found facilitative effects of play on creative thinking and longitudinal studies that suggest causality* [11, p. 25]. *Некаторыя мікраарганізмы, вылучаючы гіялуранідазу, выклікаюць дэпалімерызацыю гіялуранавай кіслі асноўнага рэчыва і, **такім чынам**, садзейнічаюць свайму распаўсюджванню ў арганізме* [12, с. 81]. Кроме того, комментарий автора научно-учебного текста эксплицируется с помощью примеров, которые маркируются конструкциями типа *for example, for instance, напрыклад, такім чынам*: *Through its interhypothalamic axonal connections, the hypothalamus produces a pituitary response to changes in the autonomic nervous response, temperature regulation, water balance (see renal system) and energy requirements. **For example**, thyroid hormones T3 and T4 will increase metabolic rate, the use of glucose by the cells and heating of the body* [3, p. 163]. *Гармоны могуць уплываць на паводзіны, змяняць агульны стан арганізма. **Напрыклад**, пасля выдалення палавых залоз, шчытападобнай залозы, наднырачнікаў або гіпофіза назіраюцца адхіленні ў палавым развіцці асобы* [13, с. 144].

В англоязычных научно-учебных книгах комментарий автора может эксплицироваться с помощью средств экспрессивного синтаксиса. Так, автор книги «Introduction to the anatomy and physiology of children» задает вопрос читателю, побуждая его думать над возможными вариантами ответа: *Why is breast feeding best for the baby* [3, p. 119]? Автор может также обращаться непосредственно к читателю, на что указывает местоимение второго лица: *In the previous section, **I** indicated that sport and exercise psychology is commonly regarded as an applied science. **If so, what research methods does it use? As you might expect**, there is a large toolbox of research methods available to sport and exercise psychologists* [2, p. 16].

Наиболее типичным компонентом семантической структуры научно-учебного текста является компонент *научное исследование*, который присутствует во всех исследуемых текстах и подразделяется на такие субкомпоненты, как *научная проблема, гипотеза, научная теория, результат исследования, практическое применение научного знания*. В этом компоненте содержится основная фактическая информация книги: описание проблемы и ее разнообразных аспектов (свойства объекта исследования, гипотезы, различные подходы к интерпретации явлений, статистические данные, результаты исследований). Данный компонент имеет констатирующий характер и не отличается ярко выраженной экспрессией. Его цель состоит в том, чтобы максимально точно и подробно изложить информацию по той или иной теме, сформировать у адресата структурированное представление о проблематике книги. Читатель получает основную информацию именно из этого компонента и имеет возможность понять суть описываемой проблемы.

Маркерами данного компонента структуры научно-учебного текста являются научные термины, связанные с тематикой книги. Кроме того, авторы дают определения ключевым терминам с целью сформировать у читателя четкое представление об определяемых явлениях: *High-quality play was defined as play that showed more separation themes and attempts to resolve conflicts* [11, p. 71]. *Пад перытанітам разумеюць запаленне брушчыны* [4, с. 198]. Определения являются более типичными для книг на белорусском языке, им отводится значительная роль, поскольку они ориентированы на более узкую аудиторию и выполняют дидактическую роль.

Для вербализации компонента *научное исследование* широко употребляются глаголы, обозначающие мыслительные процессы и связи между явлениями (*define, develop, affect, find, assume, focus on, result in, меркаваць, вылучаць, назіраць, высвятляць, аднавядаць*). Ср.: *Cognitive, affective, and interpersonal processes in play are related to and facilitate important adaptive abilities such as creative thinking, problem solving, coping, and social behavior. These adaptive abilities are important in the general adjustment of the child. Play interventions, to be most effective, should target specific processes in play* [11, p. 6]. *Адрозніваюць аксасематычныя сінансы, калі канчаткі аксона аднаго нейрона ўтвараюць кантакты з цэлам чарговага, і аксадэндрычныя, калі аксон уступае ў кантакт з другім нейронам* [13, с. 21]. Употребительны также существительные, которые обозначают умственную деятельность, процедуру исследования, взаимосвязи между явлениями и аспектами объекта изложения (*approach, condition, sample, focus, research, practice, findings, concentration, меркаванне, колькасць, сінтэз, доза, функцыя, механізм*). Ср.: *At least three types of routines are common in sport* [2, p. 115]. *Асноўнымі прычынамі развіцця плоскаступнёвасці з'яўляюцца слабасць мышцаў, звязчнага апарату, якія прымаюць удзел у падтрыманні зводу, нашэнне абутку на высокім абцасе, з тоўстай падэшвай, якая абмяжоўвае прыродную гібкасць ступні, траўмы ступні, паралічы ніжніх канечнасцей і інш.* [13, с. 85].

Семантический компонент *мнение ученого* выделяется на основе таких языковых маркеров, как глаголы речевой и умственной деятельности (*to report, to find, to define, to analyze, to investigate, дазволіць, даказваць, выдзяляць, апісаць, звярнуць увагу*), фамилии ученых, а также ссылки на их работы и разработанные ими методики (*in a study by, according to, наводле, на Блінаву, гігантаклетачны тырэаідзім Кервена-Крайля*). Ср.: *In a study by Niec and Russ (2002), relationships among affect and fantasy in play, internal representations, and capacity for empathy were investigated* [11, p. 31]. *Яшчэ 14ў 1848 г. Р. Вірхаў сфармуляваў тры прычыны, што вядуць да ўзнікнення трамбозу як паталагічнага працэсу* [4, с. 307]. Коммуникативная функция данного компонента состоит в том, чтобы обеспечить достоверность знания, его преемственность. Автор текста взаимодействует с другими специалистами в данной научной отрасли, в результате чего формируется новое знание, получающее выражение в тексте книги [14, с. 49].

Общим для исследуемых текстов на английском и белорусском языках является то, что в процессе изложения научного материала по медицине и психологии происходит приращение нового научного знания. Оно находит выражение в процессе комбинирования в тексте разных мнений специалистов с мнением автора, который также является специалистом в данной отрасли науки.

Анализ семантической структуры англо- и белорусскоязычных научно-учебных книг также позволил выявить ряд отличий. В частности, англоязычные научно-учебные книги носят более популярный характер и ориентированы на более широкую аудиторию. Этому способствует употребление экспрессивных языковых средств, средств авторизации, которые позволяют автору книги установить эмоциональный контакт с читателем. В структуре англоязычных книг и подаче материала присутствует вариативность, что позволяет отнести данные тексты и к научно-популярному типу текстов. В свою очередь, белорусскоязычные научно-учебные книги ориентированы только на лиц, изучающих определенный предмет или дисциплину, а не на массовую аудиторию. Экспрессивные языковые средства в них практически не используются, что говорит о стремлении автора максимально точно изложить материал и обеспечить его усвоение.

Таким образом, основными составляющими семантической структуры научно-учебных текстов на английском и белорусском языках являются семантические компоненты *научное исследование, комментарий автора и мнение ученого*. Англоязычные книги характеризуются экспрессивностью изложения, ориентированы на широкий круг читателей, в том числе и неспециалистов в области науки. Белорусскоязычные книги выполняют функцию формирования научного мировоззрения и профессиональной компетенции читателей, систематизации их знаний. Англоязычные тексты, кроме вышеуказанных функций, также способствуют популяризации научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дергун, Л. И.* Структура научно-учебных текстов (на материале школьных учебников) / Л. И. Дергун // Изв. Рос. Гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – № 5 (11). – Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, история, социология, экономика, право) : науч. журнал. – СПб., 2005. – С. 32–37.
2. *Moran, Aidan P.* Sport and exercise psychology: a critical introduction / Aidan P. Moran. – N. Y. : Routledge, 2004. – 352 p.
3. *MacGregor, Janet.* Introduction to the anatomy and physiology of children / Janet McGregor. – N. Y. : Routledge, 2000. – 187 p.
4. *Юпатаў, С. І.* Хірургічныя хваробы: вучэб. дапам. / С. І. Юпатаў, У. М. Калтанюк. – Мінск : Выш. шк., 1996. – 351 с.
5. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
6. *Карпилович, Т. П.* Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2003. – 226 с.
7. *Якубова, В. Ю.* Семантическая структура медийного научно-популярного текста и ее языковые маркеры / В. Ю. Якубова // Медиатекст и культура; под ред. Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2015. – С. 50–59.
8. *Якубова, В. Ю.* Языковые средства реализации прагматического потенциала научно-популярного текста / В. Ю. Якубова // Медиатекст и культура; под ред. Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2015. – С. 144–149.
9. *Yakubava, V.* Structural semantic, communicative and pragmatic peculiarities of the popular science text / V. Yakubava // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica : зб. навук. арт. / пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2015. – Вып. 6. – С. 90–98.
10. *Якубова, В. Ю.* Средства авторизации в англоязычном научно-популярном тексте / В. Ю. Якубова // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь–2014 : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 2015. – С. 113–118.
11. *Russ, Sandra Walker.* Play in child development and psychotherapy : toward empirically supported practice / Sandra W. Russ. – Mahwah : Lawrence Erlbaum Associates Inc., 2004. – 181 p.
12. *Арцішэўскі, А. А.* Гісталогія з асновамі цыталогіі і эмбрыялогіі : падручнік / А. А. Арцішэўскі. – Мінск : Тэхналогія, 2000. – 311 с.
13. *Федзюковіч, М. І.* Анатомія, фізіялогія і гігіена дзіцяці з асновамі медыцынскіх ведаў : вучэб. дапам. / М. І. Федзюковіч, Л. А. Шытаў, А. М. Шытава; пад рэд. М. І. Федзюковіча. – Мінск : Універсітэцкае, 2001. – 248 с.
14. *Котюрова, М. П.* Культура научной речи: текст и его редактирование : учеб. пособие / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 280 с.

In the article English and Belarusian educational scientific books in medicine and psychology are analyzed in terms of the communicative and cognitive approach. The prototypical components of the semantic structure are discussed and their linguistic markers are identified. Similarities and differences between the structure of the texts in both languages are discussed.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

А. С. Баханович

АНТИФРАЗИС И АНТИТЕЗА КАК СПОСОБЫ ВОПЛОЩЕНИЯ ИРОНИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Рассматриваются такие лексико-стилистические средства реализации иронии, как антифразис и антитеза. Анализ использования данных языковых средств в романах Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» и Стивена Фрая «Гиппопотам» как способов актуализации иронии позволил установить, что сочетание контрастного переименования, противопоставления, контекста и особой интонации становится средством комического разоблачения определенных настроений, человеческих пороков, тенденций в обществе.

Проблему определения статуса иронии, а также способов ее создания правомерно считать одним из фокусов в парадигме современных гуманитарных наук. Однако вследствие плюрализма научных взглядов в лингвистике и других научных дисциплинах, разновекторности исследований, унифицированная система средств репрезентации иронии по-прежнему остается неразработанной. Иронию рассматривают как сложный полиаспектный феномен: как вид комического и трагического, как один из речевых жанров юмора, как стилистический прием, как троп, как остроу, как вид речевой агрессии.

Говоря о терминологическом обозначении понятия иронии, следует обратиться к мнению некоторых лингвистов, в частности, А. Л. Новиков полагает, что «ирония – эффективный способ отстранения от действительности, своего рода отказ от насильственно навязанной сопричастности» [1, с. 28]. Сложный феномен иронии многие исследователи рассматривают с позиций лингвистики (С. И. Походня [2], А. В. Сергиенко [3], О. П. Ермакова [4] и др.), однако большая часть исследователей объектом изучения делает лексико-семантические и грамматические особенности контекстной иронии.

Тот факт, что понятие иронии выходит за грани исключительно лингвистической категории подтверждают следующие лингвисты: А. В. Сергиенко: «Следует различать иронию как эстетическую категорию и иронию как языковую категорию» [3, с. 159]; Е. М. Кагановская: «Ирония находится вне поля чисто лингвистического исследования» [5, с. 197].

В данной работе мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают, что эффект иронии может зависеть как от соблюдения, так и от нарушения этических норм в специфической ситуации (Т. Ф. Лимарева [6], S. Attardo [7] и др.) Например, Т. Ф. Лимарева подчеркивает, «явлению или факту может даваться как положительная, так и отрицательная оценка, но фактически эти предмет, факт или явление восхваляются» [6, с. 14–15].

Резюмируя вышеуказанные определения иронии, приведем следующее объяснение данного феномена: ирония – это расхождение объективных

свойств предмета и нормы, имеющейся в сознании людей, что создает эффект комичности. Кроме того, это явление прагматически маркированное. В коммуникации ирония служит средством непрямого выражения как отрицательной, так и положительной оценки, что определяет ее функциональную направленность. Также ирония является отражением менталитета народа и имеет этнокультурную специфику.

В качестве фактического материала для исследования были выбраны комические и весьма неоднозначные для критиков романы Стивена Фрая «Гиппопотам» и Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс». Решающим фактором при выборе данных произведений стали образы главных героев, ироничные по своей сути.

Ирония в исследуемых романах актуализируется непосредственно через обширный диапазон многообразных языковых средств различных уровней – лексического, синтаксического и текстового. На лексическом уровне ирония создается за счет лексико-стилистических средств (сравнение, метафора, антифразис, антитеза, метонимия и т.д.); к синтаксическим средствам реализации иронии относятся синтактико-стилистические ресурсы (вставные конструкции, риторические вопросы и др.); на текстовом уровне – ситуативная ирония, ассоциативная ирония, пародия, смешение стилей и др.

Предметом детального исследования в настоящей работе стал один из самых распространенных способов реализации иронии на лексическом уровне: *антифразис*, в основе которого лежит противоречие между буквальным и имплицитным смыслом слова; использование лексических единиц в антонимическом значении. В изучаемых текстах было выявлено: 8 случаев использования в романе «Дневник Бриджит Джонс» и 4 – в романе «Гиппопотам».

Рассмотрение антифразиса в качестве разновидности иронии имеет давнюю традицию. Российский лингвист Г. Г. Хазагеров характеризует данный феномен следующим образом: «Антифразис делает речь ироничной. Собственно, ирония это и есть развернутый антифразис. В основе антифразиса – контрастное переименование, а не сопоставление слов с контрастной семантикой. Антифразис выступает в качестве важного средства передачи имплицитных смыслов» [8, с. 125–126].

Классический пример *антифразиса* был выявлен в романе «Дневник Бриджит Джонс», в котором ирония достигается за счет использования эмоционально-оценочной лексики, в данном случае слова *thoughtfully* ‘заботливо’, которое имеет положительное оценочное значение, однако использовано в противоположном смысле, что становится очевидным только исходя из контекста. На одном из торжеств Марк Дарси усадил Бридж за стол между Джефффри Олконбери – ее дядей и викарием нетрадиционной ориентации – не самая лучшая компания для женщины, находящейся в поиске партнера:

Mark had thoughtfully put me between Geoffrey Alconbury and the gay vicar ‘Марк Дарси проявил недюжинную сообразительность и усадил меня между Джефффри Олконбери и голубым викарием’ [9, p. 118].

Наблюдается явное расхождение с широким контекстом, поэтому очевидно, что слово *thoughtfully* используется здесь не в прямом значении: положительная оценка, выраженная эксплицитно, порождает противоположную импликацию. Необходимо подчеркнуть, что передача иронии в подобных случаях редко представляет сложность при переводе: иронический эффект сохраняется при полном переводе, так как он создается за счет контраста между отдельно взятой лексической единицей и широким контекстом.

В следующем примере наблюдается еще один пример антифразиса, поскольку говорящие понимают слово *milky* в разных значениях: 1) containing milk; 2) spiritless. Мать Бриджит Пэм уехала с любовником в Португалию, а брошенный отец все воспринимает в контексте этой ситуации, не замечая, что ему предлагают чай с молоком, а не говорят о его жене:

'Is that too milky for you, Colin?' said Una, passing Dad a mug of tea decorated with apricot floral frieze. *'I don't know . . . I don't understand why . . . I don't know what to think,'* Dad said worriedly. *'Look, there's absolutely no need to worry,'* said Una, with an unusual air of calmness and control, which suddenly made me see her as the mummy I'd never really had. *'It's because I've put a bit too much milk in. I'll just tip a bit out and top it up with hot water.'*

– Не слишком много молока, Колин? – спросила Юна, передавая папе чашку с чаем, украшенную цветочной каемочкой.

– Я не знаю... Не понимаю, почему... Не знаю, что и думать, – в беспокойстве признался папа.

– Послушай, вовсе не стоит волноваться, – заверила его Юна необычным для нее спокойным и сдержанным тоном, и я вдруг увидела в ней настоящую мать, которой у меня никогда не было. – Просто я налила слишком много молока. Сейчас отолью немного и добавлю кипятка' [9, p. 143].

В результате того, что оба значения слова *milky* являются словарными, возникает тип антифразиса, построенный на противоречии или несоответствии лексических значений – заявленного и истинного, что выявляется при помощи авторского пояснения, комментария или намека в контексте одного или нескольких предложений.

Следующий прием осуществляет функцию усиления юмористического эффекта за счет контраста (антифразиса). В приведенном отрывке Бриджит рассуждает о диетах и о правильности их подбора, а сама тем временем, желая похудеть, доедает шоколадный круассан, что противоположано. Бриджит имплицитно иронизирует над тем, что она, будучи «экспертом в диетах», не имеет силы воли, чтобы отказаться от лакомств:

I realize it has become too easy to find a diet to fit in with whatever you happen to feel like eating and that diets are not there to be pick and mixed but picked and stuck to, which is exactly what I shall begin to do once I've eaten this chocolate croissant 'Я поняла, что несложно найти диету и подогнать под нее все, что хочется положить в рот; диеты существуют не для того, чтобы

выбирать их наугад и совмещать друг с другом, а для того, чтобы, выбрав одну, не отступить от правил ни на шаг, что я планирую осуществить, как только доем этот шоколадный круассанчик' [9, p. 84].

Тот факт, что распознавание высказывания как иронического требует анализа контекста – не подлежит сомнению. Это может быть наглядно продемонстрировано с помощью следующих примеров.

Молодая журналистка опубликовала статью в газете, озаглавив ее «The Joy of Single Life» 'Радость одинокой жизни', что является *антифразисом*, поскольку журналистка описывает не радостные моменты, а скорее невзгоды жизни незамужней женщины. Слово *joy* с положительным словарным значением надделено отрицательным контекстуальным смыслом. С помощью риторического вопроса, эксплицитного указателя на ироничность высказывания (*with subtle-as-a-Frankie-Howerd-sexual-innuendo-style irony*), а также графического выразительного средства (постановки дефиса) Бриджит акцентирует внимание на возрасте неопытной журналистки – 22 года. По ее мнению, девушка в этом возрасте ничего не может знать ни о браке, ни о тяготах одиночества:

Incensed by patronizing article in the paper by Smug Married journalist. It was headlined, with subtle-as-a-Frankie-Howerd-sexual-innuendo-style irony: 'The Joy of Single Life'. 'They're young, ambitious and rich but their lives hide an aching loneliness ... When they leave work a gaping emotional hole opens up before them ... Lonely style-obsessed individuals seek consolation in packeted comfort food of the kind their mother might have made.' Huh. Bloody nerve. How does Mrs. Smug Married-at-twenty-two think she knows, thank you very much? 'Хм-м-м. Меня сильно задела авторитетная статья в газете какой-то Самодовольной Замужней Журналистки. Она была озаглавлена «Радость одинокой жизни». Ты подумай, какая тонкая ирония! «Они молоды, честолюбивы и богаты, но в жизни их таится болезненное одиночество. Когда они уходят с работы, перед ними открывается эмоциональная пустота... Одинокие люди, стремящиеся к стильной жизни, ищут утешения в удобных готовых блюдах, напоминающих им мамину стряпню». Хм, задавала чертова. Да что эта девица, выскочившая замуж в 22 года, может, прошу прощения, понимать?» [9, p. 124].

В представленном ниже примере антифразис реализуется с помощью использования риторического вопроса: *straw donkey ('Isn't it super?')* 'соломенный ослик (разве не прелесть?)'. Именно детальное изучение контекста позволяет установить наличие иронии. Речь идет о матери Бриджит, которая описывается как дама взбалмошная и непостоянная. И тот факт, что женщина преклонных лет, убегая со своим любовником, берет в дорогу соломенного ослика, не может не вызывать скрытой насмешки у Бриджит:

Dad had finished putting all her suitcases, hats, straw donkey ('Isn't it super?') and castanets in the trunk of the Sierra and had started the engine 'Папа наконец затолкал в багажник все ее чемоданы, шляпы, соломенного ослика («прелесть какая, правда?») и кастаньеты и включил двигатель' [9, с. 142].

Рассмотрим примеры антифразиса, наделенные ироническим смыслом, в романе «Гиппопотам». Тед Уоллис перечисляет подарки, которые гостыя привезла для детей хозяев дома. Он иронично называет их «полезными и продуманными», поскольку мед и высушенную лаванду нельзя назвать подарками для подростков. Следующая характеристика подарков (*useful clever gifts*) имеет контрастную имплицитную оценочность. Реализуется основная функция антифразиса – выражение ироничной оценки, сатирическое изображение объекта или человека, в данном случае гостыи как женщины с оригинальным мышлением и нешаблонным пониманием подарка для подростка:

And there she stood. With luggage, with presents for the boys, with all the useful clever gifts from Fortnum's that city-dwellers bestow on their deprived country cousins – rustic pies, stone-ground loaves, Norfolk honey, grain mustard and wind-dried lavender – with, in short, all the paraphernalia that betokens a long and cosy stay 'На пороге стояла она. С багажом, с подарками для мальчиков, с полезными и продуманными дарами от «Фортнума», коими горожане жалуют обездоленных деревенских кузин и кузенов – самодельными пирогами, булками из муки жернового помола, норфолкским медом, горчичным семенем и высушенной на сквознячке лавандой, – короче говоря, со всем снаряжением, предвещающим долгий и приятный визит' [10, p. 164].

В рассмотренном ниже примере ирония достигается за счет использования лексики признакового характера, в данном случае слова *charming* 'прелестный', которое имеет положительное значение, однако выражает притворную оценку Джейн плачевного состояния ее дяди Теда:

I don't mind in the least, but I am sorry you have been feeling unhappy and 'blue-devilled'. What a charming expression 'Я ничуть не обижена этим, мне только жаль, что Вы чувствуете себя несчастным и «лезете на стену». **Какое прелестное выражение**' [10, p. 137].

В романе «Гиппопотам» также встречается антифразис, выражающий положительное значение в отрицательной форме – *астеизм*. Астеизм схож по значению с антифразисом, однако отличается от него более открытой агрессивностью, нарочитой, преувеличенной критикой. Данный прием может быть интерпретирован как ироничное самоочернение для скрытого самовосхваления. *Астеизм* можно определить как комплимент, чаще всего самому себе, причем сделанный в форме гротескной самокритики, преувеличенного самоуничижения; это похвала в форме порицания.

Тед Уоллис говорит о том, что осмелился называться поэтом только в 38 лет. Однако на протяжении всего романа он не устает акцентировать внимание на своей гениальности и способности к стихосложению, которую не могут оценить в силу собственной глупости. Поэтому данная цитата – пример показной, притворной скромности:

I was thirty-eight before I dared put 'poet' in my passport and confess membership of the genus irritabile vatum. 'Я только в тридцать восемь лет осмелился указать в моем паспорте «поэт» и признать свою принадлежность к раздражительной расе поэтов' [10, p. 191].

Прием *антитезы* в качестве средства создания иронии также прослеживается в романе «Дневник Бриджит Джонс». Прежде чем перейти к рассмотрению примеров, необходимо уточнить значение данного стилистического средства. Антитеза – противопоставление характеров, обстоятельств, образов, композиционных элементов, создающих эффект резкого контраста.

В следующем примере антитеза проявляется за счет использования слов: *blessing* ‘благословение’ и *arrogance* ‘высокомерие’, которые никак не могут дополнять друг друга, так как высокомерие – не дар, а скорее проклятие, недостаток. Бриджит также сравнивает свою коллегу Перпетуа с размерами автомобиля Рено, безусловно, гиперболизируя ее реальные габариты, что придает еще больший оттенок ироничности:

I looked at her wistfully, her vast, bulbous bottom swathed in a tight red skirt with a bizarre three-quarter-length striped waistcoat strapped across it. What a blessing to be born with such Sloaney arrogance. Perpetua could be the size of a Renault Espace and not give it a thought. How many hours, months, years, have I spent worrying about weight while Perpetua has been happily looking for lamps with porcelain cats ‘Я тоскливо разглядывала ее тяжелую нижнюю часть, обтянутую узкой красной юбкой, да еще и перевязанную поясом причудливого полосатого длинного жакета. Все-таки какой же это подарок судьбы – родиться с таким чудовищным самомнением! Перпетуа может быть размером с «рено-эспейс», и это ее несколько не опечалит. Сколько часов, месяцев, лет провела я в заботах о своем весе, а счастливая Перпетуа в это время искала по всей Фулхем-роуд светильники с основанием в виде фарфоровых кошечек’ [9, p. 15].

В нижеприведенном примере антитеза возникает за счет использования противоречащих друг другу понятий: *to cheer and criticize* ‘поднимать настроение и критиковать’, поскольку критика всегда оказывает на настроение отрицательное влияние, но не в следующем случае:

Eventually I managed to cheer Mum up by allowing her to go through my wardrobe and criticize all my clothes ‘В конце концов, мне удалось немного поднять маме настроение, позволив ей рассмотреть и раскритиковать весь мой гардероб’ [9, p. 41].

В романе «Гиппопотам» автор также применяет антитезу для создания иронии. Следующий пример самоиронии, реализуемый за счет использования антитезы, очень типичен для Стивена Фрая и его главного героя, который является точной копией самого автора (милая фигурка его героя противопоставляется сердечному заболеванию, стенокардии). Он не боится выглядеть комично, понимает и принимает все недостатки собственного возраста и своей внешности, но пользуется тем, что его привлекательность – в самовлюбленности и циничности:

I may have a cute figure, but I've also got acute angina ‘Фигурка у меня, возможно, и милая, но к ней еще прилагается острая стенокардия’ [10, p. 234].

Проанализируем еще один пример антитезы в романе Стивена Фрая. В нем используется продуктивный способ создания иронического высказывания – употребление контрастных композиционных элементов: *a large nature* и *small bank balance* ‘широкая душа’ и ‘маленький банковский счет’. Следует отметить, что данный когнитивный алогизм характерен для диалогической речи, которая интонационно интенсифицирует ироничность. Для главного героя как человека циничного типично превозносить материальные блага над духовными:

– *Your Uncle Michael, on the other hand, has a large nature...*

– *But small bank balance* [10, p. 186].

‘– Твой дядя Майкл – широкой души человек.

– Но с маленьким банковским счетом’.

Подводя итог, отметим, что ирония как эмоционально-оценочная категория является дополнительным смыслом высказывания. Наибольшее разнообразие наблюдается среди *лексико-стилистических средств*, которые выступают в роли интенсификаторов иронической образности. В частности, антифразис и антитеза, а также лексика с положительной коннотацией в качестве инструмента для передачи отрицательного значения способствуют созданию иронии, которая, в свою очередь, выполняет функции оценки, сатирического изображения персонажей в художественном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков, А. Л. О контекстуальном смысле слова / А. Л. Новиков // Филол. науки. – М. : Наука, 2004. – С. 27–31.
2. Походня, С. И. Языковые средства и виды реализации иронии / С. И. Походня. – Киев : Наукова думка, 1989. – 128 с.
3. Сергиенко, А. В. О природе иронии как проявлении импликации (на материале прозы Гейне) / А. В. Сергиенко // Семантические процессы на разных уровнях языковой системы. – Саратов, 1994. – С. 154–162.
4. Ермакова, О. П. Ирония и словообразование / О. П. Ермакова // *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*. – London-Hamburg : Münster, 2002. – S. 403–412.
5. Кагановская, Е. М. Полифоническое звучание как основа иронического представления / Е. М. Кагановская // Язык и культура : материалы 3-ей Междунар. науч. конф. – Киев, 1995. – С. 75–83.
6. Лимарева, Т. Ф. Функционально-семантическая сущность иронии : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.20 / Т. Ф. Лимарева; Куб. гос. ун-т. – Краснодар, 1997. – 19 с.
7. Attardo, S. Irony as a Relevant Inappropriateness // *Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader*; ed. by H. L. Colston and R. W. Gibbs. – New York, London : Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – P. 135–172.
8. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика : учебник по политическому красноречию / Г. Г. Хазагеров. – М. : Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.

9. *Fielding, H. Bridget Jones's Diary* / H. Fielding. – London : Picador, 1996. – 157 p.
10. *Fry, S. The Hippopotamus* / S. Fry. – London : Random House, 1994. – 402 p.

The paper considers such means of creating irony as antiphrasis and antithesis. The results of the analysis show that irony as an emotional and evaluative category is an additional meaning of the utterance that can be created due to opposition, contrasting the explicit and implicit meanings of the word, as well as by the use of emotional-evaluative lexical units.

Т. Н. Гребень, А. И. Дик

СИНТАКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ СПОНТАННОСТИ В БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ТЕЛЕРЕПОРТАЖАХ

В контрастивном аспекте рассматриваются синтаксические единицы, выступающие маркерами спонтанности в британских и американских телевизионных репортажах. Определена номенклатура таких единиц (присоединительные конструкции, вставки, паузы-хезитации, самокоррекция, эллиптические предложения и междометные единицы), а также выявлена их употребительность в исследуемых телерепортажах. Установлено, что, несмотря на одинаковый перечень синтаксических маркеров спонтанности в британских и американских телерепортажах, их общая употребительность несколько выше в репортажах, транслируемых на американских телеканалах, что свидетельствует о большей степени спонтанности, естественности.

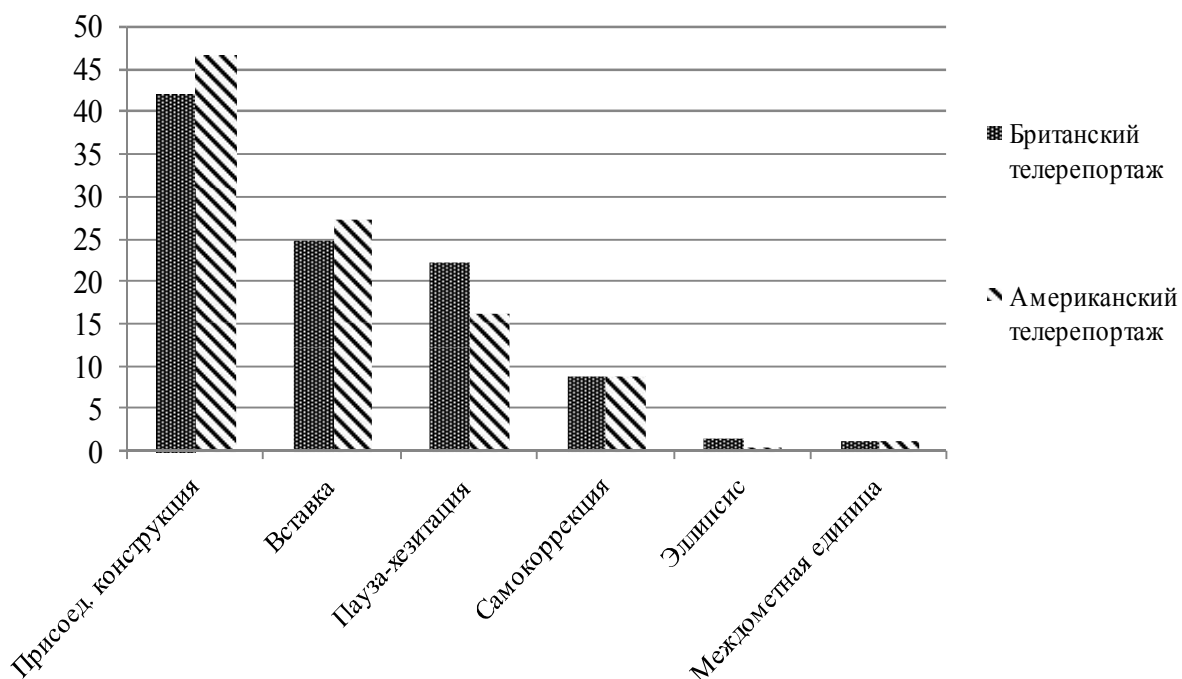
Одной из особенностей журналистского творчества в области прямого телевизионного вещания является естественность, спонтанность, неподготовленность речи, которая обращает на себя внимание широкого круга исследователей в области лингвистики.

С целью установления специфики употребления синтаксических средств, указывающих на спонтанный характер британских и американских телевизионных репортажей, нами были отобраны и проанализированы репортажи ведущих новостных каналов Великобритании (*Sky News, BBC, ITV News u Bloomberg*) и США (*CNN, Fox New, CBS News u Bloomberg*).

В результате проведенного контрастивного анализа было установлено, что в современных телерепортажах наблюдается высокая употребительность средств разговорного синтаксиса, в связи с их использованием подача информации приобретает непринужденный характер. Данные средства направлены не только на информирование адресата в более доступной форме, они также призваны привлекать внимание аудитории, создавая впечатление непосредственного живого общения с телезрителем. Такими маркерами естественности (спонтанности) в телерепортажах выступают присоединительные конструкции, вставки, паузы-хезитации, самокоррекция, эллиптические предложения и междометные единицы.

Сопоставляя общее количество выявленных в материале исследования показателей спонтанности, отметим, что американские телерепортажи характеризуются наличием в них несколько большего количества данных единиц, чем британские (55 % против 45 %).

Наиболее распространенным из рассматриваемых синтаксических средств в британских (42 %) и американских (46,4 %) репортажах являются присоединительные конструкции (рисунок). Такие единицы структурно представляют собой синтаксическое образование, при котором две части высказывания «не вмещаются в одну смысловую плоскость, логически не объединяются в целостное представление» [1, с. 286]. Присоединение второго элемента конструкции может осуществляться как при помощи союзных (чаще всего *and* ‘и’ и *but* ‘но’ в проанализированных репортажах), так и бессоюзных средств. Рассмотрим пример из британского телерепортажа о преступлениях с применением холодного оружия: *We’ve had various stabbings. All of these victims are teenagers. Some still go to school. A lot of our normal robbery suspects are 12–13 years old. **And they’re carrying knives*** ‘У нас различные случаи нападения с использованием холодного оружия. Все эти жертвы – подростки. Некоторые еще школьники. Большинство обычных подозреваемых в краже – это подростки 12–13 лет. И они носят с собой ножи’. Здесь наблюдается сразу два случая присоединения: первый, *some still go to school* ‘некоторые еще школьники’ присоединяется к главному предложению бессоюзным способом и является добавочным сообщением, поясняющим слово *teenagers* ‘подростки’ в главном. Во втором случае присоединяемая часть вводится союзом *and* ‘и’.

Употребительность синтаксических средств, свидетельствующих о спонтанном характере англоязычных телерепортажей

Присоединяемые элементы носят характер добавочного сообщения, возникшего попутно в ходе высказывания основной мысли, т.е. прикрепляемые этой связью синтаксические единицы содержат дополнительную информацию, которая первоначально не имелась в виду, а появилась в сознании говорящего «лишь после первого или во время его высказывания» [2, с. 80]. В таком добавочном сообщении могут приводиться детали или дополнительные сведения, направленные на описание полной картины происходящих событий. Так, в американском телерепортаже о вирусе Эбола, который настиг и США, доктор, отвечая на вопросы телезрителей, объясняет действие вируса следующим образом: *The way it kills you, the way it devastate your body is by initially turning off your immune system. And also creating an inflammatory response throughout the body* 'То, как вирус убивает, то, как разрушает тело: он в первую очередь отключает вашу иммунную систему. А также вызывает воспалительную реакцию по всему телу'. Широкая представленность присоединительных конструкций как в британских, так и в американских телерепортажах связана, на наш взгляд, с тем, что дополнительная детализация помогает адресату увидеть полную картину происходящего, а следовательно, максимально приблизиться или погрузиться в происходящее.

Также следует отметить, что в присоединительных конструкциях нередко содержится оценка описываемых событий [3]. Например, в репортаже о беспилотных автомобилях один из экспертов на вопрос о пользе такой технологии выразил следующее мнение: *The thing I'm most excited about is the ability on the street to reallocate space away from the storage of vehicles. Right now, cars sit idle 94.8 % of the time. I mean, that's staggering* 'Я в восторге от того, что появиться возможность перераспределить на улицах пространство, необходимое для парковки машин. Сейчас автомобиль стоит без дела 94,8 % времени. То есть это ужасно'. Оценочные суждения в присоединительных конструкциях позволяют особо подчеркнуть позицию адресанта, создать у реципиента определенное отношение к освещаемым событиям, проблемам.

Различные вставки также достаточно широко представлены в британских (24,6 %) и в американских (27,2 %) телерепортажах. Поскольку «вставка не заложена во внутренней программе высказывания, а появляется как результат дополнительного ассоциирования, маргинальной, побочной деятельности речемыслительного механизма» [4, с. 190], она является маркером спонтанной речи, для которой характерно возникновение замечаний во время непосредственной коммуникации. Такие замечания вторгаются в главную мысль на любом отрезке повествования, размыкая при этом непрерывность синтаксических связей и приводя к двуплановости повествования. Выделению данных единиц в звучащей речи телевизионных репортажей способствовала особая интонация, характерная для вставок.

В большинстве проанализированных телевизионных репортажей использование вставок способствует сообщению дополнительных деталей, необхо-

димых для построения общей картины происходящего. Так, в репортаже о пожаре на станции метро Кингс Кросс в Лондоне, репортер, рассказывая о месте событий, попутно приводит детали, помогающие зрителю восстановить картину происходящего: *Thirty years ago, this is exactly where the Kings Cross fire started on the escalator (up from the Piccadilly line now) then this would all have been made of wood, and a discarded cigarette started a smoldering fire that rapidly took hold as the flames grew.* ‘Тридцать лет назад именно здесь на Кингс Кросс начался пожар на эскалаторе (вверх от линии Пикадилли сейчас), тогда же все это было из дерева, и из-за незатушенной сигареты начался тлеющий огонь, который быстро набрал силу из-за возросшего числа очагов возгорания. Детали происшествия также представлены в виде вставки в американском телерепортаже. Рассказывая об увиденном в Афганистане, репортер CNN так описывает нападения террористов на мирных жителей: *Here is the viciousness of the attacks and the optic of the attacks. These spectacular attacks, I hate to use this word, but it a category that is used when we're talking about* ‘Здесь зверства этих нападений и зрелищность этих атак. Эти зрелищные нападения, не люблю это слово, но это именно так говорят о них’. Таким образом, несмотря на «вынужденность» вставок, подчеркивающую их неподготовленный характер, данные единицы несут также дополнительную нагрузку – способствуют детализации ситуации, восполняют разницу между фоновыми знаниями адресанта и адресата.

Ввиду того, что репортер, присутствуя на месте событий, берет интервью у экспертов или участников событий, в их комментариях зачастую присутствуют паузы-хезитации, появляющиеся в связи с необходимостью подбора подходящего слова (22,2 % в британских и 16 % в американских телерепортажах). Паузы-хезитации дают автору сообщения необходимое время для обдумывания своего ответа, поэтому такие паузы являются неотъемлемой характеристикой спонтанной, неподготовленной речи. Отвечая на вопрос журналиста о причинах высокой преступности в Глазго, констебль полиции Шотландии говорит следующее: *I think we're seeing a better understanding of the... the background of violent crime. We know that at its heart, violence comes from an equality* ‘Думаю, мы видим лучшее понимание ... предпосылок преступлений с применением насилия. Мы знаем, что, по сути, насилие исходит от неравенства’. В примере из американского телерепортажа говорящему понадобилось некоторое время, чтобы подобрать нужное слово и с большей долей вероятности привести количественные данные по обсуждаемой проблеме: *The thing I'm most excited about is the ability on the street to reallocate space away from the storage of vehicles. <...> And I think we can literally ... close 30–40 % of our streets to automobiles.* ‘Я в восторге от того, что появиться возможность перераспределить на улицах пространство, необходимое для парковки машин. И думаю, что мы можем буквально ... закрыть 30–40 % наших улиц для автомобилей’.

Другими маркерами естественного характера телерепортажей являются случаи самокоррекции, т.е. встречающиеся в потоке речи оговорки, которые сам же говорящий и исправляет (8,7 % в британских и 8,8 % в американских репортажах). Например: *Now I think the councils have the responsibility under the coast protection ... bill ... act dating back to the late 1940s so that responsibility has always set with the local authority* ‘Сейчас, я думаю, что местные советы несут ответственность согласно ... законопроекту ... закону о берегозащитных мероприятиях, принятому еще в конце 40-х, так что такая ответственность всегда была возложена на местный совет’. Подобные исправления иногда сопровождаются словами *sorry* ‘извините’ или *excuse me* ‘прошу прощения’, *I mean* ‘я имею в виду, то есть’ и т.д. Так, отвечая на вопрос журналиста, связанный с эмиграционной политикой, глава Торговой палаты США говорит следующее: *You've got to realize that we don't have enough people in this country. To do what this country ... If we didn't immigration ... excuse me, I mean infrastructure built today* ‘Вы должны понять, что нам не хватает людей в этой стране. Сделать то, что эта страна ... Если мы не разрешим эмиграцию ... прошу прощения, я имел в виду инфраструктуру, построенную сегодня’.

Эллипсисы представлены в материале исследования немногочленными примерами (1,4 % в британских телевизионных репортажах и 0,4 % в американских) и представляют собой предложения, в которых пропущен один из главных членов предложения (подлежащее или сказуемое), которые легко можно восстановить из контекста. Рассмотрим пример из репортажа о том, как выход Соединенного Королевства из Европейского союза может повлиять на сельское хозяйство страны. Владелец фермы высказывается за приток иммигрантов в страну, так как они помогают ему собирать урожай. Приглашая журналиста пройти и познакомиться с рабочими, он говорит: *Want you come and meet the workers?* ‘Хотите зайти и познакомиться с работниками?’ В данном вопросе пропущен вспомогательный глагол *do*, участвующий в образовании общих вопросительных предложений на английском языке. Эллиптические предложения являются неотъемлемой частью беглой, непринужденной, естественной речи, в связи с чем в телевизионных репортажах являются маркерами неподготовленности. Примером эллипсиса из американского телерепортажа может послужить следующее предложение: *Its headquarters is on the sprawling government funded campus called Academpark. With this crazy tower in the middle of it. **Not recommended if you have a fear of height*** ‘Штаб-квартира находится в финансируемом правительством просторном комплексе, который называется Академпарк. С этой безумной башней посередине. Не советую, если у вас есть боязнь высоты’.

Междометные единицы, как в британских, так и в американских репортажах, используются, главным образом, для выражения эмоций (удивления, недоумения, восхищения и т.д.). В телевизионном репортаже о беспилотных

автомобилях эксперт говорит, что в будущем вождение автомобиля станет похожим на езду на лошади по трассе: *Porsche knows that driverless technology is around the corner, but they still want people to love driving, even if they do less of it on public roads. Who!* 'Порше знает, что беспилотная технология уже не за горами, но они все еще хотят, чтобы люди любили водить машину, даже если они будут реже ездить по дорогам общего пользования. Фух!' Здесь автор выражает облегчение по поводу того, что автомобили не исчезнут полностью, а наоборот, будут созданы специальные автодромы, где каждый сможет почувствовать скорость и удовольствие от вождения. Такие синтаксические единицы являются маркерами спонтанности телерепортажей, поскольку позволяют показывать живые эмоции. Однако ввиду того, что основное предназначение репортажей как информационных медиажанров оперативно сообщать достоверные сведения, данные единицы представлены редкими примерами в британских (1 %) и американских телерепортажах (1,2 %).

Таким образом, проведенный контрастивный анализ позволил выявить как сходства, так и различия в употребительности синтаксических маркеров спонтанности в британских и американских телевизионных репортажах. При одинаковом перечне данных единиц, а также схожей степени представленности каждого средства в материале исследования, общая их употребительность несколько выше в репортажах, транслируемых на американских телеканалах, что свидетельствует о большей степени спонтанности, естественности таких телерепортажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, В. В.* Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. – М. : Гослитиздат, 1941. – 618 с.
2. *Щерба, Л. В.* О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М., 1957. – С. 63–96.
3. *Гребень, Т. Н.* Средства разговорного синтаксиса в медийном дискурсе (на материале белорусского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т. Н. Гребень; Минск. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2016. – 26 с.
4. *Норман, Б. Ю.* Грамматика говорящего: от замысла к высказыванию / Б. Ю. Норман. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : URSS, 2011. – 227 с.

The paper deals with the contrastive study of syntactic markers of spontaneity in British and American television reports. The common and specific features in the set of such units and their number in British and American television reports are revealed.

МОДАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ АРГУМЕНТАЦИИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются модальные единицы, используемые в реализации тактики аргументации в научно-популярном дискурсе на примере английского и белорусского языков. Дано краткое описание прототипической структуры проанализированных статей в рамках интенциональности научно-популярного дискурса. Обоснована роль модальности как опорного компонента в реализации авторских интенций. Определены типы значений, реализуемые в научном и научно-популярном дискурсе при репрезентации категории модальности.

В сложной таксономии дискурса особое место занимает его научно-популярная разновидность. Так, Э. А. Лазаревич отмечает, что «частично совпадая по тематике с научной литературой, научно-популярная отличается от нее целевой установкой и читательской аудиторией. Имея некоторую читательскую общность с художественной литературой, научно-популярная не совпадает с ней по тематике и целевой установке» [1, с. 297]. В свою очередь, В. Е. Чернявская говорит о том, что целью научно-популярного текста является «массовое распространение и популяризация определенных научных сведений. Данный тип <...> отличается от остальных по своим целям, содержательному наполнению, характеру адресата, к которому они обращены» [2, с. 36]. Интенции автора научно-популярного текста (дискурса) заключаются в информировании о научных исследованиях в различных областях науки, об их роли в жизни и здоровье человека [3] и, в конечном итоге, популяризации современных научных достижений и разработок в глазах массового читателя.

Касаясь одного из важных вопросов в дискурсологии – определения полного перечня категорий дискурса, следует отметить множество подходов к данной проблеме. В частности, В. И. Карасик в рамках своей классификации выделяет четыре группы категорий дискурса (конститутивные, жанрово-стилистические, семантико-прагматические и формально-структурные) [4]. Поскольку в своем исследовании мы считаем возможным придерживаться точки зрения А. А. Кибрика, утверждающего, что «дискурс – более широкое понятие, чем текст. Дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (= текст)» [5, с. 307], то логично отнести все текстовые категории к дискурсивным. Так, Т. П. Карпилович относит информативность, когерентность и модальность к дискурсивным категориям, поскольку они «актуализируются именно в процессе создания или восприятия текста, то есть в дискурсе» [6, с. 9].

Категория модальности как одна из обобщенных характеристик дискурса позволяет пролить свет на способы реализации интенций его автора. В своей монографии Н. Ю. Павловская указывает на то, что в основе данной категории лежит рационалистическая оценка [6], связанная с «практической

деятельностью человека и его повседневным опытом, с аспектом пользы, соответствием функции и стандарта» [6, с. 16]. Указанные особенности соответствуют типовым целям научно-популярного дискурса. Также следует заметить, что ряд ученых относят модальность к оценке в ее широком значении [7; 8].

Анализируя способы достижения главных интенций автора дискурса, необходимо учитывать два типа модальности: *субъективную* и *иллюкативную*. *Субъективная* модальность включает в себя значения, которые выражают отношение адресанта к сообщаемому, а именно желательность, гипотетичность, сомнение, необходимость, возможность. *Второй* тип, обозначая коммуникативную цель адресанта, охватывает значения утверждения, побуждения и вопроса [9].

Материалом для исследования в настоящей работе послужили научно-популярные статьи из американских изданий «Popular Mechanics», «Popular Science», «National Geographic», «The New York Times» за период 2014–2018 гг. и статьи того же жанра из белорусскоязычных журналов «Родная природа», «Беларуская думка», газеты «Звязда» за тот же временной отрезок.

Проведенные ранее исследования подтверждают общее сходство структур научно-популярных статей на английском и белорусском языках. Двумя главными семантическими категориями суперструктуры являются *научное исследование* (в другой терминологии – *научное событие*) и *комментарий автора/ученого*, в которых выделяются единицы более низкого порядка – субкатегории [6; 10]. Такая двухкомпонентная прототипическая схема предопределена интенциональностью научно-популярного дискурса – сообщить читателю информацию о новых научных знаниях в доступной форме и убедить его в теоретической и практической ценности полученных учеными результатов [6, с. 70]. Именно с целью реализовать заложенные интенции, в частности, воздействия на массового читателя, автор дискурса активно использует соответствующие коммуникативные стратегии.

Под коммуникативной стратегией будем понимать «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [11, с. 54]. Т. А. Сысоева выделяет четыре стратегии воздействия – побуждения, привлечения внимания, информирования и убеждения [12]; две последние являются ведущими в инструментарии автора научно-популярного дискурса. Все перечисленные стратегии реализуются через коммуникативные тактики (конкретные речевые действия, практические ходы в процессе общения). В частности, реализация стратегии убеждения происходит с помощью акцентуации новизны научных результатов, подчеркивания важности информации, оценочной тактики, призыва к действию, апелляции к эмоциям и аргументации.

Тактика аргументации вербализуется посредством особых блоков, структурно состоящих из тезиса и ряда аргументов (контраргументов). В рамках данного исследования установлено, что в научно-популярном дискурсе выделяются следующие типы тезисов: тезис-утверждение, тезис-допущение, тезис-прогноз. Базовой функцией аргумента (контраргумента),

содержащего фактические или статистические данные (фактуальные аргументы), логические умозаключения (логические аргументы), ссылки на авторитетные источники (цитатные аргументы), является подтверждение (опровержение) тезиса.

В настоящем исследовании основное внимание уделяется тому, как модальные единицы участвуют в реализации тактики аргументации в научно-популярном дискурсе.

В процессе изучения жанров научного дискурса Т. П. Карпилович определила, что категория модальности в научном дискурсе реализуется в виде значений реальности, возможности, необходимости, уверенности, сомнения, предположения [6, с. 75].

Для реализации достижения поставленной цели нами проанализировано по 50 научно-популярных статей на английском и белорусском языках, отобранных методом сплошной выборки. Следует отметить, что в тезисно-аргументативных блоках на обоих языках для подтверждения (опровержения) тезиса автором приводится от одного до четырех аргументов.

Анализ статей научно-популярного жанра на сопоставляемых языках показал высокую степень реализации категории модальности в значении реальности в обоих структурных компонентах блока. На наш взгляд, это объясняется стремлением автора дискурса убедить читателя через констатацию научных фактов, подтвержденных достоверными и надежными источниками информации, что выражается в широком использовании глагольных форм настоящего и прошедшего времени. Реализация категории модальности отражена в табл. 1 и 2.

Т а б л и ц а 1

Реализация категории модальности в тезисно-аргументативных блоках на белорусском языке

Аргументы (контраргументы)	Реализация категории модальности со значением				
	реальности	возможности	необходимости	уверенности	предположения
Фактуальные	38 %	5 %	5 %		
Логические	5 %	25 %	8 %		
Цитатные	11 %			3 %	
Тезисы	69 %	21 %		5 %	5 %

Т а б л и ц а 2

Реализация категории модальности в тезисно-аргументативных блоках на английском языке

Аргументы (контраргументы)	Реализация категории модальности со значением			
	реальности	возможности	уверенности	предположения
Фактуальные	20 %			
Логические	15 %	15 %	5 %	
Цитатные	25 %	20 %		
Тезисы	55 %	36 %		9 %

В сравнении с научным дискурсом его разновидность (научно-популярный) характеризуется меньшим количеством значений, в которых реализуется категория модальности. Данное обстоятельство объясняется стремлением автора научно-популярного дискурса донести новую информацию до читателя в более сжатой и емкой форме, без ее глубинного анализа по сравнению с научной прозой.

Модальное значение возможности чаще всего вербализуется путем использования модальных лексем *can, may* в английском языке и *магчы, можна, здольны* и их вариантами в белорусском языке. Указанные модальные единицы раскрывают перед читателем перспективы использования описываемых научных достижений.

В проанализированных белорусских научно-популярных текстах по сравнению с американскими чаще встречаются модальные единицы со значением необходимости, например, *варта, трэба (патрэбна), нельга*. На наш взгляд, это можно объяснить меньшей категоричностью высказываний в англоязычных текстах при реализации тактики аргументации.

Модальные значения уверенности и предположения не столь часто встречаются в анализируемых аргументативных структурах и в основном представлены в тексте эксплицитными лексическими средствами (*clearly, (to) seem; менавіта, напэўна*).

Проведенный анализ тезисно-аргументативных блоков в рамках реализации тактики аргументации в научно-популярном дискурсе позволил определить, что наиболее частотными модальными единицами в сравниваемых языках являются лексемы со значением возможности. Следует отметить, что аргументы с такими лексемами успешно компенсируют возможную неполноту информации и служат опорой в достижении главной интенции автора – популяризации научных знаний. Также примечательно, что в контексте исследуемой темы значение реальности превалирует в реализации категории модальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазаревич, Э. А. С веком наравне. Популяризация науки в России / Э. А. Лазаревич. – М. : Изд-во «Книга», 1984. – 384 с.
2. Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : ЛКИ, 2007. – 128 с.
3. Гилевич, Е. Г. Жанрово-речевая организация газетной статьи о новостях науки / Е. Г. Гилевич // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 16–17 апр. 2003 г. : в 4 ч. – Минск : МГЛУ, 2003. – Ч. 3. – С. 31–34.
4. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. тр. / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.

5. *Кибрик, А. А.* Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования / А. А. Кибрик, В. А. Плуныян // *Фундаментальные направления современной американской лингвистики : сб. обзоров / Моск. гос. ун-т; под ред. А. А. Кибрика [и др.]. – М., 1997. – С. 307–323.*
6. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
7. *Паўлоўская, Н. Ю.* Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове / Н. Ю. Паўлоўская. – Мінск : МДЛУ, 2001. – 206 с.
8. *Варгина, Е. И.* Научный текст и его воздействие (на материале английского языка) / Е. И. Варгина. – СПб. : филол. фак-т С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. – 212 с.
9. *Карпилович, Т. П.* Типы модальности и интенциональность медиадискурса / Т. П. Карпилович // *Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, Минск, 19–20 апреля 2018 г. : в 4 ч. / Минск. гос. лингвист. ун-т; отв. ред. Л. М. Тарасевич. – Минск, 2018. – Ч. 3. – С. 172–174.*
10. *Якубова, В. Ю.* Структура газетного научно-популярного текста на английском и белорусском языках / В. Ю. Якубова // *Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 25–26 апреля 2012 г. : в 5 ч. Ч. 2 / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск, 2012. – С. 259–261.*
11. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 2-е изд. – М. : УРСС, 2002. – 284 с.
12. *Сысоева, Т. А.* Языковые средства реализации стратегий воздействия в текстах малого объема (на материале англоязычной периодики) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. А. Сысоева. – Минск, 2007. – 147 л.

The article analyzes modal units, used for realizing the argumentation tactics in English and Belarusian popular science discourse. The author defines and validates the role of modality and its meanings as a supporting constituent of the author's intentions.

Т. П. Карпилович

МОДАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК МАРКЕРЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ МЕДИАДИСКУРСА

Рассматривается функционирование модальных единиц необходимости и возможности как маркеров концептуальной информации в медиадискурсе на английском и белорусском языках. Установлено, что из этих двух групп единиц на основной посыл медиатекста как конденсированное выражение концептуальной информации чаще указывают модальные средства со значением необходимости, расположенные в сильных позициях текста – заголовке, подзаголовке и заключительном абзаце. Выявляются сходства и различия в функционировании анализируемых единиц в двух лингвокультурах.

Рассматривая вопрос о соотношении категорий текста и дискурса и исходя из постулата о том, что дискурс – это текст в совокупности со всеми факторами экстралингвистического порядка, нельзя не признать, что к

дискурс-категориям относятся и все категории текста как результата дискурсивного процесса. Вместе с тем, учитывая процессуальный характер дискурса, можно выделить ряд текстовых категорий, которые являются по сути дискурсивными [1]. К таким категориям, на наш взгляд, относятся интенциональность, информативность, оценочность, модальность и когерентность, поскольку эти категории актуализируются именно в процессе восприятия или порождения текста, то есть в дискурсе.

Информативность, по мнению многих лингвистов, принадлежит к основополагающим категориям текста [2; 3; 4; 5]. Так, И. Р. Гальперин выделяет три вида информации, которые передает текст (а также и дискурс в нашей трактовке): содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую. Первый вид информации, сообщающий о фактах, событиях и др., выражен вербально, второй – передает авторское отношение к сообщаемому и «извлекается из всего произведения»; третий вид относится к скрытой информации, создаваемой коннотативными значениями языковых единиц [2, с. 27–28]. Если первые два вида информации свойственны тексту, принадлежащему любому типу дискурса, то третий характерен, главным образом, для художественного дискурса.

Материалом для изучения категории информативности в настоящей работе послужили тексты информационно-аналитических жанров (информационное сообщение, аналитическая статья) и художественно-публицистических (очерк, эссе) из американской и белорусской прессы (на белорусском языке).

При рассмотрении языковой репрезентации категории информативности в медийном дискурсе обязательно следует отметить особую роль заголовочного комплекса (заголовок, подзаголовок и лида) в рассматриваемых жанрах [6]. Заголовок является компрессированным представлением содержания всего текста, он считается «самым кратким связным текстом» [7, с. 360], выражением макроструктуры полного текста [8]. Подзаголовок тесно связан с заголовком, поясняя, уточняя и конкретизируя информацию заголовка. Лид часто представляет собой аннотацию, то есть краткое содержание последующего текста. В лингвистических исследованиях выделяются и другие типы лида, или вводки в другой терминологии [6]: вводка-анонс (вопросы, ответы, на которые содержатся в статье); вводка-интрига (интригует адресата неожиданной информацией) и др.

Анализ материала в настоящем исследовании показал, что независимо от медижанра в американской и белорусской прессе заголовки чаще всего передает основную тему медиатекста. Приведем примеры тематического типа заголовков: «Washington Volcanoes Get More Scientific Scrutiny» (ST, 20.07.2014); «The Anti-Poverty Experiment» (WS, 06-07.06.2015); «Новая старая дыета» (ЗВ, 06.04.2016); «У рытмах самбы» (ЗВ, 16.10.2018); «Ганчарны круг жыцця» (Р, 03.08.2019).

В подзаголовке основная тема, заявленная в заголовке, может уточняться или расширяться:

Заголовок: «Here's the Rub on U.S. Sunscreens».

Подзаголовок: *FDA holding up new formulas to save your skin, life, group says* (ST, 06.07.2014).

Заголовок: «З глыбіні вякоў».

Подзаголовок: *Пабачыў свет зборнік дакументаў, прысвечаны абвешчэнню БССР* (ЗВ, 03.01.2019).

Вместе с тем нередко при тематическом типе заглавия подзаголовок эксплицитно выражает основную идею медиатекста, его посыл. Это понятие соотносится, на наш взгляд, с содержательно-концептуальной информацией в теории И. Р. Гальперина, представляя ее концентрированное выражение (далее в статье для краткости используется термин «концептуальная информация»). Будем называть такие подзаголовки (а также и заголовки) *рематическими* по отношению к содержанию текста как целого:

Заголовок: «How to Restore the FBI'S Culture».

Подзаголовок: *Decentralize management of cases, improve relations with Congress and focus on the Constitution* (WS, 27.08.2018).

Доказательством высказанного положения служит трансформация объединения заголовка и подзаголовка в одно высказывание: *To restore the FBI's culture it is necessary to decentralize management of cases, improve relations with Congress and focus on the Constitution.*

Аналогичная трансформация доказывает принадлежность подзаголовка из белорусскоязычной прессы к рематическому типу:

Заголовок: «Агульная задача».

Подзаголовок: ... *Стварыць лепшы ў свеце дзелавы клімат* (ЗВ, 01.06.2016).

Результатом трансформации объединения будет следующее высказывание: *Агульная задача заключаецца ў тым, каб стварыць лепшы ў свеце дзелавы клімат.*

В белорусскоязычном дискурсе подзаголовок рематического типа нередко вводится с помощью союза *або*: *Хлеб без дабавак, або Інфармацыя аб прадуктах павінна быць празрыстай* (ЗВ, 22.03.2016).

В проанализированном корпусе медиатекстов встретились и рематические типы заголовков, раскрывающие основной посыл текста. Среди англоязычных текстов информационно-аналитических и художественно-публицистических жанров доля рематических заголовков и подзаголовков составила 24 %, в белорусскоязычных – 32 %. Приведем примеры: «New Vaccine Could Slow Disease That Kills 600 Children a Day» (NY, 23.03.2017); «A Return to Normalcy Will Be the Fed's Biggest Test» (WS, 10.09.2018); «Падтрымаць словам і справай» (ЗВ, 10.11.2018); «Выхоўваць журналістаў – задача прафесіяналаў» (ЗВ, 09.04.2016).

Очевидно, что для однозначного определения коммуникативного типа заголовка (тематический или рематический) в большинстве случаев необходимо обращение к полному тексту. Учитывая информацию текста как целого, рассмотрим возможность выявления формальных показателей принадлежности заголовка к рематическому типу, то есть наличия тех или иных

языковых единиц, которые с большой долей вероятности маркируют основной посыл медиатекста. Такими индикаторами, как показал проведенный анализ, часто выступают единицы позитивной и негативной оценки, например: «**More Labs, Little Oversight Fuel Pathogen Mishaps**» (ST, 20.07.2014); «‘Running Wilde’ Is **Funny** but It **Lacks Solid Footing**» (US, 21.09.2010); «Хранічная засуха – **выклік** для навукоўцаў» (ЗВ, 03.08.2018); «Вучоба можа быць у **радасць...**» (ЗВ, 21.11.2018); «Вы ўжо **пераможцы!**» (ЗВ, 21.11.2018); «Якая навука без **ідэалаў?**» (К, 13.10.2018); «Колькасць ваўкоў будзе **зменшана**» (ЗВ, 09.04.2016).

Индикаторами основного посыла медиатекста могут служить модальные единицы необходимости и возможности, указывающие на те действия, которые необходимо/можно предпринять государственным, общественным и иным организациям или отдельным индивидуумам для решения возникших проблем/достижения поставленных целей [9]. Среди модальных единиц необходимости в англоязычном дискурсе широко представлены собственно модальные глаголы *must, should, have to*; в белорусскоязычном дискурсе – глагол, содержащий модальный компонент в своей семантике, – *патрабаваць*, предикативное прилагательное *павінен* и предикативные наречия *трэба, неабходна*. Среди модальных единиц возможности в англоязычном дискурсе частотны глаголы *can и may*; в белорусскоязычном – глагол *магчы*, наречие *можна* и существительное *магчымасць*.

Рассматриваемые единицы встречаются как в заголовках, так и подзаголовках медиатекстов: «Local Food **May** Be Trendy but Is It Really More Eco-Friendly?» (US, 09.08.2012); *We **shouldn't have to** choose between ripping families apart and enforcing immigration law* (US, 29.07.2018); *У глыбінцы – як у сталіцы: людзі **павінны** мець выбар, як праводзіць вольны час* (ЛМ, 06.01.2016); *Каб ведаць і шанаваць чужое, **трэба** найперш ведаць і шанаваць сваё* (ЗВ, 27.10.2017). Экспликаторы значения возможности в заголовках и подзаголовках могут также маркировать основной вывод статьи, выражающий причинно-следственные отношения «Gut Microbes **Can** Shape Responses to Cancer Immunotherapy» (N, 02.11.2017); *Калі не рухацца, **можна** заржавець* (ЗВ, 26.09.2015).

В проанализированном массиве медиатекстов лид, как и подзаголовков, не является обязательным компонентом; в большинстве случаев он расширяет и уточняет информацию заголовка и / или подзаголовка. Однако и здесь встречаются высказывания обобщающего характера, имеющие отношение к концептуальной информации медиатекста как целостного произведения. Наряду с оценочной лексикой, они могут маркироваться модальными единицами: *It's **hoped** appeal of ex-president **may** sway independent voters* (ST, 14.10.2012); *Зразумела, у выпадку паспяховага аднаўлення на аршанскім прыкладзе **павінны** пайсці і многія іншыя гарады краіны* (ЗВ, 01.12.2018).

Детальная репрезентация концептуальной информации происходит по мере развертывания дискурса в вербализации отношения автора и других субъектов коммуникации к описываемым фактам, событиям, проблемам:

*First, Congress **needs to make** clear that the Flores consent decree does not apply to family units. <...> Third, and finally, Congress **should authorize** and appropriate money for more immigration judges, so that cases can be adjudicated and resolved quickly* (US, 29.07.2018); «У спорце **не павінна** быць столькі палітыкі, колькі сёння. У спорце **не павінны** перамагаць спартсмены толькі буйных багатых дзяржаў. Спорт **павінен** быць для ўсіх ...» (ЗВ, 09.04.2016); Да стагадовага юбілею прадпрыемства рапрацавала канцэпцыю «разумнага» павільёна новага фармату – мультыфункцыянальнага. Наведвальнікі **могуць** размаўляць з прадаўцом на любой мове (для гэтага там ёсць анлайн-перакладчык), падзараджаць электронныя прылады, выклікаць таксі і «хуткую» ... (ЗВ, 21.11.2018).

Концентрированное выражение концептуальной информации нередко содержится в финальном абзаце статьи, что более характерно для белорусскоязычного дискурса. Например: *What is called for now is a renewal of the FBI's culture. The bureau **must** turn the page on this intelligence-driven chapter of history* (WS, 27.08.2018); *У рамках гэтай задачы **трэба** будзе стварыць больш дыялогавых пляцовак, дзе дзяржава і бізнес **могуць** сустрацца і знайсці агульныя раішэнні сваіх пытанняў* (ЗВ, 22.04.2016); *Калі ў чалавека ёсць мара, якую ён доўга выношавае, **трэба** абавязкова паспрабаваць яе ажыццявіць* (ЗВ, 06.09.2018).

В заключительном абзаце медиатекста его основная идея часто представлена словами не автора, а других участников медийной коммуникации (государственных и политических деятелей, экспертов, рядовых граждан и др.), что согласуется с требованиями объективности изложения в средствах массовой информации:

*“Urban farming ... **can** simultaneously reshape places we live and the way we eat”* (US, 09.08.2012); *“I am truly disappointed with Google’s response,” Sen. Warren said in a statement earlier this month. “I believe Google **should** be more up front about this fundamental issue of public accountability”* (WS, 21.09.2018); *Міністр адукацыі адзначыў, што ў цэлым падрыхтоўка журналістаў у краіне знаходзіцца на высокім узроўні, вядучым СМІ ёсць з каго выбіраць маладых спецыялістаў. Тым не менш колькасць месцаў на журфаках **трэба** аптымізаваць* (ЗВ, 09.04.2016).

Проведенный анализ показал, что из двух групп модальных единиц в качестве маркеров основного посыла медиатекста как концентрированного выражения концептуальной информации чаще выступают единицы со значением необходимости, расположенные в сильных позициях текста, – заголовке, подзаголовке или в заключительном абзаце. Такие единицы указывают на необходимость предпринять те или иные действия для решения рассматриваемых проблем. Модальные единицы возможности выражают отношение автора и других участников коммуникации к потенциальным способам решения поставленных проблем и чаще используются в основном корпусе текста по мере его развертывания. Среди проанализированных единиц в англоязычном дискурсе наиболее частотны собственно модальные глаголы *should* и *can*; в белорусскоязычном дискурсе – глагол *магчы*, предикативы *павінен*, *неабходна*,

трэба. Своеобразием медийного дискурса как подтипа институционального является экспликация концептуальной информации не только в высказываниях автора, но и в конструкциях прямой и косвенной речи других коммуникантов.

В качестве различий в двух лингвокультурах установлены более широкая представленность модальных единиц необходимости как маркеров концептуальной информации в белорусскоязычной прессе по сравнению с англоязычной, а также более высокая частотность языкового воплощения посыла текста в заключительном абзаце. Выявленные расхождения можно объяснить стремлением белорусских авторов к эксплицитной вербализации смысловой структуры текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ. – 160 с.
2. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 144 с.
3. *Beaugrande, R. de.* Introduction to Text Linguistics / R. de Beaugrande, W. Dressler. – L. : Longman, 1981. – 270 p.
4. *Валгина, Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 173 с.
5. *Селиванова, Е. А.* Основы лингвистической теории текста и коммуникации : учеб. пособие / Е. А. Селиванова. – Киев : Фитосоцицентр, 2002. – 336 с.
6. *Фатина, А. В.* Функционирование заголовочных комплексов в современной российской газете: стилистико-синтаксический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Фатина; СПб., 2005. – 27 с.
7. *Рождественский, Ю. В.* Лекции по общему языкознанию / Ю. В. Рождественский. – М. : Высш. шк., 1990. – 360 с.
8. *Дейк, Т. А. ван.* Язык, познание, коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
9. *Karpilovitch, T. P.* Semantic and Pragmatic Structure of Problem Feature Articles in American and Belarusian Media Discourse / T. P. Karpilovitch // Discourse Studies – Ways and Crossroads. – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2017. – P. 97–109.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

ЗВ – Звязда.

К – Культура.

ЛМ – Літаратура і мастацтва.

Р – Рэспубліка.

N – Nature.

NY – The New York Times.

ST – The Seattle Times.

US – USA Today.

WS – The Wall Street Journal.

The paper considers modal units of necessity and possibility used as markers of conceptual information in media discourse in English and Belarusian. It is shown that the message of a media text as a compressed expression of its conceptual information is often marked by the modal units of necessity used in the titles, subtitles or the final paragraph of the text.

С. А. Клишевич

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СРЕДСТВ РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА В РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРАХ МЕДИАДИСКУРСА

Выявлены наиболее употребительные средства разговорного синтаксиса в медиа-жанрах «письма читателей в газету» и «репортаж» и их количественные характеристики. Дана сравнительная характеристика наиболее употребительных средств разговорного синтаксиса в вышеупомянутых медиажанрах. Раскрыты особенности употребления этих средств, а также установлены их прагматические функции.

Человеческое представление об окружающем мире и реальной действительности во многом зависит от информационного потока, транслируемого аудитории по разным каналам связи: печатным и компьютерным СМИ, радио, ТВ. В связи с этим в последние десятилетия – в эпоху глобализации информационного пространства – внимание лингвистов обращено к медиадискурсу. СМИ, охватывая все слои населения, стремятся удовлетворить информационные потребности личности, различных групп населения, общества в целом, а также предоставить возможность к самовыражению и участию в формировании медиадискурса.

По мнению Т. Г. Добросклонской, «медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [4, с. 153]. «К основным характеристикам медиадискурса можно отнести дистантность, наличие индивидуально-коллективного субъекта, наличие неизвестного, коллективно не определенного рассредоточенного адресата» [7, с. 22].

Медийный дискурс реализуется через совокупность разножанровых текстов, связанных в коммуникативном и функционально-целевом отношении. Основные функции – информирующую и воздействующую – медиадискурс реализует через совокупность разножанровых текстов, связанных в коммуникативном и функционально-целевом отношении. Каждый жанр в медийном дискурсе существует не сам по себе, а в системном взаимодействии с другими жанрами, реализуя свою частную задачу, не дублируя задач других жанров. «Газетный медийный дискурс, в частности, дискурс британской национальной газеты “The Times” стратифицируется жанрами: информационное сообщение/report, комментарий/commentary, редакционная статья/editorial, портретный очерк/profile, проблемно-тематическая статья/feature, скетч/sketch, светская хроника/gossip column, репортаж/reportage,

рецензия/review, письмо редактору/letter to the editor» [8, с. 256]. Газетные жанры отличаются друг от друга методом литературной подачи, стилем изложения, композицией.

Письма читателей в газету и репортажи, послужившие материалом для настоящего исследования, являются разными жанрами, однако относятся к одной и той же жанровой группе: информационно-аналитической. Информационно-аналитические тексты представляют собой как бы расширенный вариант новостного текста, отличаясь от последнего обязательным наличием не только сообщаемой, но и комментирующей, аналитической части. При этом определяющее значение имеет аналитический компонент, комментарий, выражение мнения и оценки. На уровне языка информационно-аналитические тексты демонстрируют весь спектр лингвистических способов выражения оценки: от экспрессивно-оценочных слов и словосочетаний до метафор и сравнительных оборотов.

«Репортаж – жанр журналистики, дающий оперативное наглядное представление о событии через призму мировоззрения автора, его участника или очевидца» [5, с. 142]. В основе репортажа лежит использование метода наблюдения, и, следовательно, присутствие репортера на месте действия является обязательным. Любой репортаж должен обладать такими особенностями, как хронология, документальность и наглядность. Хронология проявляется в последовательном воспроизведении событий, за счет чего обеспечивается динамизм повествования, связанный с протяженностью действия во времени и пространстве. Предельная документальность проявляется в том, что репортаж не терпит ни реконструкции, ни ретроспекции, ни творческого вымысла. Он требует наглядности, т.е. создания образной картины происходящего путем использования предметного описания деталей, приведения подробностей ситуации, воспроизведения поступков и реплик действующих лиц.

Жанр «письма читателей в газету» отличается от других газетных жанров тем, что «представляет собой нежурналистский материал. Этот фактор обуславливает основные черты данного жанра, а именно то, что категория диалогичности выражается в нем открыто, представляя собой ни что иное, как ответ, реакцию на журналистский материал» [8, с. 255]. Элементы полемичности, содержащиеся в письмах, подталкивают читателей к продолжению диалога – на странице с письмами постоянно происходит оживленный обмен новостями, мнениями, оценками, что создает ощущение принадлежности к читательской аудитории, читатель регулярно открывает страницу с письмами, находит там свое письмо и одновременно может оценить письма других читателей [8, с. 256].

На сегодняшний день можно констатировать тенденцию к сближению и взаимопроникновению таких разновидностей дискурса, как медиадискурс и персональный. Как следствие, такие характеристики персонального дискурса, как спонтанность, сильная ситуативная зависимость, ярко выраженная субъективность, диалогичность, находят свое проявление в различных

жанрах медиадискурса. «Происходит стирание границ между официальным и неофициальным, сосуществование книжности и разговорности исследователи интерпретируют как результат стремления журналистов приблизиться к речи адресата» [2, с. 22]. Причина, по которой широко используются разговорные языковые средства в медиaprостранстве, заключается в том, что это способствует, с одной стороны, широкому охвату аудитории, а с другой – оптимизации речевого воздействия на нее за счет таких свойств разговорных единиц, как способность маркировать информацию, выражать оценочные суждения и создавать ощущение интерактивности, диалогичности общения.

В нашем исследовании мы рассматриваем синтаксические разговорные средства. «Синтаксическое своеобразие разговорной речи теснейшим образом связано с ее основным признаком – непосредственностью общения. Этим обусловлены необходимость мало развернутых высказываний, отсутствие причастных и деепричастных оборотов, иные закономерности порядка слов, возможность неформальных лексико-грамматическими средствами вопросительных и отрицательных предложений и др.» [6, с. 94].

Важную роль играет также и вторая сторона непосредственности общения – диалогичность речи, которая вместе со вторым определяющим признаком разговорной речи – персональностью общения – обуславливает характерную для разговорной речи неполноту предложений, эллиптичность словосочетаний с массой включений, широкое распространение непредикативных коммуникативных единиц.

«Большую стилеобразующую роль в разговорном стиле играют две противоположные тенденции, связанные с конкретными условиями общения (т.е. прежде всего с его устной формой), а именно компрессия, которая приводит к разного рода неполноте выражения, и избыточность» [1, с. 351]. Избыточность связана прежде всего с неподготовленностью, спонтанностью разговорной речи. Усиление эмоциональной окраски является причиной избытка в разговорной речи разного рода усилителей таких, как повторы, плеонастические местоимения и др., которые могут выступать в различных сочетаниях. На синтаксическом уровне компрессия предусматривает сжатие знаковой структуры путем эллипсиса, грамматической неполноты, бессоюзия. Под синтаксической компрессией понимаются также опрощение, членение, парцелляция, присоединение и другие процессы, способствующие уменьшению размера высказывания.

В ходе анализа употребительности средств разговорного синтаксиса в письмах читателей в газету и репортажах было обнаружено, что данные синтаксические единицы находят широкое применение в современных медиажанрах. В процентном соотношении данные выглядят следующим образом: 42,9 % разговорных единиц от их общего числа в письмах читателей в газету и 40 % – в репортажах.

Если процентная доля разговорных единиц в двух медиажанрах практически одинаковая, то различия наблюдаются в типах конструкций, применяемых в них. Результаты исследования сведены в таблицу.

Сравнение употребительности синтаксических разговорных средств
в различных жанрах медиадискурса
(«письма читателей в газету» и «репортаж»)

Синтаксическое разговорное средство	Относительная доля писем читателей в газету, %	Относительная доля репортажей, %
Вопросительные предложения	22,4	5
Присоединительные конструкции	20,7	30,7
Эллиптические конструкции	20,7	28,6
Повторы	17,2	14,3
Вставные конструкции	13,8	10,7
Предложения с инверсированным порядком слов / разговорный порядок слов	5,2	9,3
Всего	100	100

Как для писем читателей, так и для репортажей характерно широкое использование присоединительных конструкций и эллипсов, соответственно в письмах – 22,4 % и 20,7 %, в репортажах их количество составляет 30,7 % и 28,6 %. Однако в письмах читателей преобладают конструкции с прагматическим типом (экспрессивно-эмоциональный, а также акцентуация добавочной информации), в то время как в репортажах представлен весь спектр прагматических типов, а именно акцентуация добавочной информации, эмоционально-экспрессивная, характерологическая и др. Это связано с тем, что письма и репортажи имеют разные цели: призвать к немедленному действию, воздействовать на адресата в первом случае и передать информацию со своей позиции, через призму своих взглядов и представлений – во втором.

Под присоединением понимается добавление к основному высказыванию дополнительных сообщений, пояснений, уточнений, возникающих в сознании не одновременно с основной мыслью, а лишь после того, как она сформировалась. Присоединительные конструкции, обладающие большими коммуникативными, стилистическими и модальными возможностями, повышают информативность высказывания, усиливают его экспрессивность, придают ему эмоционально-оценочный характер. Здесь можно привести следующий пример из писем читателей: *This aisle, even in the consumer's fertile imagination, does not contain unpackaged coffee granules or detergent, but produce* («The Guardian») ‘На этом ряду (в супермаркетах, в которых продаются товары, не упакованные в пластик), даже в богатом воображении покупателя, не продаются распакованные гранулы кофе или моющие средства, но есть готовая продукция’, а также из репортажей: *Over the last 18*

months the number of child protection issues I have seen has increased fourfold – and I'm in a small school («The Guardian»). Присоединительные конструкции, наряду со вставными, обладают большим потенциалом выражения оценки и мнения, благодаря тому, что содержат авторское отношение к персонам и событиям.

Что касается эллипсов, то и в репортажах, и в письмах опускаются, в основном, элементы, не несущие в себе смысловой нагрузки. К примеру: *I am so envious of those who have been vegan since birth* («The Telegraph») 'Я так завидую тем, кто был вегетарианцем с рождения'. Эллипсис является одним из эффективных способов придания тексту характера живой разговорной речи: *For those who still can't comprehend because they refuse to, I'll tell you where it went: right into the ground, six feet deep* («The Guardian»). Использование данных конструкций всегда неслучайно и несет в себе различные функции, важнейшими из которых являются воздействие на чувства и апелляция к эмоциям читателей. Также для эллиптических конструкций характерно маркирование сообщения и, тем самым, привлечение внимания к информации.

Вопросные предложения преобладают в письмах читателей (20,7 %), в то время как в репортажах они составляют не более 4,3 %. Это различие также связано с особенностями данных медиажанров: авторы писем посредством вопросов создают иллюзию диалога, взаимодействия с другими читателями, призывают к размышлению над острыми социально-экономическими проблемами, направляют на поиск ответов, таким образом косвенно влияя на читателя. Так, мы можем привести следующий пример из корпуса писем читателей: *The monarchy is lucrative and pretty, but is there more to it than that?* («The Telegraph») 'Монархия прибыльна и привлекательна, но есть ли в ней нечто большее?'. Что касается репортажей, то их первичная функция – оперативное сообщение с места событий.

Одним из способов выражения личного отношения автора к содержанию является выдвижение, т.е. способ формальной организации текста, фокусирующий внимание читателя на определенных элементах сообщения. Как в письмах, так и в репортажах данная функция осуществляется при помощи повтора, который в силу своей природной экспрессивности и эмоциональности воспроизведения оценки действительности способствует усилению выразительности текста, воздействуя на эмоции человека: *We have to accept that it's not the size of our wage packets that matters...it's not size of one's income that matters; it's the fact that someone with more money can buy up everything* («The Telegraph») 'Мы должны признать, что тут дело не в размерах нашей заработной платы...и не в размерах нашего дохода; здесь имеет значение тот факт, что человек, у которого больше денег, может скупить все' (из корпуса текстов писем читателей), инвертированного порядка слов (*This is the beginning of the end. From here, we fight* 'Это начало конца. И здесь мы начинаем сражаться' (из корпуса текстов репортажей)), вставных конструкций (*And it is not yet clear what any of the genes represent –*

intelligence, diligence, competitiveness or even factors like having a strong bladder (helpful in exams) or a robust immune system ‘И до сих пор неясно, за что любой из этих генов отвечает – интеллект, прилежание, конкурентоспособность или даже такие характеристики, как сильный мочевой пузырь (полезно во время экзаменов) или надежная иммунная система’ («The Guardian») (из корпуса текстов репортажей)). Эти средства в совокупности с несобственно-побудительными предложениями, плеонастическими местоимениями (в репортажах) создают эффект разговорности и интерактивности, непринужденности и спонтанности высказывания. Приведем следующий пример: *And you people just keep putting her back again and again and again* ‘И вы, люди, просто продолжаете избирать ее снова, и снова, и снова’ («The Guardian»). В этом примере мы наблюдаем повторы, которые выступают «своеобразным средством эмфатизации, способствующим усилению общей эмоциональной выразительности текста» [3, с. 45]. В данном случае можно сделать вывод, что автор этого высказывания посредством повторов выражает сильное раздражение и недовольство.

Фактор, сближающий письма читателей с репортажами, проявляется в следующем: письма представляют собой читательский материал, который пишется не профессиональными журналистами, следовательно, проникновение разговорных средств более вероятно; что касается репортажей, то журналисты обычно включают в свой текст прямое цитирование речи участников репортажа, что также представляет собой речь не профессиональных журналистов, а часто обычных людей – это также один из источников проникновения разговорных единиц в текст. И хотя речь участников и является спонтанной и непринужденной, в отличие от писем читателей, однако в обоих случаях употребление разговорных средств является намеренным и продуманным.

Таким образом, в письмах читателей в газету и репортажах широко представлены синтаксические разговорные единицы, и, следовательно, они выступают как эффективные средства воздействия на сознание читателя, активизируют его внимание, апеллируют к эмоциям. Использование разговорных единиц обусловлено стремлением авторов текстов соответствовать потребностям аудитории, приблизиться к ней, создавая эффект диалогичности, разговорности и спонтанности, облегчить процесс восприятия и понимания информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
2. Горелов, И. Н. Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов. – М. : Наука, 1980. – 172 с.

3. *Гребень, Т. Н.* Средства разговорного синтаксиса в медийном дискурсе (на материале белорусского и английского языков) : автореф дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Гребень ; Минск. гос. лингвист. ун-т. – Минск : [б. и.], 2016. – 25 с.
4. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – М. : Наука, 2008. – 264 с.
5. *Кройчик, Л. Е.* Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста. – СПб. : Знание, 2000. – С. 125–168.
6. *Сиротинина, О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература» / О. Б. Сиротинина. – М. : Просвещение, 1974. – 144 с.
7. *Темникова, Л. Б.* К вопросу о типологии медиадискурса / Л. Б. Темникова // Науч. журнал КубГАУ. – № 119 (05). – 2016. – 96 с.
8. *Тырыгина, В. А.* „Letter to the editor“ : реализация диалога в массмедийном дискурсе / В. А. Тырыгина // Вестн. МГЛУ. – Вып. 6 (639). – 2012. – С. 249–258.
9. The Telegraph. – 2017. – 28 Nov. – Mode of access : <https://www.telegraph.co.uk/opinion/2017/11/28/letterschurch-approved-wedding-prince-harry-divorced-fiancee/>. – Date of access : 03.10.2018.
10. The Telegraph. – 2018. – 13 Jan. – Mode of access : <https://www.telegraph.co.uk/opinion/2018/01/13/lettersevery-piece-plastic-should-have-recycling-information/>. – Date of access : 07.04.2018.
11. Happy or sad, the colour of your face reveals how you feel [Electronic resource] // The Guardian. – 2018. – 19 March. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/science/2018/mar/19/happy-or-sad-the-colour-of-your-face-reveals-how-you-feel>. – Date of access : 07.04.2018.
12. The Guardian. – 2018. – 22 March. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/global/2018/mar/20/weekly-letters-pride-and-paranoia>.
13. Marchers across the US united in plan for pro-gun politicians: Vote them out [Electronic resource] // The Guardian. – 2018. – 24 March. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/us-news/2018/mar/24/marchers-across-the-us-united-in-plan-for-pro-gun-politicians-vote-them-out>. – Date of access : 07.03.2018.
14. ‘They hate your guts’: Trump attacks media and Democrats at Michigan rally [Electronic resource] // The Guardian. – 2018. – 29 Apr. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/us-news/2018/apr/29/donald-trump-michigan-rally>. – Date of access : 03.04.2018.

The article describes the most frequently used means of colloquial syntax in such mediagenres as “Letters to the editor” and “Report”. A comparative description of the most commonly used means of colloquial syntax in the above-mentioned mediagenres is given. The peculiarities of their usage, as well as the pragmatic functions have been identified.

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

А. А. Барковіч

АБНАЎЛЕННЕ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЕЯСЛОЎНАЙ ЛЕКСІКІ Ў КАНТЭКСЦЕ РУСКА-БЕЛАРУСКАЙ МІЖМОЎНАЙ ІНТЭРФЕРЭНЦЫІ

Сосуществование белорусского и русского языков в Беларуси – многомерный фактор социокультурной сферы, который существенно сказывается на развитии белорусского языка. В частности, в *обновлении глагольной лексики* в белорусском языке – весьма существенной в системном аспекте языковой субстанции – языковые ресурсы русского языка (близкородственного белорусскому) задействованы естественным образом. С учетом складывающихся реалий развития современной речевой практики релевантную лингвистическую интерпретацию целесообразно проводить, используя достижения компьютерно-опосредованной парадигматики. Корпусная лингвистика в этом контексте – одна из наиболее авторитетных методологических основ современных исследований. Статистика корпусных исследований свидетельствует, что в контексте русско-белорусской межъязыковой интерференции целесообразно охарактеризовать три группы новых белорусских глаголов: заимствования-русизмы; заимствования-интернационализмы и кальки с русского языка.

Калі неабходна фенаменалагічна карэктна пазначыць сутнасць міжмоўнага ўзаемадзеяння рускай і беларускай (або беларускай і рускай) моў, то гэта, відавочным чынам, менавіта «руско-беларуская інтэрферэнцыя» – з прыярытэтам, у першую чаргу, «руско-беларускай», а не «беларуска-рускай» атрыбутыўнасці. Лінгвістычна больш абгрунтавана казаць пра руска-беларускую «інтэрферэнцыю», «практыку» і «маўленчую дзейнасць». Што не выключае магчымасцей лінгвістычнай актуалізацыі элементаў «беларуска-рускай» моўнай інтэрферэнцыі ў сінкрэтычным узаемадзеянні дзвюх моў. Пры гэтым лінгвістычная практыка сведчыць, што ўдзельная вага рускіх запазычанняў у беларускай мове несувымерна вышэй, чым беларускіх запазычанняў – у рускай мове. Дамінуючая матывацыя тут відавочная: набыццё рускамоўных маўленчых навыкаў. Камунікантаў, якія вывучаюць і выкарыстоўваюць рускую мову, у Беларусі значна больш, чым удзельнікаў маўленчага ўзаемадзеяння, якія выяўляюць цікавасць да беларускай мовы. Па гэтай прычыне найбольш рэпрэзентатыўным з'яўляецца прадметны разгляд заяўленай праблематыкі ў кантэксце, у першую чаргу, *руско-беларускай міжмоўнай інтэрферэнцыі*.

Даследаванне сучаснай дынамікі практычна любой мовы мэтазгодна праводзіць, выкарыстоўваючы дасягненні *камп'ютарна-апасродкаванай камунікацыі* – інфармацыйнага ўзаемадзеяння, абмену паведамленнямі ў апасродкаваным камп'ютарнымі тэхналогіямі асяроддзі маўленчай практыкі [1]. Корпусная лінгвістыка ў гэтым сэнсе – адна з найбольш аўтарытэтных парадыгм сучаснай даследчай практыкі [2]. Сёння даступнасць маштабных абагульненняў маўленчай практыкі дазваляе вырашаць склада-

ныя пытанні стварэння такіх шырокафарматных рэпрэзентацый моўных сістэм, як, напрыклад, *мадэлі развіцця моўных навацый* [3]. Праблема запазычанняў, якія адыгрываюць важную ролю ў моўнай эвалюцыі, надзвычай актуальная для рэпрэзентацыі дынамікі мовы. Праблема запазычанняў з рускай мовы мае не толькі несумненную інтралінгвістычную, але і экстралінгвістычную вартасць. Сапраўды: наколькі стэрэатыпы аб уплывовасці руска-беларускай міжмоўнай інтэрферэнцыі абгрунтаваныя? На падставе разгляду абнаўлення дзеяслоўнай лексікі – вельмі істотнай у сістэмным аспекце моўнай субстанцыі – адказ на гэта пытанне аказваецца неадназначным.

Значнае месца сярод слоў, не зафіксаваных у тлумачальных слоўніках беларускай мовы, займаюць лексемы, аналагічныя якім А. А. Баханькоў у свой час абазначыў як агульны руска-беларускі фонд, г.зн. найменні, якія адначасова з'яўляюцца ў абедзвюх мовах па прычыне блізкіх сацыялінгвістычных і ўласна моўных характарыстык [4]. Гэта могуць быць як агульныя ўсходнеславянскія ці агульныя беларуска-рускія наватворы на базе сваіх, спрадвечных фармантаў, так і агульныя запазычанні ці наватворы на базе запазычаных фармантаў.

Сярод дзеясловаў-запазычанняў беларускай мовы, у сваю чаргу, ёсць русізмы-дэрываты ад запазычаных каранёў; агульныя з рускай мовай запазычанні; агульныя з рускай мовай дэрываты ад запазычанняў; запазычанні з рускай мовы ўласна рускіх дзеясловаў; калькі ўласна рускіх дзеясловаў. Дзеясловы названых групавак часам цяжка размежаваць адназначна. Асабліва невыразныя межы паміж дзеясловамі-запазычаннямі з рускай мовы, дзе яны з'яўляюцца дэрыватамі ад запазычаных каранёў, з аднаго боку, і агульнымі з рускай мовай дэрыватамі ад запазычанняў – з другога, а таксама паміж запазычаннямі ўласна рускіх дзеясловаў і агульнымі з рускай мовай наватворамі.

Статыстыка корпусных даследаванняў сведчыць, што ў кантэксце руска-беларускай міжмоўнай інтэрферэнцыі мэтазгодна вызначыць тры групы новых беларускіх дзеясловаў: 1) запазычанні-русізмы; 2) запазычанні-інтэрнацыяналізмы і 3) калькі з рускай мовы. Запазычанняў-русізмаў сярод іх прыкладна палова – 50 %; запазычанняў-інтэрнацыяналізмаў – 33–34 % і 16–17 % – гэта калькі з рускай мовы [5]. Дадзеная сукупнасць невялікая ў параўнанні з новымі дэрыватамі ад былых запазычанняў ці *патэнцыяльнымі дзеясловамі*, якія ўваходзяць у слоўныя ланцужкі ўтварэнняў ад запазычанняў. Статыстычна такія дзесловы складаюць 5–6 % ад агульнай колькасці дзеясловаў-наватвораў беларускай мовы [5]. Але іх разгляд дазваляе высветліць істотныя абставіны ўзаемадзеяння рускай і беларускай моў.

Запазычанні-русізмы кваліфікуюцца як запазычанні з рускай мовы на той падставе, што ў іх утварэнні ўдзельнічаюць асновы, якія ўжываюцца ў рускай мове і не сустракаюцца ў беларускай, напрыклад, *абмараць, драўнець, драхлець, засцягваць, пераліцаваць, прапахваць, прыкарманіць, прылуніць, прысачыніць – прысачыняць, сунаследаваць, хоркаць*. Напрыклад, гукаперайманне *хоркаць* відавочна запазычана з рускай мовы, паколькі ў бела-

рускіх тлумачальных слоўніках такая словаўтваральная аснова адсутнічае, а рус. *хорканье, хоркать* ‘ствараць характэрныя гукі (пра некаторых птушак)’ фіксуецца слоўнікамі, напрыклад [6].

Да русізмаў таксама адносіцца дзеяслоў *удабраць*: аснова *добр-/дабр-* ёсць у беларускай мове, але ў значэнні ‘рэчыва, якое ўносіцца ў глебу для павелічэння ўраджаю’ выкарыстоўваецца аснова *гной-*. *Ушкуйнічаць* ‘рабаваць, разбойнічаць’, на наш погляд, таксама ёсць падставы аднесці да русізмаў: у беларускіх тлумачальных слоўніках занатавана слова *ушкуй* ‘старадаўні пласкадонны човен з ветразямі і вёсламі’. Але дзеяслоў відавочна паходзіць ад рус. *ушкуйничать* ‘рабаваць, разбойнічаць’ ← ‘быць ушкуйнікам’ < *ушкуйник* ‘вольны чалавек, член узброенай дружыны, якія ствараліся для набегу і гандлю на Волзе і Каме’ [6]. Як даўняе запазычанне існуе ў рускай мове слова *обожать* (> бел. *абажаць*); *околпачить* (> бел. *абкалпачыць*) – рускамоўны дэрыват цюркізма.

Сярод лексем гэтай падгрупы частка мае выразны гутарковы характар (*абкалпачыць, абкалясіць, абмараць, абцяпваць, драхлець, мацярэць, прыкарманіць*) ці кніжны (*прадаставіць, ратаборстваваць, умярціць – умярціваць, цягаецца*), што пацвярджаецца адпаведнай практыкай словаўжывання:

Днямі прэс-цэнтр Міністэрства па падатках і зборах Беларусі падрыхтаваў інфармацыю, дзе ідзе гаворка аб правах і абавязках фізічных асобаў, якія прадастаўляюць у інспекцыі дэкларацыю аб сукупным гадавым даходзе... Перад тым, як прадастаўляць дэкларацыю, грамадзянін павінен спачатку стаць на падатковы ўлік па месцы жыхарства... (С. Куркач. Права і абавязкі дэкларантаў // Звязда. № 14 (26127), 24.01.2008 (www.zvyazda.minsk.by)).

Замест беларускіх літаратурных дзеясловаў, якія ўжо даўно і трывала замацаваліся ў мове, часам выкарыстоўваюцца рускія эквіваленты, як, напрыклад, *ссучыць* замест *ссукáць, браканьерстваваць* (пар. рус. *браконьерствовать*) замест беларускага літаратурнага *браканьерыць*, а таксама запазычанне з тым жа суфіксам *ратаборстваваць*, якое фіксуецца і тлумачальнымі слоўнікамі рускай мовы, і адпаведнымі корпуснымі крыніцамі.

Напрыклад, у новых беларускіх тэкстах сустракаецца дзеяслоў *назюзюкацца* ‘напіцца п’яным’:

Назюзюкаўся ды заваліўся за халстамі (С. Квяткоўскі. Шампанскае ў шафе (www.knihi.com)).

У той жа час у беларускіх слоўніках ёсць толькі адзінка *зюзя* ‘п’яны, мокры’ і *зюзюкаць* ‘весці лёгкую, вольную размову’ (*Старыя ціхенька зюзюкаюць пра каня, пра карову. З. Бядуля*) [7]. Відавочна, дзеяслоў *назюзюкацца* запазычаны з рускай мовы, дзе ў гэтым значэнні ён фіксуецца тлумачальнымі слоўнікамі і корпусамі тэкстаў: *Назюзюкался, Иван Романыч (А. Чехов. «Три сестры» (www.ruscorpora.ru)).*

Гутарковы дзеяслоў *захамутаць* у беларускай мове ўжываецца толькі з прэфіксам у значэнні ‘прымусіць каго-н. да якой-н. дзейнасці’:

Уся барацьба яшчэ наперадзе, і не шкадаваць жа, што сам, сам узяўся захамутаць гэтага небараку, змусіўшы яго забыць пра той дар, якім валодаў (Т. Бондар. «Павуцінне» (www.knihi.com)).

Слоўнікамі беларускай мовы фіксуецца толькі *хамут*, у той час як у рускіх тлумачальных слоўніках ёсць і *хомутать*, і *захомутать* як у прамым ('запрягать'), так і ў пераносным значэнні ('насільна вовлечь'):

Вытащил я из-под навеса телегу, захомутал коренную, стал запрягать, а сердце так и стучит, так и колотится! (В. Короленко. «Убивец») [6].

Баптисты приходили, – продолжал Александр Дмитриевич. – Одного нашего эти захомутали – саентологи (А. Нежный. «Трудная свобода») [8].

Да запазычанняў трэба аднесці лексему *загваздаць* 'запэцкаць'. Бел. *гваздаць* мае толькі значэнне 'біць, удараць', яго патэнцыяльная пара закончанага трывання *загваздаць* аманімічная запазычання з рускай мовы *загваздать*.

Інтэрнацыяналізмы – моўныя адзінкі, якія ў аднолькавым значэнні паралельна запазычаюцца ў некалькі моў. Новыя беларускія **запазычання-інтэрнацыяналізмы** характэрным чынам маюць адпаведнікі ў рускай мове. Усе яны блізкія да тэрмінаў (*дэтэрмінаваць*) ці маюць безумоўны тэрміналагічны характар (*дэфібрыраваць*). Сярод іх палова з суфіксам *-ірава-* (напрыклад, *дэфібрыраваць*, *ініцыіраваць*, *лабіраваць*), а палова – з суфіксам *-ава-*: *аптымізаваць* (пар. рус. *оптимизировать*), *крэнгаваць* (рус. *кренговать*), *мінімізаваць* (пар. рус. *минимизировать*) і інш.

А дзяржава ўсіх імкнецца падтрымаць, але ўлічваючы, што ў асноўным уласнасць у краіне дзяржаўная, то фінансы ў нас распыляюцца – усім трэба даць, прафінансаваць, выратаваць (С. Свістуновіч. Якой бы вялікай коўдра ні была, а ўсіх не прыкрыеш // Звязда. № 229 (26094), 01.12.2007 (www.zvyazda.minsk.by)).

У Беларусі неабходна скарэціраваць праграму адраджэння і развіцця вёскі для навелічэння вытворчасці зерня кукурузы, – заявіў Аляксандр Лукашэнка (Афіцыйна. У Беларусі неабходна адыходзіць ад датацыйнай сельгасвытворчасці // Звязда. № 151 (26016), 11.08.2007 (www.zvyazda.minsk.by)).

Сярод калек з рускай мовы пераважаюць словаўтваральныя (*адсачыць*, *ухіліць* і інш.).

Адсутнасць у тлумачальных слоўніках беларускай мовы дзеяслова *ўзаемазамяняць* можа тлумачыцца толькі выпадковасцю альбо адсутнасцю прамых фіксацый у слоўнікавых картатэках, паколькі *ўзаемазамяняльнасць*, калька *взаимозаменяемость*, тымі ж слоўнікамі фіксуецца.

Новы дзеяслоў *скалыўнуць* (пар. рус. *всколыхнуть*) – утварэнне ад таго ж кораня, што і ў наяўнага ў слоўніках *калывацца* 'хістацца, ківацца, пакалыхвацца'. А *абцяжваць* – калька рус. *обременять*, паралельная з літаратурным *абцяжарваць*. Такім чынам, назіранні за наватворамі, незафіксаванымі ў нарматыўных слоўніках, паказваюць новую і вельмі цікавую з'яву – паралельнае калькаванне, г.зн. адначасовае існаванне дзвюх розных калек аднаго рускага слова, адна з якіх – літаратурна замацаваны варыянт.

Сярод наватвораў ёсць шэраг лексем, пра якія немагчыма дакладна сказаць, ці гэта семантычныя калькі з рускай мовы, ці агульнае з рускай мовай развіццё пераноснага значэння. Да такіх выпадкаў трэба аднесці

лексема *паймець*, а таксама лексема *прафукаць* (пар. рус. *профукать*) ‘прагуляць, пратраціць, прамарнаваць’. У беларускіх слоўніках зафіксавана *фукаць*, але толькі ў значэнні ‘дзьмуць’. Рус. *профукать* ‘прамарнаваць’ фіксуецца слоўнікамі [6], а бел. *прафукаць* – не, але сам дзеяслоў сустракаецца ў корпусах і электронных бібліятэках абедзвюх моў:

В те годы, когда мы еще не успели профукать Советский Союз, но по улицам российских городов ходить стало уже опасно, случилась в Нижнем Новгороде, тогда еще носившим псевдонимом зачинателя социалистического реализма, примечательная история... (Народный борец с преступностью // Криминальная хроника, 2003.06.10 (www.ruscogroa.ru)).

Але дзе ягоны куток? Кутка ў бамжа даўно не было, а можа, не было й ніколі. Ён свой куток прафукаў, праніў, той растаяў у прывідным алкагольным тумане (В. Быкаў. «Ваўчыная яма» (www.knihi.com)).

Аналагічным чынам немагчыма вызначыць дакладны шлях развіцця значэння: што гэта – агульная з рускай мовай семантычная дэрывацыя ці семантычнае калькаванне – бел. *прыляпаць, прыляпваць; прышлэпаць, прышлэпнуць* ‘так-сяк прымацаваць’. Іх першаснае значэнне звязана з семантыкай зыходных дзеясловаў *ляпаць* і *шлэпаць*, а пераноснае ёсць і ў адпаведных рускіх слоў.

Безумоўна ўласным семантычным развіццём утварылася тое ж значэнне ‘прымацаваць’ у бел. *прыштукаваць – прыштукоўваць*: у рускай мове няма ні такога дзеяслова, ні аналагічнага семантычнага развіцця іншага дзеяслова.

Такім чынам, сучасныя ўмовы функцыянавання мовы абумоўліваюць не толькі даследаванне ўзораў маўлення ў асобных храналагічных ці прасторавых абставінах, але і сістэматызацыю маўленчай практыкі [9, с. 5]. Суіснаванне беларускай і рускай моў у Беларусі – шматмерны фактар сацыякультурнай сферы, які істотна ўскладняе развіццё беларускай мовы: «Блізкароднаснае моўнае асяроддзе фактычна з’яўляецца істотнай перашкодай на шляху сцвярджэння моўнай самастойнасці, абцяжарвае фарміраванне літаратурных норм і ўмацаванне нацыянальнай самабытнасці, тармазіць працэс пашырэння мовы ў афіцыйнай сферы камунікацыі» [10, с. 272]. Але руская мова часта служыць «узорам» для стварэння аналагічных лексічных адзінак у беларускай мове і мастом для запазычання інтэрнацыяналізмаў. Запазычанне – аб’ектыўны фактар развіцця любой жывой мовы. Працэс запазычання рускамоўна-маркіраванай дзеяслоўнай лексікі ў беларускую мову – дастаткова ўплывова, але разгорнуты аналіз дазваляе прыйсці да высновы, што руска-беларуская міжмоўная інтэрферэнцыя не змяняе ўласную ідэнтычнасць беларускай мовы, з’яўляючыся адным з атрыбутаў яе развіцця.

ЛІТАРАТУРА

1. Баркович, А. А. Компьютерно-опосредованная коммуникация: феноменологический аспект / А. А. Баркович // Вестн. Удмурт. ун-та. – Сер. История и филология. – 2015. – № 3 (25). – С. 97–101.

2. Баркович, А. А. Методологический аспект изучения компьютерно-опосредованного дискурса / А. А. Баркович // Вестн. Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова. – 2015. – Вып. 30. – С. 38–48.
3. Баркович, А. А. Модель развития языковых новаций в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации / А. А. Баркович // Вестн. Тихоокеан. гос. ун-та. – 2015. – № 4 (39). – С. 38–43.
4. Баханькоў, А. А. Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд / А. А. Баханькоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 231 с.
5. Барковіч, А. А. Лексічны патэнцыял беларускай мовы ў святле корпуснай лінгвістыкі / А. А. Барковіч. – Мінск : Рэсп. ін-т выш. шк., 2012. – 158 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – 3-е изд. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – Т. 4.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агульн. рэд. К. Крапівы. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984.
8. Крысин, Л. П. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А–И / Л. П. Крысин. – М. : Яз. слав. культур, 2014. – 777 с.
9. Баркович, А. А. Корпусная лингвистика: специфика современных метаописаний языка / А. А. Баркович // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 406. – С. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/406/1.
10. Лукашанец, А. А. Славянскія мовы ў сучасным еўрапейскім кантэксте: праблемы развіцця і функцыянавання / А. А. Лукашанец // Теоретична і дидактична філологія : зб. наук. праць. – Переяслав Хмельницький; Корсунь-Шевченківський : Вид. «КСВ». – 2015. – Вип. 20. – С. 265–275.

The co-existence of the Belarusian and Russian languages in Belarus is a multidimensional factor in the sociocultural sphere, which significantly complicates the development of the Belarusian language. In this situation, the language resources of the Russian language, which is closely related to Belarusian, are naturally involved in *renovation of Belarusian verbal lexicon* – very significant substance in the system aspect of the language. The process of borrowing of *Russian-marked verb vocabulary* into the Belarusian language is quite influential, but a detailed analysis testifies, that *Russian-Belarusian cross-lingual interference* does not change the identity of the Belarusian language, being one of the attributes of its development.

О. О. Графутко

ЭМОТИВНЫЕ СИТУАЦИИ СТРАХА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Настоящая статья рассматривает понятие эмотивной ситуации в художественном дискурсе и анализирует лексические единицы, репрезентирующие эмоцию страха в эмотивных микротекстах. Выявляются сходства и различия в составе эмотивных лексем на двух языках, а также особенности их функционирования.

Способность испытывать широкий спектр эмоций является неотъемлемой характеристикой человека как биологического вида, а неспособность индивида их переживать, идентифицировать или выражать словесно (алекситимия) считается отклонением [1], ведь «эмоции служат организующим и мотивирующим фактором поведения человека, его личностного развития и отношений с окружающим миром» [2, с. 17]. Неудивительно, что интерес к исследованию этого сложнейшего феномена человеческой психики возник еще у древних, и сегодня эмоциям уделяется большое внимание со стороны самых разных дисциплин – от философии и психологии до биохимии, кибернетики и лингвистики [3; 4; 5].

Многообразие эмоций приводит к необходимости группировать их по классам. Одной из наиболее распространенных классификаций является деление всех эмоций на простые (базовые, фундаментальные) и сложные (вторичные, интегративные, составные) [6; 7; 8; 9]. Число базовых эмоций в списках авторов разнится, однако, как правило, в любом из них присутствуют такие эмоции, как гнев/злость, радость/счастье, грусть и страх [9]. Исследователи отмечают, что страх является эволюционно одной из самых важных эмоций, т.к. он служит значимым инструментом выживания и адаптации [10; 11]: человек испытывает страх, когда его спокойствию или безопасности нечто угрожает [2], и потому в целях самосохранения стремится избежать подобных ситуаций.

Целью данной статьи является выявление лексических средств передачи эмоции страха в соответствующих эмотивных ситуациях и особенностей их функционирования в художественном дискурсе на английском и белорусском языках в сопоставительном аспекте.

Под эмотивными ситуациями понимаются типовые жизненные ситуации (реальные или отражаемые в художественном дискурсе), в которых коммуниканты испытывают определенные эмоции [12]. По мнению О. Е. Филимоновой, эмотивные ситуации находят свое текстовое воплощение в эмотивных микротекстах и вкраплениях. Эмотивными микротекстами признаются «фрагменты текста (блоки, сферхфразовые единства), вычлняемые на тематической основе и отражающие какое-либо эмоциональное состояние или состояния субъекта» [12, с. 11].

Из современных произведений в жанре романа («Purity» Дж. Франзен, «The New Republic» Л. Шрайвер, «Марыянеткі і лялькаводы» М. Южык, «Перакулены час» М. Южык, «Цень анёла» М. Клімковіч, У. Сцяпан) было отобрано 32 микротекста на английском языке и 50 – на белорусском, в которых представлена эмотивная ситуация страха.

Первым важным выводом, который позволил сделать анализ микротекстов, является необходимое присутствие в них лексем, *называющих* эмоцию страха, – они встретились в 100 % англоязычных микротекстов и 98 % – белорусскоязычных, при этом 59,4 % микротекстов на английском языке и 56 % – на белорусском включали один или более *терминов эмоции страха* (существительные, называющие определенную эмоцию). 40,6 %

англоязычных микротекстов и 42 % белорусскоязычных не содержали терминов эмоций, но включали *средства косвенного называния* (прочие части речи, называющие эмоциональные переживания и, как правило, однокоренные с терминами эмоций).

Распространенность данного семантического класса эмотивных единиц объясняется тем, что при написании художественного произведения одной из установок автора является максимально полное и однозначное декодирование текста будущим читателем, что предполагает насыщенность эмотивных микротекстов лексемами, которые называют и описывают, а также выражают чувство или эмоции, реализующиеся в некоторой ситуации. Рассмотрим примеры:

Although Edgar himself contrived to appear tough, assured, and jejune, he found Jasmine's tentative, hair-messing underconfidence refreshing. <...> He ushered her hugger-mugger into his office, where he'd tacked up a white sheet that partitioned the cubicle in half. Apologizing, Edgar patted her down gingerly for a microcassette — nice build. She was shaking.

“Excited?” asked Edgar.

“Nervous,” Jasmine corrected. “These people ...”.

<...> As its puppeteer, of course Edgar couldn't take the SOB seriously. <...> Jasmine, by contrast, thought a killer was scary. That was astute.

“<...> Don't worry, I won't be far away.” Quite.

<...> The instant he switched on the light to cast his bulbous profile on the sheet in silhouette, Edgar felt like a heel. Jasmine was a nice kid, frightened out of her wits, and she thought this was real

‘Хотя Эдгар планировал казаться жестким, уверенным в себе и сухим, робкая неуверенность Жасмин показалась ему освежающей. <...> Он тайком проводил ее в свой кабинет, где заранее повесил белую простыню, разделившую помещение пополам. Извинившись, Эдгар опасно обыскал ее на наличие диктофона – хорошая фигурка. Она дрожала.

– Не терпится? – спросил Эдгар.

– **Страшно**, – поправила Жасмин. – Эти люди...

<...> Будучи кукловодом SOB (террористическая группа в романе. – О. Г.), Эдгар, конечно, не мог воспринимать организацию всерьез. <...> Жасмин же убийца пугал. Это было мудро.

– <...> **Не бойся**, я буду близко. – Очень.

<...> Стоило Эдгару включить свет, обрисовавший на простыне очертание его носатого профиля, как он почувствовал себя мерзавцем. Жасмин была милой девушкой, напуганной до смерти, и принимала происходящее за чистую монету’ (Перевод наш. – О. Г.) [13, р. 272–273].

Эмотивная ситуация страха создается автором при помощи средств косвенного называния *nervous* ‘испуганный’, *scary* ‘пугающий’, *(don't) worry* ‘(не) бояться’, *frightened out of her wits* ‘напуганный до смерти’, а также единиц, описывающих переживание исследуемой эмоции: *tentative* ‘робкий’ – ‘if someone is tentative, they are cautious and not very confident

because they are uncertain or **afraid**' [14], *to shake* 'дрожать'. Примечательно, что указанный глагол по своему значению является полиэмоциональным, т.е. может репрезентировать разные эмоции – '(of a person, part of the body, or the voice) tremble uncontrollably **from a strong emotion**' [15], и именно благодаря другим лексемам, называющим эмоцию страха, значение этого глагола конкретизируется в контексте. Отметим, что страх лексически репрезентирован не только в словах автора, но также в речи персонажей: героиня признается, что нервничает перед встречей с террористом, а собеседник просит ее не бояться.

Эмотивные ситуации в белорусскоязычном художественном дискурсе реализуются в микротекстах аналогичным образом:

– *Сволач! – гаркнуў рэжысёр і ў запале змахнуў са стала нейкую паперыну.*

Але тут жа перапужаўся магчымага прыліву крыві ў галаву і... пачаў лічыць пульс на шыйнай артэрыі. <...> Ён быў дужа ўстрывожаны тым, што пры замеры пульсу адзначыў не толькі пачашчэнне, але і перабоі ва ўдарах сэрца. <...> А тут Зарэмба са сваім паганым шакаладам... <...> Раптам яна нагнулася і высунула ніжнюю шуфляду рэжысёравага стала. Бабаеўскі абамлеў, бо ў верхнюю ён толькі што паклаў лекі, пра існаванне якіх ведаць яго палюбоўніцы было зусім неабавязкова. У Аркадзя Рыгоравіча заняло мову, і ён здранцвела ўтаропіўся на Таццяну, што па-свойску корпалася ў гэтай аб'ёмістай скрыні. Добра што ён замкнуў верхнюю шуфляду! Але тут жа варухнулася ў галаве трывожнае: ці замкнуў, ці дакладна ў верхнюю шуфляду паклаў ён тыя ганебныя таблеткі? І адчуў дырэктар найвядомейшага тэатра сталіцы, як па яго спіне прабег халадок... <...>

– Э, ды ты што, Танюсік! – <...> Ён збянтэжана пазіраў на стройны стан Таццяны, што нахілілася і арудавала ў напаяўпустой шуфлядзе.

*Беспаспяхова скончыўшы там пошукі, яна тарганула ручку верхняй скрыні стала. Бабаеўскаму падалося, што сэрца яго спынілася ад **страху**. <...> Але шуфляда не падалася, бо ўсё-ткі была абачліва замкнута. <...>*

– Я табе не шакаладная фабрыка, а, між іншым, дырэктар гэтага тэатра. І наогул, прызначаны мной перапынак скончаны... Так што давай, – ён **нервова** махнуў рукою ў бок дзвярэй, – на рэпетыцыю [16, с. 14–16].

Данный микротекст содержит описание эмоции *страх*, средства косвенного ее называния *перапужаўся, устрывожаны, трывожнае, збянтэжана, нервова*, а также средства описания эмоции страха: *абамлеў, заняло мову, здранцвела, па спіне прабег халадок*.

Для микротекстов на обоих языках характерно преобладание эмотивной лексики в речи автора. Вербализация эмоции страха в речи персонажей отмечена лишь в 37,5 % ситуаций в англоязычном художественном дискурсе и 34 % – в белорусскоязычном. Это объясняется общим преобладанием речи автора в выбранных для анализа романах, а также тем фактом, что эмоции широко проявляются через невербальные средства, лексическая реализация

которых более частотна в авторской речи. Интересно также отметить, что в белорусскоязычных микротекстах эмотивные лексемы, репрезентирующие страх, были отмечены как в прямой, так и в несобственно-прямой речи, а в англоязычных – только в прямой.

Анализ позволил выявить, что в англоязычных микротекстах, вошедших в выборку, не представлены лексемы, *выражающие* данную эмоцию, а в белорусскоязычных – они отличаются низкой частотностью – подобные единицы отмечены лишь в 10 % всех ситуаций (междометие *о, Боже!*, иноязычное вкрапление *Mein Got* ‘Боже мой’, *жах, ой*).

Кроме того, отмечено, что для больших по объему эмотивных микротекстов на английском языке характерно многократное повторение номинанта преобладающей в ситуации эмоции. Например, в одном из микротекстов обращает на себя внимание рекуррентная единица *anxiety* ‘тревога’: *to make his life a hell of anxiety and hypercaution, they'd left him alone* ‘чтобы заставить бояться собственной тени, они оставили его наедине с собой’¹; *his anxiety returned* ‘тревога вернулась’²; *it was precisely the prospect of regime collapse that made him anxious. Part of the anxiety was straightforward criminal worry* ‘как раз перспектива падения режима его и тревожила. Отчасти это был незамысловатый страх преступника’³; *but there was also a larger and more diffuse anxiety* ‘Но была и другая, более обширная и расплывчатая тревога’⁴; *the vicar left him alone with his anxiety* ‘викарий ушел, и он остался наедине со своей тревогой (Перевод наш. – О. Г.)’ [17, р. 132–135]. Подобная повторяемость одного и того же термина эмоции страха на протяжении всего текстового отрезка отмечена и в других микротекстах на английском языке, хотя в них встречается и синонимичная замена эмотивных единиц, но она менее распространена, чем в белорусскоязычной выборке. Например, в одном из микротекстов на белорусском языке обнаруживаем следующие синонимы: *адно мыкнуў Генадзь, бо ад страху заняло голас; апраўдваўся працяты жахам бізнесовец; дзяўчына ... з нямым спалохам глядзела на гэтую сцэну; не зважаючы на нежартоўны страх смерці* [16, с. 176–178].

В этом отношении примечательно, что в эмотивных микротекстах, репрезентирующих страх, в дискурсе на обоих языках очень часто происходит нивелировка различий в интенсивности лексем, называющих рассматриваемую эмоцию. Например, единицы *worry* ‘беспокойство’, *anxiety* ‘тревога’, *fear* ‘страх’, *panic* ‘паника’, *dread* ‘ужас’; *трывога, страх, спалох, жах* могут использоваться автором в качестве полных синонимов.

Таким образом, анализ микротекстов, репрезентирующих эмотивную ситуацию страха, позволил выявить некоторые сходства и различия

---

¹ Перевод по изданию: *Франзен, Дж. Безгрешность* : роман / Дж. Франзен; пер. Л. Ю. Мотылев, Л. Б. Сумм. – М. : АСТ ; CORPUS, 2016. – 736 с. – С. 195.

² Там же. С. 197.

³ Там же.

⁴ Там же.

лексического представления данной эмоции в художественном дискурсе на английском и белорусском языках. Большинство микротекстов на обоих языках характеризуется многократной актуализацией рассматриваемой эмоции различными средствами – лексемами, которые прямо или косвенно называют страх, описывают и выражают его, причем, как правило, средства названия являются обязательным компонентом. В художественном дискурсе на обоих языках преобладает вербализация эмоции страха в авторской речи. В англоязычных микротекстах не выявлено лексем, *выражающих* анализируемую эмоцию, а в белорусскоязычных они отличаются низкой встречаемостью. Кроме того, обнаружено, что для произведений на английском языке характерно многократное повторение одного и того же термина эмоции в рамках определенного эмотивного микротекста, не присущее текстовым отрезкам на белорусском языке. Вместе с тем в художественном дискурсе на обоих языках отмечена нивелировка различий в интенсивности номинантов эмоции страха.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lindquist, K. A. Emotional Complexity* / K. A. Lindquist, L. Feldman Barrett // *Handbook of emotions* / ed. by M. Lewis, J. M. Haviland-Jones, L. Feldman Barrett. – 3rd ed. – N. Y. : Guilford Press, 2008. – P. 513–530.
2. *Изард, К. Э. Психология эмоций* / К. Э. Изард. – Санкт-Петербург : Питер ; Лидер, 2011. – 460 с.
3. *Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке* / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
4. *Wierzbicka, A. Emotions across languages and cultures: Diversity and universals* / A. Wierzbicka. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. – 349 p.
5. *Шаховский, В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология* / В. И. Шаховский. – М. : URSS : Либроком, 2010. – 124 с.
6. *Додонов, Б. И. Эмоция как ценность* / Б. И. Додонов. – М. : Политиздат, 1978. – 272 с.
7. *Damasio, A. The Feeling of what Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness* / A. Damasio. – N. Y. : Harcourt Brace, 1999. – 386 p.
8. *Johnson-Laird, P. N. Emotions, Music, and Literature* / P. N. Johnson-Laird, K. Oatley // *Handbook of emotions* / ed. by M. Lewis, J. M. Haviland-Jones, L. Feldman Barrett. – 3rd ed. – N. Y. : Guilford Press, 2008. – P. 102–113.
9. *Ortony, A. What's Basic about Basic Emotions?* [Electronic resource] / A. Ortony, T. Turner. – Mode of access : http://www.cs.northwestern.edu/~ortony/Andrew_Ortony_files/1990%20-%20Basic%20emotions.pdf. – Date of access : 30.08.17.
10. *The ecology of human fear: survival optimization and the nervous system* [Electronic resource] / D. Mobbs [et al.]. – Mode of access : <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4364301/>. – Date of access : 03.09.17.

11. *Steimer, Th.* The biology of fear- and anxiety-related behaviors [Electronic resource] / Th. Steimer. – Mode of access : <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3181681/>. – Date of access : 05.09.17.
12. *Филимонова, О. Е.* Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / О. Е. Филимонова. – СПб., 2001. – 382 л.
13. *Shriver, L.* The New Republic : A Novel / L. Shriver. – N. Y. : Harper Perennial, 2012. – 359 p.
14. Collins English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. – Date of access : 03.10.2018.
15. Oxford English Living Dictionaries [Electronic resource]. – Mode of access : <https://en.oxforddictionaries.com>. – Date of access : 03.10.2018.
16. *Южык, М.* Марыянеткі і лялькаводы [Электронны рэсурс] / М. Южык. – Рэжым доступу : http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=16458. – Дата доступу : 07.04.2017.
17. *Franzen, J.* Purity : A Novel / J. Franzen. – N. Y. : Farrar; Straus and Giroux, 2015. – 492 p.

The article focuses on lexical means in emotive microtexts which represent emotive situations of fear in fictional discourse. Patterns of their use as well as similarities and differences in the nature of the lexemes have been identified.

С. А. Могилевцев

ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются фразовые глаголы, функционирующие в англоязычных телевизионных сообщениях жанра «репортаж», приводится их классификация, исходя из идиоматичности либо неидиоматичности, определяются основные способы перевода данных глаголов на русский язык.

Установлено, что в англоязычных новостных репортажах (проанализировано 40 репортажей, идентифицировано 89 случаев употребления фразовых глаголов) преобладают фразовые глаголы неидиоматического характера (60 % случаев использования), которые переводятся на русский язык с помощью эквивалентного перевода с использованием приставочных глаголов, а также лексической трансформации.

Современные подходы к характеристике телевизионного новостного дискурса рассматривают его как дискурс информационных и аналитических программ, сложный «семиотический комплекс» вербальных, звуковых и визуальных средств, погруженных в «конкретное социальное пространство» [1, л. 3; 2, с. 4]. По мнению Т. Г. Добросклонской, новостной дискурс составляет основу телевизионного медиадискурса в целом [3, с. 20]. Важнейшей составляющей новостного теледискурса является телевизионная речь (поскольку телевизионный дискурс – это «телевизионная речь в ситуации

социального взаимодействия» [4, с. 166]) – сложное лингвистическое явление, характеризующееся совокупностью лексических, грамматических, синтаксических и стилистических особенностей.

Прежде чем перейти к характеристике фразовых глаголов, функционирующих в англоязычном телевизионном новостном дискурсе, следует рассмотреть данную группу лексических единиц в целом.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на существование в английском языке «фразеологических глаголов», был Логан Смит. По его мнению, подобные глаголы образуют «многочисленную группу идиомов» [5, с. 12–13].

Существует множество подходов к определению понятия «фразовый глагол» с точки зрения его структуры. Например, А. И. Смирницкий рассматривал фразовые глаголы как глагольно-адвербиальные одновершинные фразеологические единицы «с одним семантически однозначным элементом» [6, с. 214]. А. В. Кунин относит фразовые глаголы к особому рода сращениям, свойственным только английскому языку. Он называет их глагольными комплексами, оба компонента которых обладают «преобразованным немотивированным значением» [7, с. 308–309]. Данные глагольные комплексы «являются раздельнооформленными и не образованы по порождающей модели переменных словосочетаний» [7, с. 309].

Другие подходы характеризуют фразовые глаголы как составные глаголы [8; 9; 10], глаголы с постпозитивной приставкой [11], устойчивые глагольные сочетания с послеглагольным компонентом, восходящим к наречию или предлогу [12, л. 3], и т.д.

Много споров вызывает статус второго компонента фразового глагола, который рассматривается как частица, послелог либо постпозитив. Послелог, по мнению А. А. Керлина, «...это словообразовательный неизменяемый элемент, который стоит после глагола и образует с ним единое смысловое целое (составной глагол). Утратив свое реальное вещественное значение или сохранив его в ослабленном виде, послелог изменяет, уточняет, дополняет значение глагола к которому он относится» [10, с. 8]. Постпозитив, как полагает А. В. Кунин, это элемент, занимающий «промежуточное положение между словом и морфемой», он «не уточняет значение глагола, а превращает его совершенно в другой глагол» [7, с. 309].

Ю. В. Стоянков отмечает, что семантическая модель «глагол + постпозитив» начала формироваться в английском языке после XI в. и впоследствии стала «общепринятым средством выражения многообразия оттенков значений» глагола [13, с. 167]. В конце XIV в., когда франко-норманский язык начал терять свои позиции в Англии, начался процесс аналитизации словарного состава английского языка и значительный рост количества глагольно-наречных словосочетаний (то есть фразовых глаголов) в нем [14, л. 34]. С течением времени «тенденция к послеглагольному расположению приглагольных пространственных элементов и замене ими синтетических заимствований» получила широкое распространение в английском языке [Там же].

Достаточно много споров вызывает также семантическая классификация рассматриваемых лексических единиц. Дж. Поуви определяет фразовый глагол как семантическую и синтаксическую единицу, в состав которой входит «простой» глагол (состоящий из одного слова) с «наречной либо местоименной частицей». Наиболее существенными признаками фразового глагола, по его мнению, являются: вероятность замены такого глагола однословным глаголом, идиоматичность, возможность образования от него страдательного залога («пассивизация»), переходность-непереходность (наличие прямого дополнения), интонационное оформление (с помощью ударения выделяются все структурные элементы фразового глагола) [15, с. 5].

Приведенные выше характеристики фразового глагола имеют прикладное, дидактическое значение. Как подчеркивала еще в 1982 г. Г. И. Ахманова, «...большей частью изучение фразовых глаголов ограничивается возможностью полной их инвентаризации и объяснением в лексикографическом плане». Однако этого недостаточно, поскольку все же важным, по ее мнению, «представляется выяснение фактического, речевого, этического функционирования соответствующих единиц» [16, с. 13]. Как известно, фразовые глаголы делают речь изучающего английский язык более аутентичной, приближают ее к тому варианту языка, на котором разговаривают его носители.

Первым советским исследователем, предпринявшим попытку функциональной классификации фразовых глаголов, является И. Е. Аничков. Он разделяет данные глаголы на пять групп (разрядов). Осознавая несовершенство своей классификации, он подчеркивает, что «нет четких границ между разрядами, и поэтому принадлежность глагола к тому или иному разряду может меняться в зависимости от контекста, в котором он употреблен, и оттенка, которым наделяет его говорящий» [8, с. 230].

Т. А. Баханская предлагает взять за основу семантической классификации фразовых глаголов степень сохранения или изменения исходного значения составляющих их компонентов. В соответствии с данным критерием она выделяет шесть групп фразовых глаголов. Так, в первую группу входят глаголы, компоненты которых не подверглись семантическим преобразованиям (*fall down, fly off, come in, walk away*), шестую группу составляют глаголы, характеризующиеся максимальной степенью идиоматизации их составляющих (*to give in, to give up*) [17]. Однако эта классификация достаточно сложна для использования в дидактических целях.

Несомненный интерес представляет цитируемая в статье А. С. Самигуллиной классификация фразовых глаголов [18, с. 100], исходя из степени их идиоматичности:

а) глаголы с буквальным значением всех компонентов, например:

We passed through towns unaffected, the roads here are fine (Sky News, 04.10.2018)¹. – Мы *проезжали* через города, не пострадавшие от землетрясения, дороги там находятся в прекрасном состоянии.

---

¹ Здесь и далее перевод наш. – С. М.

“*Sky News*” has traveled to Donggalla, an area **cut off** by landslides (Sky News, 02.10.2018). – Журналисты канала «Sky News» смогли попасть в Донггаллу, район, *отрезанный* от внешнего мира из-за оползней;

б) глаголы, в которых основной глагол сохраняет свое прямое значение, а послелог придает сочетанию иное значение (*to step: to step in; to step away*), например:

That may mean car prices go up by about 10 per cent and some foods – by more than one third (Sky News, 25.09.2018). – Это означает, что цены на легковые автомобили *возрастут* на 10 процентов, а некоторые виды продовольствия *подорожают* на треть.

He went on to attack another 146 victims (Sky News, 12.11.2009). – Он *продолжал* совершать свои злодеяния – от его рук пострадало еще 146 человек;

в) глаголы, значение которых не выводится из значения составляющих их компонентов, например:

Cameras captured Mr Johnson taking in on the crowd (Sky News, 02.10.2018). – Камеры репортеров запечатлели Б. Джонсона, украдкой *расматривающего* сидящих в зале участников (конференции).

School pupils could be marked down if they make spelling or grammatical errors in their exams if a new government plan gets a go ahead (Sky News, 08.07.2010). – Если предлагаемые правительством планы будут реализованы, то отметки, выставляемые за школьные экзаменационные письменные работы, будут *занижаться* в случае обнаружения в них орфографических или грамматических и ошибок.

Как видно из приведенной выше классификации фразовых глаголов, она достаточно проста и может использоваться для дидактических целей, поскольку в процессе их изучения обучаемый должен руководствоваться определенным алгоритмом классификации таких глаголов с целью их осмысления, запоминания и дальнейшего использования в речи. Тем не менее и эта классификация не лишена недостатков, так как достаточно сложно выделить глаголы, относящиеся ко второй группе, поскольку послелог практически всегда придает иное значение основному глаголу, а значительное количество фразовых глаголов идиоматично. Поэтому далее мы будем классифицировать фразовые глаголы на две группы. К первой отнесем глаголы с буквальным значением всех компонентов (неидиоматичные глаголы), ко второй – глаголы, значение которых не выводится из значения составляющих их компонентов (идиоматичные глаголы). В данной классификации в основу положено также значение послелога. По мнению С. Ю. Богдановой, можно выделить тринадцать наиболее частотных послелогов, репрезентирующих все основные пространственные измерения (*up, down, ahead, forth, forward, back, in, out, on, off, about, (a)round, away*) [19].

Как уже отмечалось выше, значительное количество фразовых глаголов идиоматично, поэтому понимание их смысла осуществляется на основе контекста и с помощью словаря. Как отмечает Н. В. Авдевич, «степень идиоматичности» фразового глагола «в большей или меньшей мере проявляется в зависимости от контекста» [20, с. 209]. Приведем пример употребления идиоматичного фразового глагола *to get on for* ‘приблизиться, составлять какое-либо количество’¹:

But 10,000 satellite dishes then is getting on for almost 10 million today (Sky News, 16.02.2009). – Тем не менее *рост количества подписчиков* компании «BSkyB» *налицо* – десять тысяч спутниковых тарелок тогда и почти десять миллионов сегодня.

С целью выявления фразовых глаголов, функционирующих в новостном телевизионном англоязычном дискурсе, нами было проанализировано 40 новостных репортажей, вышедших в эфир на телеканалах *Sky News* и *BBC World News* в период с 2008 г. по 2018 год. Продолжительность звучания телевизионного репортажа составляет в среднем более двух с половиной минут, то есть общая продолжительность звучания проанализированного материала составила один час и сорок минут.

Выбор репортажа в качестве объекта анализа обусловлен тем, что он является основным жанром новостного телевидения, сочетает телевизионную речь, характерную для различных новостных жанров – подготовленную (неспонтанную) речь журналиста, озвучивающего репортаж, неподготовленную (спонтанную) речь интервьюируемых (экспертов, очевидцев либо участников события, должностного лица, эксперта или специалиста) и подготовленную речь этой же категории лиц.

Учитывая продолжительность звучания репортажа, его ключевую роль не только в выпусках новостей, но и в новостном телевидении в целом, можно утверждать о достаточной репрезентативности данного жанра в новостном телевизионном дискурсе и, следовательно, о валидности результатов анализа функционирования фразовых глаголов в указанном дискурсе.

Перейдем к анализу проведенного практического исследования.

В отобранных репортажах было выявлено 89 случаев употребления фразовых глаголов, количество идентифицированных фразовых глаголов составило 83. Далее фразовые глаголы были классифицированы на группы (всего 14 групп) в соответствии с входящим в их состав послелогом. Самую значительную группу составили глаголы с послелогом *up* (23 случая использования), далее следуют глаголы с послелогом *out*, *off* и *on* (табл. 1).

---

¹ Здесь и далее значение фразовых глаголов приведено по [21].

Частотность употребления послелогов
в проанализированных телевизионных репортажах

Послелог	Количество случаев употребления	Частотность употребления, %
up	23	25,5
out	13	14,4
on	9	10,0
off	9	10,0
down	7	7,7
through	6	7,7
in	6	6,6
back	4	4,4
away	3	3,3
for	3	3,3
forward	2	2,2
by	2	2,2
together	1	1,1
around	1	1,1

Наиболее часто (17 случаев употребления) послелог *up* в проанализированных примерах использовался для выражения завершенности процесса или действия (*to cover up, to catch up, to stock up, to wrap up, to end up, to draw up, to dry up, to dig up, to clear up, to break up, to check up, to stand up*; глагол *to catch up* был использован три раза, глагол *to end up* – два раза). То есть речь идет о неидиоматичных сочетаниях глаголов с послелогом *up*, например:

*A Green Peace representative for Hungary Balas Tomory says the big question is the dust when the toxic sludge **dries up*** (Sky News, 05.10.2010). – Представитель организации Гринпис в Венгрии Балаш Томори заявил, что когда токсичный шлам *высохнет*, это усугубит ситуацию.

*Most people have already **stocked up** for the next installment of the snow and ice show* (Sky News, 15.12.2010). – Ожидая вторую волну снегопадов, большинство жителей деревни уже *подготовились* к непогоде.

В остальных проанализированных случаях (6 случаев использования) послелог *up* вместе с предваряющим его глаголом образуют идиоматичное сочетание (*to turn up, to shape up, to look up, to put up sth, to stand up for* (последний глагол был использован дважды)), например:

*Labour say they would **stand up** for jobs when it comes to Brexit but their manifesto promised to end free movement of people* (Sky News, 25.06.2017). – Лейбористы обещают, что они в случае победы на парламентских выборах *будут отстаивать* сохранение рабочих мест в контексте Брексита, однако их предвыборный манифест обещает положить конец свободному въезду в страну желающим получить здесь работу.

– *You are **looking up** to that position?* (Sky News, 15.03.2018). – Вы пытаетесь получить это место?

Послелог *out* в проанализированных репортажах был использован 13 раз. Пять фразовых глаголов с данным послелогом можно отнести к группе идиоматичных сочетаний (*to find out, to ride out sth, to set out, to play out*), включая один фразовый глагол, характерный для разговорного стиля языка (*to shell out*). Семь глаголов с послелогом *out* образуют неидиоматичные сочетания (*to bring out, to leave out, to beam out, to miss out, to move out, to pick out, to sell out* (последний глагол был использован дважды)). Приведем примеры идиоматичных и свободных сочетаний глаголов с послелогом *out*.

*The broadcaster BSkyB is expected to prove that it is **riding out** the recession when it unveils its annual profits this morning* (Sky News, 05.02.2009). – Ожидается, что вещательная корпорация «BSkyB» докажет, что она *успешно преодолевает* последствия финансового кризиса 2007 года – сегодня утром будут обнародованы доходы корпорации за минувший год.

*She says she's **selling out** the things quicker than she can re supply* (Sky News, 14.12.2009). – По ее словам, товар *продается* быстрее, чем поступает новый (подготовленная речь журналиста).

Послелог *on* и *off* в анализируемых медиатекстах были употреблены 9 раз. Это как идиоматичные фразовые глаголы (*to descend on, to go on¹, to take on*), так и неидиоматичные сочетания (*to cling on to, to hold on to, to go on, to move on* (последний глагол использовался дважды)), например:

*Despite the freezing temperatures, thousands of people of course will **descend on** Edinburgh this evening for the annual Hogmanay celebrations* (Sky News, 31.12.2008). – Несмотря на похолодание, тысячи людей сегодня вечером *приедут* в Эдинбург для празднования Хогманая – Нового года в шотландском стиле.

*He tried to swith the light by the side of the bed. And it didn't **go on*** (Sky News, 02.04.2010). – Он попытался включить светильник рядом с кроватью, но он не *включился*.

Для послелого *off* характерно употребление с глаголом в его буквальном значении – *to kill off* (2 случая использования), *to drive off, to start off, to pay off, to cut off, to seal off, to write off*. Идиоматичный фразовый глагол с данным послелогом зафиксирован один раз – *to put (somebody) off*.

Случаи употребления с глаголами остальных, менее частотных послелогов (*down, through, in, back, away, for, forward, by, together, around*), в проанализированных репортажах приведены в табл. 2.

---

¹ Включиться (о свете) [21].

Фразовые глаголы с менее частотными послелогоми
в проанализированных репортажах

Послелог	Неидиоматичное значение фразового глагола	Идиоматичное значение фразового глагола
down	to come down (snow) to come down (prices)	to break down to step down to mark down to back down to clamp down
through	to read through to go through (a knife) to pass through to get through (2 случая) to cut through	–
in	–	to stay in to take in (on sbd) to kick in (2 случая) to pile in (2 случая)
back	to go back to put back to look back to bring back	–
away	to give away to peel away	to walk away
for	to pay for to look for (2 случая)	–
forward	–	to come forward to put forward
by	to pass (sbd) by	to go by
together	–	to come together
around	–	to shop around

Таким образом, из 89 случаев использования фразовых глаголов в телевизионных репортажах 32 случая (36 %) составляют идиоматичные фразовые глаголы и 57 случаев (64 %) – неидиоматичные глаголы.

Анализ также показал, что практически все выявленные фразовые глаголы используются в подготовленной телевизионной речи (подготовленная речь журналиста, озвучивающего репортаж, речь ведущего выпуска новостей, зачитывающего вводную часть репортажа), что свидетельствует о достаточной распространенности данных глаголов в речи (ее устном варианте), например:

– *Well, tomorrow's main speaker Teresa May will say tariffs would **kick in** immediately after Brexit in the event of No Deal* (Sky News, 02.10.2018). – Завтра

основной докладчик Т. Мэй сообщит о том, что в случае отсутствия соглашения по Брекситу таможенные пошлины будут *введены* сразу же после выхода страны из ЕС (подготовленная речь ведущего выпуска новостей).

– *We can't talk in the vacuum. We are actually need to see the text. If the government are **putting forward** the text, let us see the text* (Sky News, 02.10.2018). – Мы не можем разговаривать в вакууме. Мы должны хотя бы увидеть текст соглашения. Если правительство *предоставит* нам этот текст, давайте сначала ознакомимся с ним (спонтанная речь первого министра Северной Ирландии).

Рассмотрим далее основные способы перевода фразовых глаголов на русский язык. К ним относятся:

- а) эквивалентный перевод с помощью приставочного глагола;
- б) эквивалентный перевод без использования приставочного глагола;
- в) приблизительный перевод с использованием лексической трансформации (расширение);
- г) приблизительный перевод с использованием лексической трансформации (сужение).

Вышеназванные способы использовались для перевода на русский язык как идиоматичных фразовых глаголов, так и неидиоматичных.

Приведем несколько примеров.

– *I'm afraid, we are completely **sold out**... All the lorries can't get to us* (Sky News, 02.12.2010). – К сожалению, мы все *распродали*... Машины с товаром не могут добраться до нас.

– *Countries downstream from Hungary, including Serbia and Romania, **are drawing up** emergency plans in case of contamination* (Sky News, 04.10.2010). – Страны, находящиеся внизу по течению Дуная по отношению к Венгрии, – Сербия и Румыния – *разрабатывают* планы незамедлительной эвакуации местного населения в случае загрязнения реки.

При эквивалентном переводе неидиоматичного фразового глагола *to sell out* в первом предложении использован приставочный глагол *распродали*, во втором предложении неидиоматичный фразовый глагол *to draw up* переведен с помощью приставочного глагола *разрабатывают*.

Ниже приведен пример эквивалентного перевода идиоматичного фразового глагола (*to break down*) с использованием разговорного приставочного глагола *сломаться* (в значении ‘выйти из строя’):

*You're motivated to buy a washing machine either because you're doing some home renovations, you might be replacing one or it's actually **broken down*** (Sky News, 16.04.2015). – Вы вынуждены купить новую стиральную машину в случае, если проводите дома ремонт либо если она *сломалась*.

Прием эквивалентного перевода с употреблением приставочных глаголов был использован нами 41 раз (46 % случаев перевода).

Следующий прием – эквивалентный перевод без использования приставочного глагола применялся нами 27 раз (30 % случаев перевода), например:

Keep shelling out on white goods like these (Sky News, 27.08.2015). – Продолжайте и далее *тратить деньги на* бытовую технику (при эквивалентном переводе идиоматичного разговорного фразового глагола *to shell out* использован неприставочный глагол ‘тратить’).

Прием лексического расширения был использован 20 раз (22 % случаев перевода). Так, при переводе предложения *And it might end up being a two tier system where A-levels are GCSEs are retained for the more able students and the diploma becomes seen as the route for those who can't do A-levels* (Sky News, 22.04.2008), содержащего неидиоматичный фразовый глагол *to end up*, использован прием лексического расширения, а именно словосочетания ‘привести к созданию’. – Это все может *привести к* созданию двухуровневой системы, в которой экзамены за курс средней школы и экзамены уровня А (для поступления в университет) будут сдавать успевающие ученики, а сертификат будет выдаваться выпускникам, не способным сдать экзамены уровня А.

Прием лексического сужения был использован 1 раз (1 % случаев перевода). Например, при переводе предложения *And the horse just literally slipped on a bit of ice and ended up fracturing its pelvis* (Sky News, 15.12.2010), содержащего неидиоматичный фразовый глагол *to end up*, использован прием лексического сужения (опущения) указанного глагола. – И лошадь буквально поскользнулась на случайно попавший под ее копыто кусок льда и *сломала таз*.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы.

1. Существует множество подходов к семантической классификации фразовых глаголов, однако в дидактических целях фразовые глаголы следует классифицировать, исходя из идиоматичности либо неидиоматичности их значения. Данная достаточно прозрачная классификация позволяет использовать ее в дидактических целях.

2. Основным жанром англоязычного телевизионного новостного дискурса является репортаж, поэтому анализ функционирования фразовых глаголов в данном дискурсе был осуществлен в новостном репортаже.

3. Как показал проведенный анализ, фразовые глаголы широко распространены в англоязычном новостном дискурсе. В среднем в репортаже (продолжительность звучания которого составляет от 1,5 до 2 минут) было идентифицировано 1–2 фразовых глагола.

4. Среди идентифицированных фразовых глаголов преобладают глаголы с послелогом *up* (25,5 % случаев использования), который выражает завершенность процесса или действия либо используется для усиления действия, выраженного основным глаголом.

5. Среди идентифицированных 89 случаев использования фразовых глаголов в проанализированных репортажах 64 % (57 случаев использования) составляют неидиоматичные фразовые глаголы, 36 % (32 случая использования) составляют идиоматичные глаголы. Это свидетельствует о том, что

в телевизионном новостном дискурсе послелогои используются в основном для выражения пространственного направления движения, например, *to come down, to look through, to bring back, to give away*.

6. Основными способами перевода английских фразовых глаголов (идиоматичных и неидиоматичных) на русский язык являются эквивалентный перевод с использованием приставочных и неприставочных глаголов, а также лексическая трансформация (расширение).

7. Полученные результаты могут быть использованы в работе со звучащими медиатекстами в процессе изучения дисциплины «Язык средств массовой информации».

ЛИТЕРАТУРА

1. Фролов, М. Е. Телевизионный дискурс информационно-аналитических программ (на материале программ криминально-правовой тематики НТВ) : дис. ... канд. филол. наук (русский язык) : 10.01.10 / М. Е. Фролов. – Тверь, 2004. – 159 л.
2. Грибанов, И. С. Лингвопрагматический анализ телевизионного новостного дискурса в современном испанском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05/ И. С. Грибанов. – М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2014. – 21 с.
3. Добросклонская, Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа / Т. Г. Добросклонская // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом : II Междунар. науч. семинар, 5–7 окт. 2016 г., Белгород : сб. науч. работ. – Белгород : НИУ «БелГУ», 2016. – С. 13–22.
4. Ларина, Е. Г. Телевизионный дискурс и его жанровое разнообразие / Е. Г. Ларина // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. – Сер. 2, Языкознание. – 2006. – С. 166–168.
5. Смит П., Логан. Фразеология английского языка / Логан П. Смит. – М. : Учпедгиз, 1959. – 207 с.
6. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 268 с.
7. Кунин, А. В. Английская фразеология (теоретический курс) / А. В. Кунин. – М. : Высш. шк., 1970. – 344 с.
8. Аничков, И. Е. Адвербиальные послелогои в современном английском языке / И. Е. Аничков // Учен. зап. Пятигор. гос. пед. ин-та. – 1961. – Т. 24. – С. 221–252.
9. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1963. – 208 с.
10. Керлин, А. А. Составные глаголы в современном английском языке / А. А. Керлин, М. Д. Кузнец. – Л. : Учпедгиз. Ленингр. отд., 1956. – 126 с.
11. Жлуктенко, Ю. А. Постпозитивные глагольные приставки в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю. А. Жлуктенко. – Киев, 1953. – 24 с.

12. Кузнецова, А. С. Глаголы с адвербиальным послелогом *up* в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. С. Кузнецова. – Донецк, 1988. – 198 л.
13. Столянков, Ю. В. К вопросу о месте фразовых глаголов в системе лексических единиц современного английского языка / Ю. В. Столянков // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2007. – № 1. – С. 166–171.
14. Перцева, О. А. Структурно-семантические и функциональные особенности фразовых глаголов движения в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук (германские языки) : 10.02.04 / О. А. Перцева. – Белгород, 2014. – 173 л.
15. Поуви, Джейн. Английские фразовые глаголы и их употребление : учеб. пособие для ин-тов и ф-тов иностр. яз. / Джейн Поуви. – М. : Высш. шк., 1990. – 176 с.
16. Ахманова, Г. И. Фразовые глаголы в языке и речи / Г. И. Ахманова // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – 1982. – Вып. 6. – С. 13–18.
17. Баханская, Т. А. Развитие подсистем английских префиксальных глаголов и глагольно-наречных сочетаний типа *overcome – come over* : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. А. Баханская. – Нижний Новгород, 2001. – 183 л.
18. Самигуллинова, А. С. В многомерном пространстве фразовых глаголов / А. С. Самигуллинова // Вестн. Башкир. ун-та. – 2006. – № 4. – С. 99–100.
19. Богданова, С. Ю. Индексальные конструкции с глаголами речи в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. Ю. Богданова. – Иркутск, 1997. – 15 с.
20. Авдевич, Н. В. Переосмысление семантики фразовых глаголов как когнитивный процесс / Н. В. Авдевич // Вестник МГЛУ. – Вып. 20 (680). – 2013. – С. 209–210.
21. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://macmillandictionary.com>. – Дата доступа : 22.08.2018.

The paper deals with phrasal verbs that function in English television news discourse. Semantic classification of such verbs is analysed alongside with their representation in television news packages. The identified verbs are further classed into non-idiomatic and idiomatic groups. Phrasal verbs are widely used in television news discourse, and that fact reveals their common use in spoken English. The lexical units in question are translated into Russian by equivalent translation and lexical transformation.

М. В. Соколовская

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОДАЛЬНОСТИ ВОЗМОЖНОСТИ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

В статье рассматриваются особенности текстов культурно-исторической тематики. Представлены результаты сопоставительного исследования категории модальности возможности в текстах данной тематики на английском и белорусском языках. Определены средства репрезентации модальности возможности и их роль в выражении авторской оценки сообщения.

Культура и история представляют собой многомерные явления, которые в разной степени являются формами рефлексии и репрезентации широкого и разнородного комплекса норм, ценностей, идеалов человека, народа, всего человечества.

Корреляция феномена культуры и истории неизбежна. Историческая картина мира оказывает повсеместное влияние на культурную жизнедеятельность каждого человека. В свою очередь, исторические преобразования невозможны без учета процессов, происходящих в сфере культуры [1]. Исторические и культурные ценности создают необходимые условия для формирования социального, интеллектуального, духовного сознания и самосознания людей. Для успешной социализации каждый индивид нуждается в расширении собственного исторического и культурного опыта и кругозора.

Культурно-историческая действительность является «языковой реальностью» для познающего субъекта, так как формируется через язык и языковое поведение индивида [2]. Следовательно, язык определяет культурно-историческое мышление, являясь его необходимым смыслообразующим фактором.

Исследование текстов культурно-исторической тематики позволяет понять не только их лингвистические особенности, но и исследовать специфические особенности отражения национальных черт и ментальности народа в языке.

Тексты культурно-исторической тематики имеют целью познакомить читателя с некими культурно-историческими реалиями. Такие тексты не ориентируются на специальное знание читателя и могут носить информативный, описательный, аналитический характер. Автор строит предположения о причинах и значимости тех или иных событий, описывает возможные действия и мотивации исторических персонажей, анализируя и оценивая их зачастую с позиций сегодняшнего дня. Соответственно, тексты культурно-исторической тематики имеют специфичную манеру изложения, что отражается в использовании лексики. В частности, в текстах на английском и белорусском языках широко используются языковые средства репрезентации категории модальности.

Категория модальности привлекает пристальное внимание лингвистов в связи с тем фактом, что для сегодняшнего общества характерны антропоцентризм и гуманизм, а данная категория напрямую связана с выражением различных отношений говорящего/пишущего к действительности и к сообщаемому.

Модальность является важным лингвистическим средством для реализации межперсональной функции и выражения социальных ролей говорящего/пишущего и слушающего/читающего [3]. Антропоцентрический аспект категории модальности заключается в том, что в центре поля модальности находится субъект речи, носитель языка, поэтому мы разделяем точку зрения тех лингвистов, которые относят все типы модальности к субъективной [4; 5].

Цель настоящей статьи – выявить языковые средства репрезентации модальности возможности в текстах культурно-исторической тематики на английском и белорусском языках и установить их сходства и различия.

Материалом исследования послужили медийные тексты различных жанров (эссе, интервью, отчет, обзор, аналитическая статья), взятые из следующих источников: «The Observer», «The Guardian», «Daily Express» (на английском языке); «Звезда», «Літаратура і Мастацтва», «Культура» (на белорусском языке).

Проведенный анализ показал, что в текстах культурно-исторической тематики преобладают два типа модальности как субъективной категории – модальность возможности и модальность необходимости. Автор не только информирует читателя, но и стремится воздействовать на него, сформировать у читателя определенное отношение к описываемому явлению и побудить его к действию. Однако количество употреблений средств выражения возможности преобладает в обоих языках (рис. 1).

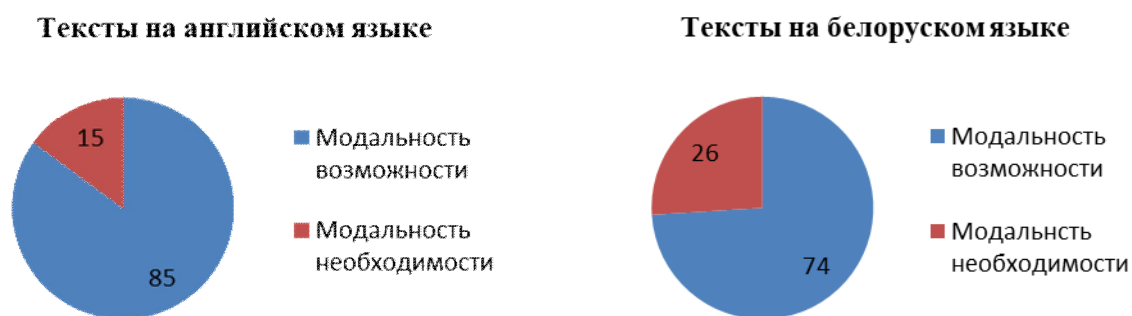

Рис. 1. Диаграммы использования языковых средств категорий модальности возможности и модальности необходимости

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что тексты культурно-исторической тематики отличаются некатегоричностью суждений, ориентируются на описание проблемы, формирование выводов (что соответствует модальности возможности), а не на постановку целей и задач (что соответствует модальности необходимости).

Анализ текстов культурно-исторической тематики на двух языках позволил выявить набор сходств и различий в языковой репрезентации модальности возможности. В ходе исследования установлен основной способ передачи данного типа модальности, которым, как в английском языке, так и в белорусском, является использование модальных глаголов.

В английском языке основными модальными глаголами, выражающими возможность, оказались *can*, *may*, *might*. Например:

His recent work has been truly exceptional, extending the possibilities of what sculpture can be (G, 15.11.2018) ‘Его недавняя работа была поистине исключительной, расширяющей возможности того, чем может являться скульптура’;

*But we **may** have got Henry VIII wrong all these years, according to a leading historian...* (O, 21.10.2018) ‘Но, возможно, в течение этих лет у нас было неправильное мнение о Генрихе VIII, по словам ведущего историка...’;

*Infrequent visitors to the Opera House **might** be hard pressed to tell exactly what has changed and why the process has been quite so difficult* (G, 11.09.2018) ‘Нечастым посетителям Оперного театра может быть трудно определить, что изменилось и почему процесс был настолько сложным.’

Модальные глаголы *may* и *might* часто характеризуются как синонимы и взаимозаменяемые глаголы. Однако когда использование модального глагола определяется отношением говорящего к содержанию сообщения, следует говорить о независимом употреблении глаголов *may* и *might*. Модальный глагол *might* выражает меньшую степень возможности осуществления каких-либо действий, принадлежности к тем или иным классам предметов, наличия тех или иных свойств и т.д. Например, в предложении *The amphitheatre **might** be a reference to the round table* (DE, 31.08.2018) ‘Амфитеатр может быть отсылкой на круглый стол’ автор, используя модальный глагол *might*, выражает низкую степень уверенности автора в истинности своего утверждения.

Модальные глаголы являются доминирующим средством актуализации модальности возможности в текстах культурно-исторической тематики на английском языке. Их употребительность составила 77 % от всех возможных средств выражения данного типа модальности. Среди проанализированных модальных глаголов наиболее употребительным оказался модальный глагол *can* (рис. 2).

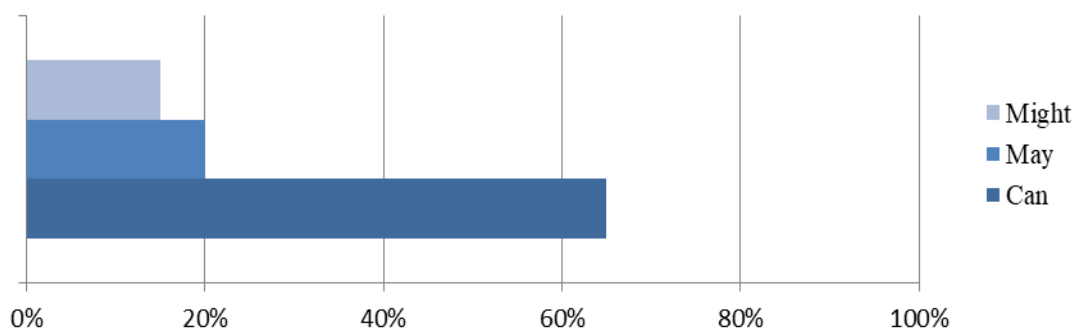

Рис. 2. Частотность употребления английских модальных глаголов со значением возможности

Высокая частотность глагола *can* обусловлена тем, что данный модальный глагол имеет «мультимодальную семантическую структуру, выражая значения указания на внутренние и внешние возможности субъекта пропозиции, субъективные суждения продуцента речи о возможности совершения определенных действий, а также речеактовую реализацию отношений куммуникантов, приводящую к возможным изменениям в будущем» [4, с. 9].

Наряду с модальными глаголами, модальность возможности в анализируемых нами текстах передается с помощью модальных слов, выполняющих вводную функцию. Ими оказались модальные слова *perhaps* ‘возможно’, *possibly* ‘возможно’, *maybe* ‘может быть’ (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Использование вводных слов при передаче модальности возможности на английском языке

Вводное слово	Количество употреблений от общего числа всех единиц возможности, %	Пример употребления в контексте
perhaps	11	<i>Perhaps the most remarkable story about the church was its survival during the Blitz</i> (G, 08.11.2018) ‘Возможно, самой замечательной историей о церкви было ее выживание во время blitzкрига’.
maybe	8	<i>It suggests it had a second use, maybe as a headquarters of a king</i> (DE, 31.08.2018) ‘Это говорит о том, что оно использовалось во второй раз, возможно, в качестве штаб-квартиры короля’.
possibly	4	<i><...> you hit first London's West End, then Broadway, and possibly even Hollywood and the movies</i> (G, 15.05.2018) ‘<...> вы попадете в Вест-Энд в Лондоне, затем на Бродвей и, возможно, даже в Голливуд и его фильмы’.

Общая употребительность вводных слов в англоязычных текстах составила 23 %, что значительно уступает проценту использования модальных глаголов.

В проанализированных белорусскоязычных текстах употребительность вводных слов для репрезентации модальности возможности выше, чем в англоязычных. Наиболее употребительными оказались вводные единицы *напэўна, магчыма, можа, можа быць, хутчэй за усё, верагодна, на ўсёй верагоднасці*. Общий процент их использования составил 31 % от всех способов репрезентации возможности (табл. 2).

Использование вводных слов и конструкций при передаче
 модальности возможности на белорусском языке

Вводное слово / конструкция	Количество употреблений от общего числа всех единиц возможности, %	Пример употребления в контексте
магчыма	12	<i>Курган з'яўляецца вельмі незвычайным з-за знаходжання ў ім пахаванняў рознага часу – X стагоддзя і, магчыма, сярэдзіны XI стагоддзя.</i>
можа	5	<i>Можа, таму і цікавыя такія экспазіцыі, бо яны нагадваюць нам, як шмат чалавек можа зрабіць сваімі рукамі.</i>
можа быць	4	<i>Можа быць, пазней мы і пабачым нейкія сляды кузні, але пакуль іх не фіксуем.</i>
хутчэй за ўсё	4	<i>Хутчэй за ўсё, будавалася яна ўжо не для таго, каб пакласці цела, а для таго, каб прынесці туды з месца першапачатковага пахавання нейкія мошчы.</i>
верагодна	2	<i>У будучым частку экспанатаў, верагодна, можна будзе пабачыць у экспазіцыі Інстытута гісторыі.</i>
напэўна	2	<i>Дакументы на ўсе гэтыя аб'екты захоўваюцца ў нас і складаюць, напэўна, найбольш важную частку нацыянальнага архіўнага фонду, звязанага з архітэктурай.</i>
па ўсёй верагоднасці	2	<i>Гэтая лесвіца, па ўсёй верагоднасці, знаходзілася ўнутры памяшкання.</i>

В предложениях текстов культурно-исторической тематики на двух языках прослеживается предрасположенность к использованию авторами вводных конструкций, с помощью которых проявляется субъективный характер высказывания. Общая употребительность вводных слов в проанализированных англоязычных текстах составила 23 %, в белорусскоязычных – 31 %. С помощью вводных слов и словосочетаний автор выражает следующие оттенки модального значения возможности в текстах культурно-исторической тематики:

- сообщение предположения,
- выражение собственного мнения,
- состояние неуверенного знания,
- оценка достоверности информации,
- передача недостоверной информации, полученной от других лиц или путем умозаключения,
- окончательное суждение при нехватке достоверных данных,
- выражение надежды на будущую реализацию сообщаемого.

В текстах на белорусском языке, как и в англоязычных основным языковым средством выражения возможности является модальный глагол *магчы*. Следующим наиболее употребительным средством является модальное слово (предикатив) со значением возможности *можна*. Например:

Унікальнае палатно з 200 лапікавых фрагментаў цяпер можна ўбачыць кожны (ЗВ, 25.10.2018);

Тут можна ўбачыць жаночыя пярсцёнкі са сплаву свінца і бронзы, кераміку (ЗВ, 03.11.2018);

Арыентуючыся на знаходкі керамікі і караляў, пахаванне ў кургане можна датаваць X стагоддзем (ЗВ, 30.10.2018).

Употребительность модального глагола *магчы* в текстах на белорусском языке составляет 39 %, модального слова *можна* – 30 % от всех способов выражения модальности (рис. 3).

Рис. 3. Частотность употребления языковых средств выражения модальности возможности в текстах на белорусском языке, %

Таким образом, в текстах (как на английском, так и на белорусском языке) для репрезентации модальности возможности чаще всего употребляются модальные глаголы *can, may, might, магчы*. Большое количество модальных глаголов возможности в английском языке связано с более развитой системой модальных глаголов в английском языке и с более развитой детализацией модальных оттенков, передаваемых модальными глаголами. В то же время для белорусскоязычных текстов характерно более широкое употребление модальных слов и словосочетаний в вводной функции для более динамичной и яркой передачи авторского отношения к сообщаемому, так как использование модального глагола *магчы* не способно передать всех оттенков модальности возможности.

Проведенный анализ показал, что в текстах культурно-исторической тематики достаточно широко представлены языковые средства репрезентации категории модальности возможности, что можно объяснить некатегоричным характером исследуемых текстов, для которых характерно высказывание автором своих предположений, его оценочные и аналитические размышления, состояние неуверенности автора в достоверности сообщаемой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Межуев, В. М.* Культура и история / В. М. Межуев. – М. : Сов. Россия, 1977. – 212 с.
2. *Барт, Р.* Дискурс истории / Р. Барт // Система моды: статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – С. 438–440.
3. *Halliday, M. A. K.* Language, context and text : Aspects of language in a social-semiotic perspective / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – 2nd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1989. – P. 15–23.
4. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер. с фр. Ю. Н. Караулова [и др.] ; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – 4-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 446 с.
5. *Паўлоўская, Н. Ю.* Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове / Н. Ю. Паўлоўская. – Мінск, 2001. – 206 с.
6. *Мирискаева, К. Ш.* Концептуализация модальности в разносистемных языках (на материале глагола CAN и его вербализаторов в русском языке) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / К. Ш. Мирискаева ; Пятигор. гос. ун-т. – Пятигорск, 2018. – 30 с.

The article deals with the peculiarities of the texts devoted to the questions of culture and history. The results of the comparative study of modal units expressing possibility in the texts in the English and Belarusian languages are presented. The means of representation of the modality of possibility and their role in the expression of the author's assessment of the message are established.

М. А. Суркова

СЕМАНТЫЧНЫЯ СФЕРЫ КАЛЯРОНІМАЎ У АНГЛІЙСКОЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ

У дадзеным артыкуле падаюцца вынікі кампаратывнага даследавання семантычных сфер прыметнікаў-каляронімаў у англійскай і беларускай мовах у складзе калакацый, а таксама ідыяэтычных і нацыянальна-спецыфічных асаблівасцяў семантыкі слоў абранай групы ў гэтых мовах.

Колер з'яўляецца найбольш яркавай візуальнай якасцю, якая ўспрымаецца чалавекам і мае істотнае для яго значэнне. Яго адлюстраванне ў розных моўных сістэмах неаднаразова прыцягвала ўвагу лінгвістаў, філосафаў, псіхолагаў, кагнітолагаў. Актуальнасць гэтай праблемы звязана, на наш погляд, са спецыфікай колеру як феномена, звернутага рознымі сваімі аспектамі да пазамоўнай рэчаіснасці, да кагнітыўных структур камунікантаў, да сістэмы мовы. Невыпадкова таму семантыка колеру займае асобнае месца ў кагнітыўных даследаваннях моўнай карціны свету. Пры гэтым аб'ектам вывучэння становяцца перш за ўсё структурна-семантычныя асаблівасці

каляронамаў, іх этнакультурная спецыфіка, бо вядома, што яны акумуліруюць сацыяльна-гістарычную, інтэлектуальную, эмацыянальную інфармацыю канкрэтнага нацыянальнага характару [1].

Каляронімы ў любой мове зыходна з'яўляюцца стылістычна нейтральнымі. Аднак, як слухна заўважае В. Р. Кульпіна, «...ва ўспрыманні колеру нямала ацэначных момантаў, і аксіялагічнасць каляронама існуе ў этналінгвістычна адзначанай прасторы» [1, с. 9]. Дэфініцыі поля колеру базіруюцца на прататыпах моўнай карціны свету. Для А. Вяжбіцкай універсаліямі апісання колераў – на матэрыяле англійскай мовы – з'яўляюцца колеры-прататыпы прыродных аб'ектаў: дзень і ноч, полымя, сонца, расліны, неба і зямля [2, с. 126]. Т. В. Пастушэнка цікавіць каляронімы ў складзе фразеалагічных адзінак «у плане актуалізацыі сваіх семантычных магчымасцяў». Яна звяртае ўвагу на тое, што «на ўсіх этапах гісторыі мовы колер развівае псіхалагічныя асацыятыўныя сувязі і адзнакавае прырашчэнне сэнсу» [3, с. 124].

З усяго багацця тэрмінаў колеру вылучаюцца, як правіла, тыя, што абазначаюць асноўныя (базавыя) і неасноўныя колеры. Асноўныя колеры з'яўляюцца самай высокаўжывальнай часткай тэрмінаў колеру, гэта найбольш абстрактныя ўтварэнні, на сінхронным узроўні найменш матываваныя, якія выступаюць у адносінах да неасноўных колераў як гіперонімы.

Большасць даследчыкаў выдзяляюць 11–12 асноўных колераў, пры гэтым многія адначасова размяжоўваюць храматычныя (*чырвоны, жоўты, зялёны, сіні, фіялетава, блакітны, аранжавы, карычневы*) і ахраматычныя (*белы, шэры, чорны*) колеры (А. Вяжбіцка, В. Г. Кульпіна, А. Х. Мерзлякова, М. У. Разладава) [1; 2]. Мы, следам за большасцю даследчыкаў, згодныя з вылучэннем 11 колераў у беларускай мове і 10 у англійскай за кошт таго, што ў ёй няма падзелу на *блакітны* і *сіні* колеры. Але для дасягнення мэтаў дадзенага даследавання мы абралі толькі тыя каляронімы, якія валодаюць высокай ці сярэдняй ступенню полісеміі і адпавядаюць астатнім крытэрыям адбору, пададзеным у даследаванні. Гэта прыметнікі *чырвоны, жоўты, зялёны, блакітны/сіні, карычневы, шэры, белы, чорны; red, yellow, green, blue, brown, grey, white, black*.

Для дасягнення мэты вылучэння і супастаўлення семантычных сфер каляронамаў ставіліся наступныя задачы:

- 1) адбор матэрыялу са слоўнікаў англійскай і беларускай моў;
- 2) аналіз семантычных структур прыметнікаў у англійскай і беларускай мовах (на матэрыяле дадзеных тлумачальных і фразеалагічных слоўнікаў);
- 3) супастаўленне семантычных структур;
- 4) аналіз рэгулярнасці вытворных значэнняў каляронамаў у дзвюх мовах.

Галоўным для даследавання быў абраны *метад кампанентнага аналізу*, які базіруецца на тым, што ў семантычнай структуры моўных адзінак выдзяляюцца *лексіка-семантычныя варыянты* (ЛСВ), з дапамогай якіх гэтыя адзінкі адрозніваюцца паміж сабой.

З пашырэннем сістэмнага падыходу да мовы ў сучаснай семантыцы асобныя значэнні, ці «лексіка-фразеалагічныя формы», мнагазначнага слова

ўсё часцей называюцца «лексіка-семантычнымі варыянтамі». У дадзенай рабоце мы таксама будзем выкарыстоўваць гэты тэрмін, пад якім мы разумеем абазначэнне асобнага значэння, якое адлюстроўвае асобны «сегмент рэчаіснасці» [1, с. 18]. У сваю чаргу, тэрмін *семантычная сфера* разумюць як мноства рознаўзроўневых моўных сродкаў, аб'яднаных агульным значэннем [4].

Асноўнай умовай аб'ектыўнага супастаўлення мнагазначных слоў розных моў з'яўляецца аднолькавая дробнасць выдзялення ў абедзвюх мовах значэнняў. Між тым дакладна вядома, што колькасць значэнняў адных і тых жа слоў можа не супадаць нават у розных слоўніках адной мовы. Другой кантрастыўнай прыкметай для супастаўлення мнагазначных слоў з'яўляецца склад і іерархія ЛСВ. Нельга не ўлічваць таго, што лексемы, якія супастаўляюцца, могуць адрознівацца не толькі колькасцю ЛСВ, але і іх паслядоўнасцю [4, с. 255].

Аналіз слоўнікавых дэфініцый прыметнікаў у абедзвюх мовах паказаў, што ў лексікаграфічнай традыцыі няма адзінага падыходу да тлумачэння каляронімаў. Значэнні слоў апісваюцца 1) праз указанне на аб'ект, тыповы носьбіт прыкметы; 2) тлумачэнне назваў колераў падаецца праз іншыя колеры (*grey* 'of a color formed by mixing of black and white'); 3) паказваецца месца дадзенага колеру ў спектры (*жоўты* 'колера спектру, сярэдні паміж аранжавым і зялёным'); 4) у тлумачэнні прысутнічае некалькі з папярэдніх спосабаў і падаецца сінонім (*чырвоны* 'адзін з асноўных колераў спектру, колера крыві').

Найбольш відавочныя адрозненні ў семантыцы англійскіх і беларускіх каляронімаў можна назіраць у вылучаных намі падчас даследавання семантычных сферах, да якіх адносяцца асноўныя ЛСВ абраных прыметнікаў і значэнні фразеалагічных і ўстойлівых выразаў, што змяшчаюць у сабе каляронімы.

Даследаванне праводзілася па наступнай схеме (на прыкладзе прыметнікаў *чырвоны/red*) (табл. 1).

Табліца 1

Дэфініцыі прыметнікаў колеру *чырвоны/red*
у беларускамоўных і англамоўных слоўніках у параўнальным аспекце

<p>1. Of the color of fresh blood or fire</p> <ul style="list-style-type: none"> • (of the eyes) sore and having red veins; bloodshot • (of the face, skin) flushed with shame, anger; excitement; embarrassment • of coppery skin of American Indians. 	<p>1. Які мае афарбоўку аднаго з асноўных колераў спектра, колера крыві: <i>Шырокі чырвоны сцяг калыхаўся над закутым у браню паравозам</i> (Лынькоў); <i>На стале – чырвоныя памідоры</i> (Шамякін); пачырванелы ад прыліву крыві да скуры, вачэй: <i>Твар у салдата быў даўно няголены, вочы чырвоныя з бессані</i> (Чорны); <i>У хворай жанчыны былі чырвоныя заплаканыя вочы</i> (Шамякін).</p>
--	---

<p>2. Red-Soviet or Russian; revolutionary; communist; relating to the USSR: <i>The Red Army</i>.</p> <p>3. (Of hair or an animal's fur) of a reddish brown color, ginger or tawny: <i>a red fox</i></p>	<p>2. Звязаны з рэвалюцыйнай дзейнасцю; з савецкай дзяржавай; з сацыялістычным ладам: <i>Помніць вёска і Міцея, што прыязджаў з чырвонага Піцера ад самога таварыша Леніна</i> (Сачанка); <i>Байцом буду я чырвоным...</i> <i>Сцерагчы граніцы – межы Саветаў</i> (Купала).</p> <p>3. Нар.-паэт. Новы, прыгожы, цудоўны: <i>Чырвоная</i> вясна павяла рашучы наступ (Крапіва.)</p> <p>4. Нар.-паэт. Яркі, ясны, светлы: <i>чырвоная</i> раница хлынула ў хату (Гартны); <i>Ішоў чырвоны</i> ранак Па свеце, за акном (Куляшоў).</p> <p>5. Пачэсны, парадны: <i>за чырвоным сталом</i>.</p> <p>6. Як састаўная частка некаторых батанічных і заалагічных назваў: <i>чырвоны перац</i>.</p>
---	--

Прататыпічныя значэнні прыметнікаў *чырвоны* і *red* супадаюць, адрозніваюцца толькі прататыпічныя носьбіты прыкметы, якія выдзяляюцца ў мовах, што супастаўляюцца. Слоўнікі беларускай мовы прапануюць толькі адзін эталонны прадмет *кроў*, тады як англійскія слоўнікі вылучаюць яшчэ і *агонь*. Прыметнік *чырвоны* валодае большай ступенню полісеміі ў параўнанні з прыметнікам *red*. У адрозненне ад англійскага эквівалента, які мае пераважна нейтральную (некаторыя семы маюць адмоўную канатацыю) афарбоўку, большасць ЛСВ беларускага эквівалента адзначаецца пазітыўнай канатацыяй. Нацыянальна-культурныя асаблівасці выразна бачныя ў ЛСВ, якія характарызуюць з’явы, спецыфічныя для дадзенай культуры або традыцый: ‘пачэсны, парадны’ (*за чырвоным сталом*) і ‘of coppery skin of American Indians’.

Цікавым падаецца і тое, што ў беларускай мове вылучаюцца значэнні з моцным пазітыўным зарадам (‘яркі, ясны, светлы’ і ‘новы, прыгожы, цудоўны’), якія абумоўліваюцца гістарычным развіццём дадзенага каляроніма ў агульнаславянскай культуры: *чырвоны*, у першую чаргу, асацыіруецца з нечым прыгожым і ясным і ўжо толькі потым – з камуністычным рэжымам, што таксама абумоўлена гістарычнымі працэсамі.

Параўнаем асацыятыўныя рады гэтых прыметнікаў.

Чырвоны: прыгожы, харошы, паглядны, ненаглядны, мілавідны, непаўторны, маляўнічы, чароўны, дзівосны, абаяльны, сімпатычны [5; 6].

Red: guilty; warning, official, communist; reddish; in debt [7; 8].

У семантычную сферу прыметніка *red* уваходзяць ЛСВ, якія належаць да сфер фізічных характарыстык чалавека і жывёлы, грамадска-палітычных адносін, эмацыянальнага стану чалавека, расава-этнічных пытанняў. Семантычную сферу прыметніка *чырвоны* складаюць ЛСВ, якія адносяцца да сфер фізічных характарыстык і стану чалавека, грамадска-палітычных адносін, эмацыянальнага ўспрыняцця і ацэнкі з’яў і прадметаў рэчаіснасці чалавекам, станоўчых характарыстык, сферы важнасці (пачэснасці).

Падчас даследавання мы вылучылі наступныя семантычныя сферы: фізічныя характарыстыкі прадмета; фізічныя характарыстыкі чалавека; эмацыянальнае ўспрыняцце з’яў і ацэнка прадметаў рэчаіснасці; эмоцыі і душэўны стан чалавека: а) адмоўныя пачуцці/эмоцыі; б) станоўчыя пачуцці/эмоцыі; грамадска-палітычныя адносіны; сацыяльнае становішча; свядомасць; музычныя з’явы; псіхафізіялагічны стан сталасці/нясталасці; магія і акультызм; узроставыя характарыстыкі; праца, эканоміка; пісьменнасць; важнасць/пачэснасць; сексуальныя пытанні; яснасць, відавочнасць; нелегальнасць; духоўнасць; расава-этнічныя пытанні; нязведанае; адметнасць; хваробы; забарона/дазвол; грошы, дастатак; стаўленне да чалавека: неадабрэнне/адабрэнне; нечаканае з’яўленне/знікненне; бачанне з’яў: ідэалізаванае/песімістычнае; удача/няўдача; прычыненне зла, пакутаў.

Супастаўленне значэнняў фразеалагічных адзінак з абранымі каляронімамі [9;10] з мэтай суаднясення іх з пэўнымі семантычнымі сферамі падаецца ў даследаванні ў выглядзе табліц (на прыкладзе сферы “грошы, дастатак” (табл. 2)).

Табліца 2

Слоўнікавыя значэнні фразеалагічных адзінак з абранай групай каляронімаў семантычнай сферы “грошы, дастатак” у параўнальным аспекце

Англійская мова	Беларуская мова
<ul style="list-style-type: none"> • <i>to be in the black</i> – to be in credit • <i>to be in the red</i> – to have an overdraft, to be in debt • <i>to blue one’s money</i> – to spend one’s money wildly • <i>to bleed somebody white</i> – to extort all someone’s money, to overcharge grossly for a service • <i>a white elephant</i> – a very big and useless possession which costs a lot of money to maintain and may prove to be a source of financial ruin 	<ul style="list-style-type: none"> • <i>адкладваць грошы на чорны дзень</i> – на выпадак, калі не будзе хапаць сродкаў да існавання з-за пэўных жыццёвых абставін

Усе ці амаль усе каляронімы ў абедзвюх мовах валодаюць значэннямі, якія адносяцца да сферы фізічных характарыстык прадмета (*жоўтае лісце; a yellow dress*), фізічных характарыстык чалавека (*сіні твар; a brown boy*), эмацыянальнага ўспрыняцця з’яў рэчаіснасці (*things are looking black; чорны дзень*) і эмацыянальнага стану чалавека (*to be yellow; to be green with envy; чорны, як хмара*).

Нягледзячы на тое, што семантычныя сферы каляронімаў у дзвюх мовах у большасці выпадкаў супадаюць, мы выявілі і значныя разыходжанні. Вельмі часта нават адна і тая ж сфера можа быць прадстаўлена зусім рознымі каляронімамі і фразеалагічнымі адзінкамі, што супадаюць толькі ў невялікай колькасці выпадкаў.

Спецыфічнымі для беларускіх каляронімаў з'яўляюцца значэнні, якія адносяцца да такіх лекіка-семантычных сфер, як

- сацыяльнае становішча чалавека (для прыметнікаў *чорны* і *шэры*): *чорная галота* – хто належыць да ніжэйшых сацыяльных слаёў; *шэры чалавек* – які не адносіцца да прывілеяваных слаёў, просты);

- працоўнае жыццё (для прыметніка *чорны*: *чорная праца*, *чорная справа* – некваліфікаваная праца, якая не патрабуе ведаў, часта фізічна цяжкая);

- няўдача (*чорны дзень*, *чорны кот прабег*);

- нязведанае (*белая пляма* – *blank space*);

- яснасць, відавочнасць (*чорным па белым*, *шыта белымі ніткамі*, пры гэтым першы выраз значна адрозніваецца ад англійскага эквівалента *in black and white*, які азначае толькі нешта, замацаванае на паперы);

- прычыненне зла, пакутаў (*пусціць чырвонага пеўня*, *пусціць па белым свеце*).

Вельмі яркім і характэрным толькі для беларускага каляроніма *чырвоны* з'яўляецца значэнне 'прыгожы, ясны, светлы, пачэсны'.

Для англійскіх каляронімаў спецыфічнымі з'яўляюцца значэнні, якія адносяцца да наступных сфер:

- нелегальнасць (*white slave traffic*, *a blue film*, *the black market*);

- свядомасць (*blue days* 'characterized by rigid morals, puritanical');

- сексуальныя пытанні (*a blue film*, *a blue joke*, *the red-light district*; *the pink market*);

- духоўнае жыццё (*white light* 'spiritual healing power');

- расава-этнічныя пытанні (*a yellow girl*, *yellow race*, *yellow peril*; *a brown Indian*).

У беларускай мове таксама існуе выраз *атрымаць жоўты білет*, які мае адносіны да сферы сексуальных пытанняў, але значна большая колькасць выразаў і ЛСВ у англійскай мове сведчыць аб тым, што гэтыя пытанні ўжо даўно хвалююць англамоўнае грамадства і толькі пачынаюць праяўляцца ў беларускамоўнай свядомасці. Тое самае можна сказаць і пра сферу аховы навакольнага асяроддзя з велізарнай колькасцю ідыём і калакацый у англійскай мове.

Відавочна, што некаторыя каляронімы маюць уласныя этнакультурныя асаблівасці, звязаныя з гісторыяй, ладам жыцця, сацыяльна-культурнай спецыфікай народа. Асабліва яркая гэта бачна на прыкладзе фразеалагічных і ўстойлівых выразаў. Так, уласнай спецыфікай валодаюць каляронімы *белы*, *чырвоны*, *brown*, *white*, *black* і іншыя з пункту гледжання сацыяльных з'яў, характэрных для дадзенага грамадства. *A white collar worker*, *to be shown the red card*, *a true blue conservative*, *Чырвоная Армія*, *Белая гвардыя* – спецыфіка ўсіх гэтых выразаў абумоўліваецца сацыяльнымі працэсамі і традыцыямі.

Вялікая колькасць ідыём, якія звязаныя з грашовымі праблемамі, сведчыць пра большы матэрыялізм і практычнае мысленне прадстаўнікоў англамоўных грамадстваў. У беларускай ментальнасці распаўсюджаны канцэпт «белы свет», які шырока прадстаўлены ў шматлікіх фразеалагізмах і прыказках і мае значэнне не толькі ‘зямны шар, жыццёвая прастора’, але і ‘бяднота, блуканне па свеце ў пошуках лепшай долі’ (*свету белага не бачыць, пусціць па белым свеце, у белы свет як у капейку, падацца ў белы свет*).

Разам з тым пэўны шэраг каляронімаў-характарыстык аб’екта абумоўлены сацыяльна і звязаны з лінгвістычнай традыцыяй, якая існуе сярод прадстаўнікоў дадзенага грамадства. Такім чынам, каляронімы ў значнай ступені характарызуюцца антрапацэнтрычнасцю і этнацэнтрызмам.

ЛІТАРАТУРА

1. *Культина, В. Г.* Лингвистика цвета / В. Г. Культина. – М. : Моск. Лицей, 2001. – 470 с.
2. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии / А. Вежбицкая. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 214 с.
3. *Пастушенко, Т. В.* Коннотативные значения цвета в языковой интерпретации / Т. В. Пастушенко // Когнитивная лингвистика к. XX века. – Минск : МГЛУ, 1997. – С. 123–127.
4. *Манакин, В. Н.* Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – Киев : Знания, 2004. – 326 с.
5. *Цітова, А. І.* Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы / А. І. Цітова. – Мінск : БДУ, 1981. – 268 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. К. Крапівы: у 5 т. – Мінск : БелСЭ імя Петруся Броўкі, 1982.
7. Webster’s Third New International Dictionary of the English Language (unabridged). – Merriam-Webster Inc., USA, 1986. – 2662 p.
8. Oxford Advanced Learner’s Dictionary. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1989. – 647 p.
9. *Іванова, С.* Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў / С. Іванова, Я. Іваноў. – Мінск : Беларус. Фонд Сораса, 1997. – 262 с.
10. Penguin Dictionary of English Idioms / D. M. Gulland, D. Hinds-Howell. – 2 ed. – London : Penguin Books, 2002. – 378 p.

The article studies the semantics of the primary colour adjectives in collocations in the English and Belarusian languages. In the course of the comparative analysis of dictionary definitions, several semantic spheres were identified and described. The paper proves that the semantic spheres of colour terms in the English and Belarusian languages have particular idioethnic and national-specific characteristics.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПИСЬМЕННОМ И УСТНОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются различные определения эмотивности и описываются подходы к определению эмотивных элементов языка. На материале 500 текстов газетной и телевизионной хроники (по 250 текстов каждого субжанра хроники) исследуются наиболее частотные эмотивные единицы, объединенные автором в микрополя, а также сходства и различия (количественные и качественные) в репрезентации эмотивных единиц англоязычного письменного и устного новостного дискурса.

На протяжении длительного времени наука рассматривала человека как существо разумное, однако, по справедливому замечанию В. И. Шаховского, «человек не только *Homosapiens*, но и *Homosentiens*, так как люди в своем общении не могут обойтись без эмоций. Коммуникативный успех, счастье, радость возможны при условии адекватного общения людей друг с другом» [1, с. 382–383]. Вслед за Л. Ю. Буяновой и Ю. П. Нечаем мы полагаем, что эмоция «всегда явно или скрыто сопутствует любому высказыванию и отражается в нем по-разному» [2, с. 9].

Окружающий нас мир многогранен и предъявляет человеку необозримое количество эмоциогенных ситуаций, которые обуславливают существование дискретных и амбивалентных эмоций. Российская и зарубежная лингвистика не раз обращалась к проблеме выделения базовых эмоций, однако ее состав определяется учеными по-разному. Точное количество эмоций к настоящему времени не установлено и, вероятно, не может быть подсчитано в принципе, так как далеко не все эмоции имеют языковую формулировку. Так, В. Вундт полагал, что количество эмоций достигает 50 тысяч, и в языке вообще недостаточно средств для их обозначения [3]. Э. Титченер сводил все многообразие эмоций к двум видам: удовольствия и неудовольствия [4]. П. В. Симонов рассматривает четыре пары противоположных по направленности состояний: удовольствие/отвращение, радость/горе, уверенность/страх, воодушевление/гнев [5, с. 13–16]. В свою очередь В. И. Галунов на основании более чем 500 зафиксированных словарем русского языка терминов эмоциональных состояний выделил 22 гнезда, которые тем не менее были сокращены до восьми: радость, печаль, возбуждение, депрессия, ярость, страх, апатия, норма [6, с. 7]. Л. Г. Бабенко, опираясь на теорию К. Изарда, выделила девять эмоций: интерес, радость, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд [7].

Вслед за М. Беднарек [8] мы полагаем, что эмоции выполняют три функции в новостном дискурсе. Во-первых, они сигнализируют о политических суждениях и моральных ценностях общества; во-вторых, являются мощными мотиваторами вовлечения реципиентов в текст новости; в-третьих, играют важную роль в формировании коллективной идентичности и социального единства. Тем не менее передача эмоций в новостном дискурсе может

облегчить восприятие новостного текста или внести дополнительные коннотации в новость, однако эмоции не должны затмевать собой основную историю. Авторы новостей сообщают не о своих эмоциональных состояниях, а об эмоциональном состоянии участников событий, то есть создают общую тональность текста хроники.

В вопросе определения состава эмотивной лексики также не наблюдается единства мнений. По мнению В. Н. Телия, термин *эмотивность* обозначает «эмоциональное состояние субъекта речи и вместе с тем выступает синонимом к термину аффектив, так и эмоции, категоризированные в языке и имеющие денотацию, то есть описывающие класс чувств-состояний» [9, с. 115]. Противоположную точку зрения высказывают Э. А. Вайгла, В. П. Берков и др., исключая из состава эмотивной лексики слова, называющие эмоции и чувства. По их мнению, такие лексические единицы выражают эмоции только понятийно, то есть называют эмоцию, не передавая ее [10, с. 3].

В. И. Шаховский трактует эмотивность как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции; имеет два плана: план содержания и план выражения, через которые манифестируются эмоциональные отношения/состояния говорящих» [11, с. 24]. Развивая мысль В. И. Шаховского, Л. Г. Бабенко относит к эмотивной лексике совокупность слов с эмотивной семантикой в статусе значения (слова-аффективы, выражающие эмоциональное состояние говорящего: бранная лексика, междометия и междометные слова – *dear me* ‘боже мой’, *oh boy* ‘бедолага’; *oh, кошмар* и т.д.) и в статусе созначения или коннотации (слова, передающие эмоциональное отношение говорящего к предмету номинации или его признакам: *ghastly* ‘ужасный’, *honey* ‘дорогой’; *жалкий, проходимец* и т.д.); а к лексике эмоций – слова, не выражающие эмоции непосредственно, а называющие их (*adoration* ‘обожание’, *delight* ‘радость’, *fury* ‘ярость’; *любовь, смущение, радость*) [7].

Вслед за В. И. Шаховским и Т. А. Муллиновой под эмотивными элементами мы подразумеваем лексические единицы, называющие, выражающие и описывающие чувства и эмоции. Эмотивные единицы отбирались нами на основе наличия в лексикографическом толковании семы, передающей ощущения, переживания, чувства: *fear* ‘a **feeling** of anxiety about smth’; *surprise* ‘a **feeling** caused by smth. happened suddenly or unexpectedly [12].

Материалом исследования репрезентации эмотивной лексики новостного дискурса в данной статье выступают по 250 текстов газетной и телевизионной хроники из качественной прессы (“The Guardian”, “The Times”, “The UK Week”; Sky News, BBC News, Channel 4). Вслед за П. А. Хазовым к газетной хронике мы относим «информативные тексты от 4 до 40 строк, имеющие определенное место на странице, располагаемые группой» [13, л. 13]. Вслед за М. Монтгомери под телевизионной хроникой мы понимаем «краткие сообщения перед началом новостной программы, представляющие

краткое содержание произошедших событий» (перевод наш. – В. Ч.) [14, р. 66]. Критерий месторасположения хроники в телевизионном новостном выпуске факультативен, так как она может встречаться как в начале новостной передачи, так и в ее середине или в конце. Экстралингвистическими стилеобразующими признаками данного жанра являются: наличие факта, новизна информации, социальная значимость сообщаемого, оперативность. Подборка хроникальных сообщений составляется по тематическому или временному принципу, например: «Криминальная хроника», «Спортивная хроника», «Официальная хроника», «Новости в середине часа» и т.д. [15, с. 81].

В результате анализа мы выявили два крупных класса единиц в лексико-семантическом поле эмотивности: эмотивы со значением состояния и эмотивы со значением отношения. Выделение лексических единиц эмоционального состояния и отношения происходит на уровне элементарных имен эмоций (*страх, радость, волнение* – состояние; *уважение, доверие* – отношение). Такое смысловое противопоставление было исследовано и подтверждено на формальном уровне: например, «глаголы эмоционального отношения в предложении имеют обязательную валентность объекта-источника, ср. *уважать кого-либо*» [16, л. 49].

На следующем этапе дифференциации лексико-семантического поля эмотивности в каждом классе исследуемых лексем были выделены микрополя. Вслед за А. Н. Тихоновым, М. И. Румянцевой, Т. А. Муллиновой, С. В. Коростовой и др. под микрополем мы понимаем совокупность лексических единиц, имеющих общий семантический признак, который объединяет все единицы поля и выражается лексемой с обобщенным значением – идентификатором микрополя.

Как известно, в языке существуют единицы, способные передавать несколько эмоций, например, *anxiety* '1) a troubled state of mind (fear, dread, distress); 2) worry; 3) eagerness' [12] '*тревожность* 1) беспокойное состояние ума (тревога, страх, горе); 2) беспокойство; 3) желание, рвение'. Принадлежность таких лексических единиц к лексико-семантическому полю определялась на основании того значения, которая данная лексическая единица реализует в контексте.

В составе класса эмотивов со значением состояния в англоязычной газетной хронике нами выделяется 5 микрополей: страха (37 %), напряжения (24 %), волнения (16 %), спокойствия (7 %), радости (6 %). Лексические единицы, обозначающие страх и напряжение, преобладают в количественном отношении. К менее распространенным эмотивам новостного дискурса относятся лексика микрополей «спокойствие» и «радость». Мы полагаем, что преобладание отрицательных эмоций обусловлено оперативным отображением происходящих в мире событий, а также тем фактом, что новости негативного характера распространяются быстрее в силу их высокой эмоциональной заряженности.

Микрополе страха образуют единицы, объединенные общим значением 'страх, сильная боязнь'. В него включались слова, в определении которых в той или иной форме присутствовало указание на эмоцию страха или его можно было обнаружить при развертывании дефиниции: *dread* 'great **fear** or apprehension' [12] (*боязнь* 'сильный **страх** или опасение'); *alarm* '1) warning of danger; 2) apprehension' [12] (*сигнал опасности* '1) предупреждение об опасности; 2) опасение'), где *apprehension* '**fearful** anticipation' (*опасение* 'страшное предчувствие').

К наиболее частотным единицам, объединенным общим значением 'страх', относятся имена существительные *fear* 'страх'; глаголы *to be afraid of* 'бояться', *to fear* 'бояться', *to be scared* 'быть испуганным', *to scare* 'пугать'; прилагательные *fearful* 'напуганный'; наречие *horribly* 'ужасно'.

В качестве примера рассмотрим хронику: *Pranksters dressing as clowns to scare people are putting the livelihoods of real entertainments at risk, says trade body Clowns International. It adds the craze, which started in the USA and moved to the UK, could lead to clowns no longer being welcome to entertain children in hospital* 'Шутники, наряжающиеся клоунами с целью **напугать** людей, ставят под угрозу существование развлекательных мероприятий, заявляет Международная организация клоунов. Эта мания, которая началась в США и Великобритании, может привести к тому, что клоунов не будут приглашать в детские больницы' [17].

В микрополе напряжения входят лексемы, характеризующиеся общим значением 'напряжение'. В него включались слова, в определении которых в той или иной форме присутствовало указание на напряжение или его можно было обнаружить при развертывании дефиниции: *stress* 'pressure, **tension**' [12] (*стресс* 'давление, **напряжение**') или *unease* '1) nervousness, anxiety' [12] (*беспокойство* 'нервозность, тревога'), где *nervousness* 'a condition of **being** highly **strung**' (*нервозность* 'состояние сильного **напряжения**').

Примером может служить следующий фрагмент хроники: *A ban on hookah pipes in French towns is fuelling racial **tensions**, its critics claim ...* 'Критики заявляют, что запрет на курение кальяна разжигает межрасовое **напряжение** ...' [18]. Эмотивная единица *tensions* 'напряжение', усиленная метафорой *a ban is fuelling racial tensions*, позволяет точно описать сложившуюся беспокойную ситуацию в ряде городов Франции. В англоязычной газетной хронике в классе эмотивов микрополя напряжения наиболее частотными лексическими единицами являются имена существительные *tension* 'напряжение', *stress* 'стресс'; прилагательные *tense* 'напряженный', *nervous* 'нервный'.

Микрополе спокойствия составляют лексические единицы, объединенные общим значением 'спокойствие, умиротворенность'. В англоязычной газетной хронике в классе эмотивов микрополя спокойствия наиболее частотными лексическими единицами выступают имена существительные *peace* 'мир'; прилагательные *calm* 'спокойный'; наречие *peacefully* 'мирный'.

Рассмотрим фрагмент хроники, в котором встречается лексическая единица *peacefully* микрополя спокойствия: *King Adulyadei of Thailand, the world's longest-reigning monarch, had died at the age of 88, 70 years after he took the throne. The Thai royal family issued a statement saying the king "passed away peacefully" at Siriraj hospital in Bangkok* 'Король Таиланда Адулядей скончался в возрасте 88 лет, 70 лет спустя восхождения на престол. Королевская семья Таиланда выступила с заявлением о том, что «король **мирно** скончался» в госпитале Сирирадж в Бангкоке' [19].

Микрополе радости составляют лексические единицы, объединенные общим значением 'радость, удовольствие'. В англоязычной газетной хронике в классе эмотивов микрополя радости наиболее частотными лексическими единицами выступают имена существительные *happiness* 'счастье', *cheer* 'радость', *joy* 'радость'; прилагательные *happy* 'счастливый', *cheerful* 'радостный'.

Приведем пример хроники, в котором встречается эмотивная единица микрополя «радость»: *About nine in ten are happy to be female and prefer being a woman to being a man, compared to a little more than half in 1947. The figure comes from a poll for the BBC's Woman's Hour, which is celebrating its 70th anniversary* 'Около девяти из десяти женщин **довольны** своим полом и предпочитают быть женщиной, а не мужчиной. Для сравнения в 1947 году так считали чуть более половины женщин. Данные предоставлены по результатам опроса для программы «Час женщин» на Би-би-си, которая празднует свое 70-летие' [20].

В англоязычной газетной хронике был выделен класс эмотивов со значением отношения, включающий два микрополя: уважения (5 %) и интереса (5 %).

Микрополе уважения составляют лексические единицы, объединенные общим значением 'уважение, почтение'. В англоязычной газетной хронике в классе эмотивов микрополя уважения наиболее частотны имена существительные *respect, admiration, tribute*; глаголы *to admire, to respect*.

Приведем фрагмент хроники с эмотивом данной группы *tribute*: ... *Coldplay won best British group, bringing their career tally of Brits to nine and making them the most successful act in the awards' history. Lorde sang a tribute to David Bowie, who died this year* '...группа «Колдплей» стала лучшей британской группой с общим количеством 9 наград за всю свою карьеру, что позволило назвать «Колдплей» самой успешной группой в истории премии. Группа «Лорди» спели песню как **дань уважения** Дэвиду Боуи, которого мы потеряли в этом году' [21].

Микрополе интереса составляют лексические единицы, объединенные общим значением 'интерес'. К наиболее частотным эмотивам данного микрополя относятся имена существительные *interest* 'интерес', *involvement* 'вовлечение'; прилагательные *involved* 'вовлеченный', *keen* 'увлеченный', *enthusiastic* 'полный энтузиазма'. Примером может служить следующий текст хроники: *Big businesses are less enthusiastic than they once were in their*

support for Britain's membership of the European Union, according to a survey by Deloitte 'Крупный бизнес испытывает меньше энтузиазма, чем раньше, в вопросе поддержки членства Великобритании в ЕС, согласно данным опроса Делойт' [17].

Эмотивные единицы в англоязычной газетной хронике представлены всеми знаменательными частями речи, но преобладающими являются имена существительные и прилагательные.

В результате анализа текстов англоязычной телевизионной хроники в составе класса эмотивов со значением состояния нами выделяется 4 микрополя: страха (37 %), волнения (28 %), печали (26 %), радости (9 %). Лексические единицы, обозначающие страх и волнение, преобладают в количественном отношении.

Микрополе страха образуют единицы, объединенные общим значением 'страх'. К наиболее частотным эмотивам, входящим в данное микрополе, относятся имена существительные *fear* 'страх'; глаголы *to threaten* 'запугивать', *to be afraid of* 'бояться', *to fear* 'бояться'; прилагательные *scared* 'испуганный', *terrifying* 'ужасающий', *horrible* 'ужасный'.

Исследование позволило сделать вывод о том, что наиболее часто эмотивная лексика с общим значением 'страх' встречается в телевизионной хронике, освещающей ситуации противостояния: *More than 160 people are dead, hundreds more are wounded. But tonight President Erdogan claims he is back in control after a failed military coup. Thousands of soldiers and alleged plotters are now under arrest, others have been trying to flee to Greece. There was a night of terrifying violence as crowds clashed with troops backed by tanks and helicopters* 'Более 160 человек убиты, еще сотни ранены. Однако сегодня вечером президент Эрдоган заявил, что он опять у власти после неудавшегося военного переворота. Тысячи солдат и предполагаемых заговорщиков взяты под арест, остальные пытаются сбежать в Грецию. Ночь ознаменовалась ужасающей жестокостью, так как толпы людей столкнулись с войсками, которых поддерживали танки и вертолеты' (Channel 4, 16.07.16).

В состав микрополя печали входят эмотивы, объединенные общим значением 'грусть, печаль'. Приведем фрагмент хроники, содержащей эмотивную единицу *mourning* 'траур', создающую негативную тональность высказывания: *Nine days of national mourning have been announced in Cuba following the death of revolutionary leader and former president Fidel Castro at the age of 90* (Channel 4, 26.11.16) 'Куба объявила девять дней национального траура после кончины лидера революции и бывшего президента Фиделя Кастро в возрасте 90 лет' (Channel 4, 26.11.16).

В состав микрополя волнения входят эмотивы, объединенные общим значением 'волнение, нервное возбуждение'. К наиболее частотным эмотивам, входящим в данное микрополе, относятся имена существительные *worry* 'волнение', *concern* 'беспокойство'; глаголы *to concern* 'беспокоить', *to worry* 'волновать'; прилагательные *worried* 'взволнованный', *anxious* 'взволнованный, тревожный'. Рассмотрим телевизионную хронику: *Anxious business*

leaders warn Prime Minister May about their Brexit concern. She says she understands they need certainty, but right now no one is sure what that is (Channel 4, 21.11.16) ‘Взволнованные бизнесмены делятся переживаниями с премьер-министром Терезой Мэй по вопросу Брексит. Она говорит, что понимает необходимость в определенности, но в настоящее время никто не может быть в этом уверен’ (Channel 4, 21.11.16). Эмотивные единицы *anxious* ‘взволнованный’ и *concern* ‘беспокойство’ передают атмосферу неопределенности и беспокойства в вопросе Брексит. Совместное употребление данных эмотивов создает отрицательную тональность хроники.

Микрополе радости составляют лексические единицы, объединенные общим значением ‘радость, веселье’. В англоязычной телевизионной хронике в классе эмотивов данного микрополя наиболее частотны существительные *happiness* ‘счастье’, *cheer* ‘радость’, прилагательные *happy* ‘счастливый’, *glad* ‘довольный’, *cheerful* ‘радостный’.

В приведенной ниже телевизионной хронике авторы использовали лексическую единицу *cheer*, тем самым передавая праздничный фон события: *Today Olympians and Paralympians took their medals, their records and irresistible good cheer to the rainy streets of Manchester for a victory parade* ‘Сегодня олимпийцы и паралимпийцы вышли на победный парад со своими медалями, рекордами и невообразимо задорным смехом на дождливые улицы Манчестера’ (Channel 4, 17.10.16).

Класс эмотивов со значением отношения в англоязычной телевизионной хронике не представлен.

Грамматические характеристики эмотивной лексики в англоязычной газетной и телевизионной хронике сходны: она представлена всеми знаменательными частями речи при лидирующей роли имен существительных и прилагательных, что соответствует в целом описательному характеру изложения в обоих субжанрах хроники (таблица).

Частеречная репрезентация эмотивной лексики
в англоязычном новостном дискурсе, %

Часть речи	Хроника	
	газетная	телевизионная
Имя существительное	36	48
Имя прилагательное	37	32
Глагол	25	18
Наречие	2	2
Всего	100	100

Таким образом, как в газетной, так и в телевизионной хронике на английском языке превалирует негативная эмотивная лексика микрополей а) «страх», представленная такими эмотивами, как *fear* ‘страх’, *to be afraid*

of 'бояться', *to be scared of* 'бояться'; б) «волнение», представленная такими эмотивами, как *to worry* 'волноваться', *concern* 'беспокойство', что обусловлено оперативным отображением происходящих в мире событий, а также тем фактом, что негативные новости распространяются быстрее, так как они более эмоционально заряжены. Телевизионный новостной дискурс характеризуется высокой употребительностью эмотивов микрополя «печаль» (26 %), которые незначительно представлены в англоязычной газетной хронике. Отличительной чертой англоязычного письменного дискурса является более частотная употребительность эмотивов микрополей «радость» (9 % в газетной хронике против 6 % в телевизионной). К менее частотным эмотивам относятся лексические единицы микрополей «уважение», «интерес», «спокойствие».

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 414 с.
2. Буянова, Л. Ю. Эмотивность и эмоциогенность в языке: механизмы экспликации и концептуализации / Л. Ю. Буянова, Ю. П. Нечай. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2006. – 277 с.
3. Вундт, В. Психология душевных волнений / В. Вундт // Психология эмоций : тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М., 1984. – С. 49–50.
4. Титченер, Э. Б. Чувство / Э. Б. Титченер // Психология эмоций : учеб. пособие / авт.-сост. В. К. Вилюнас. – СПб., 2004. – С. 84–91.
5. Симонов, П. В. Проблема классификации эмоциональных состояний в свете информационной теории эмоций / П. В. Симонов. – М. : Наука, 1978. – 141 с.
6. Галунов, В. И. Речь, эмоции и личность: проблемы, перспективы / В. И. Галунов // Речь, эмоции и личность : материалы и сообщ. Всесоюз. симп., 27–28 февр. 1978 г. / Акад. наук СССР, Науч. совет по комплекс. проблемам физиологии человека и животных, Объед. науч. совет по комплекс. проблеме «Физическая и техническая акустика» ; науч. ред. В. И. Галунов. – Л., 1978. – С. 3–13.
7. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 182 с.
8. Bednarek, M. Evaluation in media discourse: analyzing a newspaper corpus / M. Bednarek. – London ; N. Y. : Continuum, 2006. – XVI, 253 p.
9. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 141 с.
10. Вайгла, Э. А. Эмоциональная лексика русского языка и проблемы ее перевода: на русско-эстонском материале : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.02 / Э. А. Вайгла ; Моск. гос. ун-т. – М., 1978. – 21 с.

11. *Шаховский, В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 190 с.
12. The Oxford paperback dictionary and thesaurus / ed. by J. Elliott. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1997. – 900 p.
13. *Хазов, П. А.* Лексико-смысловые единства в строении текста на материале газетной хроники : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / П. А. Хазов. – М., 1984. – 269 л.
14. *Montgomery, M.* The discourse of broadcast news: a linguistic approach / M. Montgomery. – London ; N. Y. : Routledge, 2007. – XVI, 246 p.
15. *Майданова, Л. М.* Жанры публицистического стиля / Л. М. Майданова, Л. Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева [и др.] ; под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006. – С. 79–88.
16. *Муллинова, Т. А.* Эмотивная лексика в художественном тексте: функционально-семантический аспект: на материале романов А. Белого «Котик Летаев» и «Крещеный китаец» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Муллинова. – Краснодар, 2004. – 152 л.
17. The UK Week [Electronic resource]. – 2016. – 11 Oct. – Mode of access : <http://www.theweek.co.uk/daily-briefing/77530/ten-things-you-need-to-know-today-tuesday-11-oct-2016>. – Date of access : 17.10.2016.
18. The Times. – 2016. – 03.10. – P. 32.
19. The UK Week [Electronic resource]. – 2016. – 13 Oct. – Mode of access : <http://www.theweek.co.uk/daily-briefing/77530/ten-things-you-need-to-know-today-thursday-13-oct-2016>. – Date of access : 17.10.2016.
20. The Times. – 2016. – 18.10 – P. 26.
21. The UK Week [Electronic resource]. – 2016. – 25 Feb. – Mode of access : <http://www.theweek.co.uk/daily-briefing/77530/ten-things-you-need-to-know-today-thursday-25-feb-2016>. – Date of access : 28.02.2016.

The article analyses different definitions of emotivity as well as describes approaches to the definition of emotive language elements. The data of research consist of 500 texts of newspaper and television news-in-brief (250 texts of each news-in-brief subgenres). The article reveals the most frequent emotive elements of news discourse in the English language which were grouped in microfields by the author. The author analyses similarities and differences (both qualitative and quantitative) in representation of emotive lexis in written and oral news discourse in the English language.

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Е. А. Нестерович

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-МЕТОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается вопрос применения кейс-метода в преподавании иностранного языка в вузе, что связано с поиском новых форм и средств обучения и нового содержания образования. В работе приведены особенности, основные преимущества и целесообразность использования данного образовательного метода, а также представлена его структура, этапы работы и основные требования к нему.

В настоящее время владение иностранным языком служит надежным инструментом «успешной жизнедеятельности современного человека в поликультурном и мультилингвальном сообществе людей» [3, с. 6]. Основная задача преподавания иностранного языка в высшей школе – «учить не иностранному языку, а с помощью иностранного языка ориентироваться в новом социокультурном контексте, в насыщенном информационном потоке, быть мобильным и инициативным в решении познавательных, учебных, профессиональных и личностных проблем» [3, с. 7]. Действительно, «реализация цели обучения иностранному языку связана не только с развитием способности к межкультурному общению, но и с развитием способности к профессиональной коммуникации в поликультурном пространстве» [5, с. 28].

Решение данной задачи возможно через использование интерактивных методов обучения, основанных на диалоге, кооперации и сотрудничестве всех субъектов обучения. В настоящее время кейс-метод широко и успешно применяется в преподавании английского языка, при языковой подготовке специалистов любого профиля.

Кейс-метод – это особого рода разбор конкретного случая или практической ситуации, содержащей один или несколько проблемных моментов, включающих в себя противоречие и не имеющих однозначного решения. Именно этот метод позволяет студенту включиться в сам процесс освоения знания через опыт и наглядность. Как справедливо отмечает А. М. Долгоруков, проблема внедрения кейс-метода в практику высшего профессионального образования обусловлена двумя тенденциями. Первая вытекает из общей направленности развития образования, его ориентации не столько на получение конкретных знаний, сколько на формирование профессиональной компетентности, умений и навыков мыслительной деятельности, развитие способностей личности, среди которых особое внимание уделяется способности к обучению, смене парадигмы мышления, умению перерабатывать огромные массивы информации. Вторая обусловлена запросами

к качеству специалиста, который, помимо удовлетворения требований первой тенденции, должен обладать также способностью оптимального поведения в различных ситуациях, отличаться системностью и эффективностью действий [4, с. 21–44].

Кейс-метод дает студентам возможность выработать и развить компетенции, необходимые для их профессиональной деятельности: совершенствовать навыки анализа и синтеза, принятия решений в стандартных и нестандартных ситуациях; работать в команде, развивая навыки сотрудничества; осуществлять поиск и анализ информации, необходимой для выполнения поставленных задач; делать отчеты; выступать со своими решениями перед аудиторией; уметь правильно планировать свое время, чтобы уложиться во временные рамки, определенные сценарием кейса.

Кейс-метод позволяет развить коммуникативные умения: умение выстраивать диалог и вести дискуссию с оппонентами и сторонниками, умение аргументированно и критически мыслить; строить логические цепочки причинно-следственных связей, развивает умение отстаивать собственную точку зрения, делать выводы. Он формирует умение студентов принимать решения, развивая такие профессионально значимые качества, как инициативность, целеустремленность, настойчивость и ответственность за свои поступки. Дискуссии, возникающие в процессе решения кейса, способствуют осознанию и анализу мнения других и своего собственного. Формируются социальные навыки общения между участниками диалога. Немаловажным достоинством данной технологии является ее гибкость, вариативность, что, в свою очередь, предполагает развитие у студентов и преподавателей творческого подхода, креативности, критического мышления и эмоционального интеллекта.

В обучении иностранному языку, так как оно происходит на основе ситуационного анализа, кейс-метод помогает решить ряд важнейших задач: создает необходимую языковую среду и мотивирует студентов использовать иностранный язык для реального общения; способствует эффективному развитию навыков всех видов речевой деятельности (чтения, аудирования, говорения и письма, если конечный результат представлен в письменном виде); помогает формировать навык деловой коммуникации, а также ряд аналитических, творческих и социальных навыков.

Одним из важнейших дидактических преимуществ кейс-метода является реализация принципа индивидуализации обучения в процессе групповой дискуссии. Студенты в ходе обсуждения кейса высказывают собственное мнение, дают оценку предпринятым по решению проблемы действиям, прогнозируют в соответствии со сложившимися у них теоретическими представлениями дальнейший ход развития ситуации. Данный метод вовлекает каждого студента в активную деятельность, что является большим преимуществом для групп, в которых учатся студенты с различным уровнем владения языком. Метод кейса может быть использован в качестве промежуточного или итогового контроля.

Применение кейс-метода в образовательном процессе позволяет сделать иностранный язык – предмет обучения – источником и средством получения информации об иноязычной культуре. Более того, при этом создаются условия, когда студенты имеют возможность критически оценить свою межкультурную компетенцию, выработать соответствующее отношение к межкультурным различиям и избежать их поверхностной, стереотипной оценки. В результате студенты приобретают необходимые в их будущей профессиональной деятельности коммуникативные и исследовательские навыки и умения. Кейс-метод «позволяет сделать акцент на активной мыслительной деятельности обучающихся, требующей для своего оформления владения определенными языковыми средствами» [1, с. 114]. При этом «общение, связанное с работой над кейсом, которому присущи спор, дискуссия, аргументация, описание, сравнение, убеждение... тренирует навык выработки правильной стратегии речевого поведения, соблюдения норм и правил англоязычного общения» [1, с. 115].

Классификация кейсов может производиться по различным признакам, одним из которых является сложность ситуации. При этом различают:

- иллюстративные учебные ситуации – кейсы, имеющие целью на определенном практическом примере обучить студентов алгоритму принятия правильного решения в определенной ситуации;

- учебные ситуации – кейсы с формированием проблемы, в которых описывается ситуация в конкретный период времени, выявляются и четко формулируются проблемы; цель такого кейса – диагностирование ситуации и самостоятельное принятие решения по указанной проблеме;

- учебные ситуации – кейсы без формирования проблемы, в которых описывается более сложная, чем в предыдущем варианте, ситуация, где проблема четко не выявлена, а представлена в статистических данных, оценках общественного мнения, органов власти и т.д.; цель такого кейса – самостоятельно выявить проблему, указать альтернативные пути ее решения с анализом наличных ресурсов;

- прикладные упражнения, в которых описывается конкретная сложившаяся ситуация, предлагается найти пути выхода из нее; цель такого кейса – поиск путей решения проблемы.

Заслуживает внимания классификация кейсов, предложенная на основе анализа зарубежного опыта применения кейс-метода Н. Федяниным и В. Давиденко:

- структурированный (*highly structured*) кейс, в котором дается минимальное количество дополнительной информации; при работе с ним студент должен применить определенную модель; у задач этого типа существует оптимальное решение;

- «маленькие наброски» (*short vignettes*), содержащие, как правило, от одной до десяти страниц текста и одну-две страницы приложений; они знакомят только с ключевыми понятиями и при их разборе студент должен опираться еще и на собственные знания;

- большие неструктурированные кейсы (long unstructured cases) объемом до 50 страниц – этот вид кейсов считается наиболее сложным; информация в них предоставляется очень подробная, в том числе и совершенно ненужная; самые необходимые для разбора сведения, наоборот, могут отсутствовать; студент должен распознать такие «подвохи» и справиться с ними;

- первооткрывательские кейсы (ground breaking cases), при разборе которых от студентов требуется не только применить уже усвоенные теоретические знания и практические навыки, но и предложить нечто новое, при этом студенты и преподаватели выступают в роли исследователей [8].

Кейс состоит из следующих частей: описание конкретной ситуации, разрабатываемой на основе подлинных фактов; задания к кейсу; вспомогательная информация, необходимая для анализа кейса. Преподаватель может подобрать несколько аналогичных случаев (multiple case study), объединенных одной темой. Это позволит студентам провести сравнительный анализ каждого кейса и проследить, как одна речевая интенция может быть выражена разными языковыми способами.

По наличию сюжета кейсы делятся на сюжетные и бессюжетные. Сюжетные кейсы обычно содержат рассказ о произошедших событиях, включают действия лиц и организаций. В бессюжетных кейсах, как правило, сюжет скрыт, потому что его четкое изложение в значительной степени раскрывает решение. Внешне они представляют собой совокупность статистических материалов, расчетов, выкладок, которые должны помочь диагностике ситуации, восстановлению сюжета [4].

Источниками кейсов могут служить новостные сообщения, газеты или журнальные публикации, художественные произведения, адаптированные для конкретных целей обучения. Качественные материалы к кейсу можно получить посредством анализа научных статей, монографий и научных отчетов, посвященных той или иной проблеме. Использование научной литературы при разработке кейса придает ему большую строгость и корректность [6].

Кейс может быть представлен как в печатном виде и дополнен наглядным материалом (фотографии, таблицы, диаграммы), так и в мультимедийном. Современные мультимедийные средства обучения позволяют представить конкретную ситуацию в видеоформате, что помогает проанализировать речевое поведение носителя языка в целом, включая интонационное оформление высказываний, невербальные способы выражения информации (мимику, жесты), стилистические особенности употребления речевых и этикетных формул общения.

Формально можно выделить следующие этапы работы студентов с кейсом:

- ознакомление студентов с содержанием кейса (ситуацией);
- анализ кейса;
- организация обсуждения кейса, дискуссии, презентации;
- оценивание участников дискуссии;
- подведение итогов дискуссии.

Ознакомление студентов с содержанием кейса и последующий его анализ чаще всего осуществляются за несколько дней до его обсуждения и реализуются как самостоятельная работа студентов; при этом время, отводимое на подготовку, определяется видом кейса, его объемом и сложностью. Обсуждение небольших кейсов может вкрапываться в учебный процесс и студенты могут знакомиться с ними непосредственно на занятиях.

Общая схема работы с кейсом на данном этапе может быть представлена следующим образом: в первую очередь следует выявить ключевые проблемы кейса и понять, какие именно из представленных данных важны для решения; войти в ситуационный контекст кейса, определить, кто его главные действующие лица, отобрать факты и понятия, необходимые для анализа, понять, какие трудности могут возникнуть при решении задачи; следующим этапом является выбор метода исследования.

Организация обсуждения кейса предполагает формулирование и включение в дискуссию вопросов, обычно подготовленных заранее и предложенных вместе с текстом кейса, и, как правило, основывается на двух методах. Первый из них носит название традиционного гарвардского метода – открытая дискуссия. Альтернативным методом является метод, связанный с индивидуальным или групповым опросом, в ходе которого студенты делают формальную устную оценку ситуации и предлагают анализ представленного кейса, свои решения и рекомендации, т.е. делают презентацию. Метод развивает у студентов коммуникативные навыки, учит четко выражать свои мысли, однако он менее динамичен, чем гарвардский метод.

Дискуссия занимает центральное место в кейс-методе. Ее целесообразно использовать в том случае, когда студенты обладают значительной степенью самостоятельности мышления, умеют аргументировать, доказывать и обосновывать свою точку зрения. Важнейшей характеристикой дискуссии является уровень ее компетентности, который складывается из компетентности ее участников. Неподготовленность студентов к дискуссии делает ее формальной, превращает в процесс «вытаскивания» ими информации у преподавателя, а не самостоятельное ее добывание. Обычно дискуссия начинается с постановки преподавателем стимулирующих вопросов, подготовленных заранее, и предполагает анализ информации, поиск решения, выявление преимуществ и недостатков каждого предложенного решения и оценку альтернатив. Преподаватель должен стараться предусмотреть возможную реакцию аудитории на поставленные вопросы, направляя обсуждение на достижение учебных целей. Руководя дискуссией, он должен добиваться участия в дискуссии каждого студента, выслушивать аргументы за и против и объяснения к ним, контролировать процесс и направление дискуссии, но не ее содержание.

Особое место в организации дискуссии при обсуждении и анализе кейса принадлежит использованию метода генерации идей, получившего название мозговой атаки или мозгового штурма. В кейс-методе мозговая атака применяется при возникновении у студентов реальных затруднений в осмыслении

ситуации, служит средством повышения их активности. В этом смысле мозговая атака представляется не как инструмент поиска новых решений, хотя и такая ее роль не исключена, а как своеобразный «запал» к бомбе познавательной активности.

Презентация, или представление результатов анализа кейса, выступает очень важным аспектом кейс-метода. Умение публично представить интеллектуальный продукт, показать его достоинства, а также выстоять под шквалом критики является очень ценным качеством современного специалиста.

Публичная (устная) презентация предполагает представление решений кейса группе, максимально вырабатывая навыки публичной деятельности и участия в дискуссии. Степень подготовленности выступающего проявляется также и в спровоцированной им дискуссии; необязательно делать все заявления очевидными и неопровержимыми – такая подача материала при анализе кейса может послужить началом дискуссии. Одним из преимуществ публичной (устной) презентации является ее гибкость. Оратор может откликаться на изменения окружающей обстановки, адаптировать свой стиль и материал, чувствуя настроение аудитории.

Непубличная презентация менее эффективна, но ее обучающая роль весьма велика. Чаще всего она выступает в виде подготовки отчета по выполнению задания, при этом стимулируются такие качества, как умение точно и аккуратно подготовить текст. Подготовка письменного анализа кейса аналогична подготовке устного с той разницей, что письменные отчеты-презентации обычно более структурированы и детализированы. Основное правило письменного анализа кейса заключается в том, чтобы избегать простого повторения информации из текста, она должна быть представлена в переработанном виде. Самым важным при этом является собственный анализ представленного материала, его соответствующая интерпретация и сделанные предложения. Письменный отчет-презентация может сдаваться по истечении некоторого времени после устной презентации, что позволяет студентам более тщательно проанализировать всю информацию, полученную в ходе дискуссии.

Как письменная, так и устная презентация результатов анализа кейса может быть групповой и индивидуальной, а также преподавательской, когда преподаватель представляет кейс перед студентами, стараясь заинтересовать их, либо презентует результаты деятельности группы в целом, если работа над кейсом была длительной, что позволяет студентам системно представить сложную ситуацию [4].

Оценивание участников дискуссии является важнейшей проблемой обучения посредством кейс-метода. Если классическая методика преподавания тяготеет к использованию коллоквиумов и контрольных работ, которые позволяют точнее оценить теоретические знания, соответствующим образом строится и экзамен, то кейс-метод требует оценивания не столько набора определенных знаний, сколько умения студентов анализировать

конкретную ситуацию, принимать решение, логически мыслить. При использовании кейс-метода нужно оценивать студента за содержательную активность в дискуссии или публичной (устной) презентации, которая включает в себя следующие составляющие:

- выступление, которое характеризует попытку серьезного предварительного анализа (подготовленность, аргументированность и т.д.);
- обращение внимания на определенный круг вопросов, которые требуют углубленного обсуждения;
- демонстрация умения логически мыслить;
- предложение альтернатив, которые раньше оставались без внимания;
- предложение определенного плана действий или плана воплощения решения;
- определение существенных элементов, которые должны учитываться при анализе кейса;
- подведение итогов обсуждения.

Анализ кейса, данный студентом при непубличной (письменной) презентации, считается удовлетворительным, если

- было сформулировано и проанализировано большинство проблем, имеющих в кейсе;
- были сделаны собственные выводы на основании информации о кейсе;
- были продемонстрированы адекватные аналитические методы для обработки информации;
- составленные документы по смыслу и содержанию отвечают требованиям;
- приведенные в итоге анализа аргументы находятся в соответствии с ранее выявленными проблемами, сделанными выводами, оценками и использованными аналитическими методами.

Деятельность преподавателя при использовании кейс-метода включает в себя две фазы.

Первая фаза представляет собой сложную внеаудиторную творческую работу по созданию кейса и вопросов для его анализа, состоящую из научно-исследовательской, конструирующей и методической частей. Особого внимания заслуживает разработка методического обеспечения самостоятельной работы студентов по анализу кейса и подготовке к обсуждению, а также методического обеспечения предстоящего занятия по его разбору. Разрабатывая кейс, преподаватель должен учитывать следующие требования: учебная ситуация специально готовится для целей обучения таким образом, чтобы в процессе обсуждения можно было бы создать творческую, но в то же время целенаправленно управляемую атмосферу; учебная ситуация должна соответствовать определенному концептуальному полю того учебного курса или программы, в рамках которого рассматривается; работа с учебной ситуацией должна научить студентов анализировать конкретную информацию, прослеживать причинно-следственные связи, выделять ключевые проблемы и (или) тенденции [7].

Вторая фаза включает в себя деятельность преподавателя в аудитории при обсуждении кейса, его выступление со вступительным и заключительным словом, организацию дискуссии или презентации, поддержание делового настроения в аудитории, оценку вклада студентов в анализ ситуации, а также результата работы с точки зрения объективности, обоснованности, систематичности и оптимальности [2].

В обучении иностранному языку в вузе кейс-метод может быть эффективно использован для создания языковой среды и условий формирования потребности в применении иностранного языка как средства межкультурного взаимодействия, интеграции знаний студентов из разных областей вокруг решения одной проблемы, а также развития иноязычной коммуникативной компетенции в рамках активной совместной исследовательской и творческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агафонова, Е. А.* К вопросу о применении метода Case-study и использовании Интернет-ресурсов как активных методов обучения иностранному языку в техническом вузе / Е. А. Агафонова // Молодой ученый. – 2011. – № 6, т. 2. – С. 114–116.
2. *Айкина, Т. Ю.* Метод кейсов в формировании коммуникативной компетенции студентов / Т. Ю. Айкина // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 1 (129). – С. 58–60.
3. *Гальскова, Н. Д.* Ценности современного мира глобализации и межкультурное образование как ценность / Н. Д. Гальскова, Е. Г. Тарева // Иностр. языки в школе. – 2012. – № 1. – С. 3–11.
4. *Долгоруков, А. М.* Case study как способ понимания / А. М. Долгоруков // Практическое руководство для тьютера системы Открытого образования на основе дистанционных технологий. – М. : Центр интенсивных технологий образования, 2002.
5. *Крупченко, А. К.* Профессиональная лингводидактика / А. К. Крупченко // Иностр. языки в школе. – 2010. – № 10. – С. 28–30.
6. *Пахтусова, Е. Э.* Метод кейсов в обучении иностранному языку в вузе / Е. Э. Пахтусова // Молодой ученый. – 2014. – № 17. – С. 532–534.
7. *Сидельник, Э. А.* Особенности использования метода «case study» в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе / Э. А. Сидельник // Изв. Юж. федерального ун-та. Технические науки. – 2011. – Вып. 10. – Т. 123.
8. *Федянин Н.* Чем «кейс» отличается от чемоданчика? / Н. Федянин, В. Давиденко // Обучение за рубежом. – 2000. – №7.

The article deals with the issue of using Case-Study method in foreign language teaching and concentrates on its structure and stages. The article also describes peculiarities and advantages of Case-Study method and lays down conditions of its efficiency.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Д. Н. Шаповаленко

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПЕРЕВОДОВ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Памяти Р. Р. Чайковского

В настоящей статье рассматриваются понятие и причины множественности переводов, проблема переводческих ошибок в новых переводах, анализируются причины их появления, а также рассматриваются требования к новому переводу.

Произведение мастера художественного слова, особенно классика мировой литературы, достойно того, чтобы стать доступным самой широкой читательской аудитории во всем мире. В практике художественного перевода существует большое количество примеров, когда известные произведения переводились на один и тот же язык по нескольку раз. Причины этого явления многообразны: это и не вполне удовлетворительное качество ранних переводов, и стремление устранить очевидные огрехи и ошибки переводчика, а также недостатки, допущенные по вине редактора либо издательства, это и чисто коммерческие вопросы, связанные с износом тиража и фактической утерей произведения, когда оно становится со временем библиографической редкостью, и т.п. В качестве весьма спорной причины часто выдвигается стремление дать новому поколению читателей новое прочтение произведения. Но ведь само произведение со временем не приобретает каких-то дополнительных качеств: это не вино! Другое дело, что события, описываемые в произведении, отстоят от современного читателя на многие десятки, а то и сотни лет, что естественным образом затрудняет – в первую очередь переводчику, а уже потом и читателю – восприятие, осмысление и оценку авторской мысли и эстетики его труда.

Практика перевода художественной прозы в советское время и в современной России знает достаточно много примеров, когда одно и то же произведение переводилось – с немецкого языка на русский – два, три и даже четыре раза. Например, роман Э. Ремарка «Искра жизни» существует в трех версиях (его переводили В. П. Котелкин, М. Л. Рудницкий и Р. С. Эйвадис), а «Три товарища» существует в четырех версиях в переводах И. Шрайбера, Л. Яковленко и И. Шрайбера, Ю. Афонькина и И. Шрайбера, а также Ю. Архипова. Правда, в отношении последнего романа следует заметить, что переводом можно фактически назвать только два из этих четырех вариантов: И. Шрайбера и Ю. Архипова, а два других, сделанных Л. Яковленко (Л. Копелевым) и Ю. Афонькиным в соавторстве с И. Шрайбером, представляют из себя уникальный коктейль, где их рукой переведены главы с первой по

пятую и последние три, а остальная бóльшая часть – двадцать глав – взята практически без существенных изменений из перевода И. Шрайбера. Следовательно, множественность перевода, тем более такого рода, не всегда оправдывает себя.

Тема множественности перевода входила в круг научных интересов недавно ушедшего из жизни Р. Р. Чайковского, известного германиста, переводчика, редактора научного альманаха «Перевод и переводчики», большого знатока и ревностного ценителя творчества Э. М. Ремарка. В статье «Две редакции одного перевода» он апеллировал к словам А. В. Федорова, что вопрос о старых переводах... не только представляет теоретический интерес, важен не только для истории литературы, но имеет также большое... практическое значение, что извлекаемые из старых переводов примеры – отнюдь не мертвый материал, любопытный только для исследователя [1]. Так, Р. Р. Чайковский рассматривает роман «Возвращение», переведенный И. А. Горкиной и существующий в двух редакциях – 1936 г. и 1959 г. Автору было небезынтересно «посмотреть, насколько вторая редакция перевода отличается от первой, какие его части или фрагменты подверглись изменениям, какой характер носят проведенные замены, насколько они оправданы, есть ли в них логика, какие уровни языка перевода больше затронуты редакторской правкой – лексика, синтаксис или стиль в целом, всегда ли новые варианты переводческих решений лучше предыдущих» [1].

В своем анализе Р. Р. Чайковский отмечает, что большое место в редакции 1959 г. занимают синонимические и контекстуальные замены слов. Автор подчеркивает, что текст второй редакции намного больше приближен к оригиналу, нежели текст первой, и далее он подчеркивает, что принятая переработка первой редакции перевода романа Э. М. Ремарка «Возвращение» не носит концептуального характера, а представляет собой текстуальную правку многочисленных языковых и стилистических частностей [1]. Однако и в новой редакции текст грешит довольно большим количеством неточностей на денотативном и сигнификативном уровнях содержания, часто встречаются слова и выражения, не соответствующие авторской коннотации и русскому узусу, что особенно проявляется на лексическом уровне армейской среды.

По завершении анализа новой редакции романа Р. Р. Чайковский подчеркивает, что «с момента выхода в свет второй редакции прошло более сорока лет... что назрела необходимость создания нового перевода этого романа, перевода, который ознаменовал бы собой новый этап рецепции творчества Э. М. Ремарка в России в XXI веке» [1].

И вот... это произошло! Московское издательство «АСТ» начало публикацию новых переводов произведений Э. Ремарка и среди них представило в 2015 г. перевод романа «Der Weg zurück» под названием «На обратном пути». Автор перевода – Е. В. Шукшина, переводчик с уже сложившимся именем и большим опытом перевода художественной

литературы. Достаточно сказать, что только с немецкого на русский ей принадлежат более тридцати переводов таких известных авторов, как Фридрих Дюрренматт, Герман Гессе, Томас Манн.

И вот тут, после ознакомления с анализом Р. Р. Чайковского второй редакции романа «Возвращение», возникает вопрос, почему и откуда появляется новое название – «На обратном пути»? Что это? Легковесный маркетинговый ход издательства, чтобы привлечь внимание читателя к якобы новому, не переведенному ранее роману, или осмысленное решение переводчицы? Если первое, то эффект достигнут: продавцы книжного магазина, вполне знакомые с творчеством Ремарка, недоуменно смотрели на эту книгу и рассуждали о целесообразности нового названия. Если второе, то решение абсолютно нелогичное. Ремарк вложил в это название двойной смысл: как шло возвращение бывших молодых солдат Великой войны к мирной жизни и к чему они в результате пришли, каким оказалось для них это возвращение, что из этого получилось. Другими словами, в названии романа одновременно прослеживается и некий оттенок незавершенности действия, и его завершенность, чего мы не находим в новом названии: семантика словосочетания *на обратном пути* предполагает возможность остановиться, передохнуть, переосмыслить что-то и т.д., но движение продолжается, а момент завершенности действия, достижения цели, отсутствует. В слове же *возвращение* мы ощущаем одновременно и процесс, как это возвращение проходило, и результат, к чему это привело и чем все завершилось. В целом же относительно перевода названий художественных произведений Р. Р. Чайковский отправляет нас к четко сформулированной позиции И. С. Алексеевой, которая в своих рекомендациях для переводчика подчеркивает: «Прежде всего следует проверить, нет ли в языке перевода уже устоявшегося соответствия. Если нет, название переводится после обязательной консультации со специалистом (литературоведом, искусствоведом, историком и т.п.), который пояснит смысл названия» [2, с. 248]. Незнание этого принципа или нежелание придерживаться его приводит к несуразицам, о которых Р. Р. Чайковский писал в своей статье «Нищета перевода, или нужно ли переводчику элементарное филологическое образование» [3], он настоятельно указывал на то, что роман Ремарка, озаглавленный в оригинале «Der Weg zurück», на русском языке существует под названием «Возвращение». Это название закрепилось за переводом романа с начала тридцатых годов, и заглавие «Возвращение» стало литературно-историческим фактом, известным не только специалистам по немецкой литературе и творчеству Ремарка и его переводчикам, не только студентам-германистам, но и миллионам (именно миллионам) читателей Ремарка на всем пространстве бывшего Советского Союза. Правда, за некоторыми исключениями. Р. Р. Чайковский сетует на то, что этот факт оказался неизвестным переводчику И. Гречухиной и сотрудникам издательства «Гудьял-Пресс», ибо И. Гречухина переводит название этого романа буквально – «Дорога назад»... но речь ведь идет о романе «Возвращение» [3].

В иных романах Э. Ремарка, вышедших в издательстве «АСТ», например, «Триумфальная арка», «Ночь в Лиссабоне» и «На западном фронте без перемен» в переводе Н. Н. Федоровой, названия произведений не изменялись. Однако у той же переводчицы такого рода история произошла с романом Г. Фаллады «Каждый умирает в одиночку», вышедшим в 2017 г. в издательстве «Синдбад» под названием «Один в Берлине (Каждый умирает в одиночку)». Хорошо еще, что в скобках указано известное читателям и библиографам название произведения в переводе Н. Г. Касаткиной, В. О. Станевич и И. С. Татариновой. Не вдаваясь в подробности, отметим, что это новое название в корне неверно хотя бы потому, что героев романа было двое – супружеская пара Анна и Отто Квангель, но никак не «один в Берлине», уж лучше бы «одни в Берлине»! А сама фраза – *Каждый умирает в одиночку*, – вложенная Ремарком в уста Отто Квангеля в конце романа как некое подведение печального итога в их попытке бороться с нацизмом, буквально сама просится на титульный лист.

Анализ двух переводов одного и того же произведения задача достаточно сложная, исходя хотя бы из объема исследуемого материал. Поэтому методика проверки, во-первых, сводилась к выявлению степени формального соответствия исходному тексту, анализировалась полнота перевода и сравнивались соотносимые структуры и общие различия в протяженности переводов и оригинала, во-вторых, определялись формальные соответствия и расхождения ИТ и ПТ на содержательном уровне, т.е. их качественные характеристики, в-третьих, определялась степень смысловой нагрузки и приемлемости для массового читателя.

Для удобства анализа оба варианта перевода – в электронном виде – подверглись сегментации с помощью программы ABBYY Aligner и были сведены в параллельные тексты с максимальным уровнем соответствий. Это дало возможность сравнивать переводы относительно их соответствия на уровне законченного предложения либо высказывания (особенно в диалогах, когда их дробление на мелкие единицы искажает восприятие смысла) и позволило упростить зрительное восприятие и сопоставление исследуемого материала. Первое, на что было обращено внимание, – это полнота передачи авторского текста, поскольку в переводах 30–90 гг. разного рода купюры были если и не массовым явлением, тем не менее встречались довольно часто. На этот счет серьезных замечаний нет, хотя – при сверке электронных версий переводов – статистика показывает, что новый перевод более «экономный»: текст И. А. Горкиной включает 69 776 слов, а Е. В. Шукшиной – 61 489, количество абзацев соответственно – 2 938 и 2 897. В целом структура и архитектура авторского текста сохранены. Проверка на уникальность нового перевода по главам дала высокий результат: от 93 до 97 %. При этом проверка в режиме рерайт показала высокий уровень совпадений (50–55 % в новом переводе), что вполне объяснимо заданными свойствам ИТ и в какой-то степени его интерференцией:

Jupp atmet laut. „Ein warmes Zimmer und ein Sofa und abends ausgehen – kannst du dir das noch vorstellen?“

И. Горкина (далее И.Г.) – *Юпп громко вздыхает: – Теплая комната, диван, а вечером выходишь погулять... Просто и не верится, что такое бывает. Верно, а?;*

Е. Шукшина (далее Е.Ш.) – *Юпп громко вздыхает. – Теплая комната, диван, а вечером где-нибудь поужинать... Ты можешь себе это представить?*

Кстати, *atmet laut* можно было перевести и как *тяжело вздыхает*, что в большей степени соответствует описываемой ситуации и русскому узусу, хотя глагол *atmen* имеет прямое значение ‘дышать’, а вот глагол *ausgehen* следовало бы перевести как *сходить куда-нибудь, посидеть где-нибудь*, а если проводить логическое развитие, как это сделано в новом переводе, то лучше было бы вместо *поужинать* сказать *пивка пропустить с друзьями*, что больше соответствует привычкам немцев проводить вечер вне стен дома. И вообще, переводчицам следовало помнить, что разговоры велись между молодыми солдатами, далекими от салонных манер. Поэтому в примере

Jupp bohrt versonnen in der Nase. „Menschenskind, Schaufenster – und Cafés – und Weiber“

И.Г. – *Юпп мечтательно ковыряет в носу: – Нет, ты подумай только: витрины... кафе... женщины...;*

Е.Ш. – *Юпп мечтательно ковыряет в носу. – Черт подери, витрины, кафе и женщины*

немецкое *Weiber* следовало бы перевести более экспрессивно – *бабы, девки*, а для разговорно-просторечной формы обращение *Menschenskind* подошло бы русское *парни* или *мужики* либо доверительное *старички*.

Следующий пример характеризуется фактически полным совпадением вариантов перевода с использованием синонимических элементов:

Kosole rührt sich und gähnt. Dann erhebt er sich, sieht seine schwere Faust bedeutungsvoll an, schielt nach Jupp und erklärt...

И.Г. – *Козоле шевелится и зевает. Затем встает, многозначительно поглядывает на свой тяжелый кулак, косится на Юппа и заявляет...;*

Е.Ш. – *Козоле ворочается и зевает. Потом поднимается, со значением смотрит на свой тяжелый кулак, косится на Юппа и говорит...*

Или еще один пример:

Aber niemand hört zu. Wir haben zu lange an uns halten müssen und wiehern jetzt wie ein hungriger Pferdestall.

И.Г. – *...но его никто не слушает. Мы слишком долго сдерживались и теперь ржем, как целая конюшня голодных лошадей.*

Е.Ш. – *Но его никто не слушает. Мы слишком долго сдерживались и теперь ржем, как табун голодных мустангов (удивляет сравнение с мустангами!).*

Относительно приведенных примеров следует однозначно отметить, что они не доминируют в тексте и ни в коей мере не могут характеризовать

общее состояние нового перевода, о котором можно судить только по качественным характеристикам передачи всего многопланового содержания исходного текста.

Анализ уже первых строк обоих переводов заставляет задуматься о точности перевода понятий, связанных с военной тематикой.

Der Rest des zweiten Zuges liegt in einem zerschossenen Grabenstück hinter der Front und döst.

„*Komische Art von Granaten –*“, sagt Jupp plötzlich.

„*Wieso?*“ fragt Ferdinand Kosole und richtet sich halb auf.

„*Hör doch!*“ antwortet Jupp.

Kosole legt eine Hand hinters Ohr und lauscht. Wir horchen ebenfalls in die Nacht hinaus. Aber es ist nichts anderes zu vernehmen als das dumpfe Geräusch des Artilleriefeuers und das hohe Zwitschern der Granaten. Von rechts kommt dazu nur noch das Knarren von Maschinengewehren und ab und zu ein Schrei. Aber das kennen wir nun seit Jahren, deshalb braucht man doch nicht extra den Mund aufzumachen.

И.Г. – *Остатки второго взвода лежат в расстрелянном окопе за линией огня и не то спят, не то бодрствуют.*

– *Вот так чудные снаряды!* – говорит Юпп.

– *А что такое?* – спрашивает Фердинанд Козоле, приподнимаясь.

– *Да ты послушай,* – откликается Юпп.

Козоле прикладывает ладонь к уху. И все мы вслушиваемся в ночь. Но ничего, кроме глухого гула артиллерийского огня и тонкого посвиста снарядов, не слышно. Только справа доносится трескотня пулеметов да время от времени – одиночный крик. Но нам все это давным-давно знакомо, и не из-за чего тут рот разевать.

Е.Ш. – *Второй взвод – кто уцелел – дремлет в разбитой траншее за линией фронта.*

– *Странные гранаты,* – говорит вдруг Юпп.

– *Ты о чем?* – приподнявшись на локте, спрашивает Фердинанд Козоле.

– *Послушай.*

Приложив руку к уху, Козоле напрягает слух. Мы тоже вслушиваемся в ночь. Но слышен только глухой гул артиллерийского огня и писк гранат. Справа еще пулеметные очереди и редкие вскрики. Но ведь так уже много лет. Рот, что ли, из-за этого разевать?

Так, *in einem zerschossenen Grabenstück hinter der Front* И. Горкина переводит как *в расстрелянном окопе за линией огня*, а Е. Шукшина *в разбитой траншее за линией фронта*. Но ни тот, ни другой вариант не передает в точности описываемой картины: окоп/траншея не может быть расстрелянным, он может быть разворочен/сокрушен/разбит снарядами, артиллерийским огнем, а *линия огня* – это условная или фиксированная линия в тире или на стрельбище, на которой находится стрелок при ведении огня и которую он не должен пересекать, а понятием *линия фронта* могут скорее всего оперировать генштабисты при планировании масштабных операций. Кроме

того, в нашем массовом сознании буквальный перевод *за линией фронта* ассоциируется скорее всего с действиями разведчиков в тылу врага. Поэтому уместней было бы перевести, используя вариант *вдали от передовой* или *в тылу*.

Далее происходит метаморфоза с немецким словом *Granate* и его производными, которое в ИТ встречается сорок семь раз. Сложно сказать, как оно переводилось в первой редакции перевода И. Горкиной, но в тексте 1959 г. она в двадцати одном случае заменяет понятие *граната*, ставшее после Первой мировой войны архаичным, на *снаряд*, что полней отвечает современному пониманию ‘осколочный снаряд’, в остальных же двадцати пяти случаях, где речь однозначно идет о ручных гранатах, оставлен вариант *граната*. Правда, в предложении *Die Kupferplatten sind zu Granaten eingeschmolzen worden* дается перевод *Медь перелита на гранаты*, хотя автор скорее всего имел в виду снаряды – ведь гранаты не делаются из меди, а предложение *Da ist er unter Granaten groß geworden* в переводе И. Горкиной звучит как *Ведь вот он тоже вырос под пулями*, где мы видим адекватную замену образа войны – снарядов – на пули, хотя для придания образности можно было бы написать *под грохот снарядов* или *под свист пуль*. В переводе Е. Шукшиной то же предложение звучит как *Он вырос под разрывы гранат...* Но в современном армейском лексиконе слово *граната* используется только в значении ‘ручная граната’ либо ‘граната ручного противотанкового или подствольного гранатомета’. В новом же переводе мы встречаем русское *граната* именно в значении ‘снаряд’, и это приводит даже к комической ситуации, когда у Е. Шукшиной ... *слышен ... писк гранат*, у И. Горкиной – ...*тонкий посвист снарядов*. Здесь уместно вспомнить вопрос С. Флорина в его книге «Муки переводческие», который он задал работникам зоопарка: «Что делает верблюд?» – в надежде узнать, как и какие звуки тот издает, если корова мычит, лошадь ржет, собака лает... А ведь достаточно было открыть, например, произведения о войне Ю. Бондарева или М. Шолохова и убедиться, что же «делают снаряды»! А если следовать С. Флорину, то перед тем, как приступить к переводу, не грех вчитаться в тему, напитаться духом эпохи произведения, за перевод которого вы беретесь. Уместно, кстати, было бы внимательно ознакомиться и со старым переводом, используя его в какой-то степени в качестве текста-донора.

Затем по тексту, когда солдаты прислушиваются к необычному шуму, эти злосчастные снаряды превращаются в *Gasgranaten*, и И. Горкина дает перевод *газовые бомбы*, в новом же переводе – *газовые гранаты*, но ни то, ни другое не соответствует действительности, а ведь речь идет о химических снарядах. Можно согласиться, что в русском языке в то время такое наименование этого вида оружия еще не сложилось, но зато оно будет понятно современному массовому читателю. Куда проще и экспрессивней было бы передать эту ситуацию возгласом «Газы!».

Относительно армейского узуса следует сказать, что неточности допускались как в первом, так и во втором переводе. При прочтении

перевода Е. Шукшиной в целом присутствовало некое ожидание, что неточности, допущенные И. Горкиной, будут устранены, но это, к сожалению произошло не во всех случаях. Так, в новом переводе в предложении *Am nächsten Morgen liegen wir zum letzten Male vorn* последнее слово переводится как *на линии фронта*, а в старом переводе – *на передовой*, что более точно с точки зрения армейского узуса, хотя вполне подошло бы и солдатское жаргонное *на передке*. И тут же *Поступает приказ об отходе* – *der Befehl zum Rückzug*. Точнее было бы – *приказ на отход* или *приказ отходить* либо *приказ на отвод в тыл*. Кроме всего прочего, в новом переводе наблюдаются ошибки в передаче на русский язык команд.

У И. Горкиной в предложении *Ein Schuß knallt. Kosole setzt die Knarre ab und späht eifrig zum Himmel* появляется ошибка содержательного плана: *Щелкает затвор*, которую Е. Шукшина исправляет – *Раздается выстрел*, но при этом обе переводчицы оставляют без внимания жаргонное *Knarre*, что вполне можно было перевести с использованием жаргонно-просторечного *винтарь*.

Далее И. Горкина переводит *Plötzlich schweigt das M.G. – Ladehemmung* – *Вдруг пулемет замолкает: заело*, что вполне корректно с точки зрения предметного содержания, а в варианте Е. Шукшиной – *Пулемет замолкает – пулеметчику надо поменять магазин*. Но на самом деле речь идет об отказе заряжания, а причин может быть сколько угодно, например, кончились патроны или заклинило патрон, но никак не смена магазина, так как в то время пулеметы были в основном ленточные. И таких мелочей на уровне денотативного содержания довольно много.

В исходном тексте, например, семь раз встречается слово *Urlaub*, и И. Горкина в пяти случаях абсолютно правомерно переводит его как *отпуск*, а два раза использует синонимическую замену *побывка*. В новом переводе шесть раз встречается *увольнение* и один раз *отпуск*. Современному русскоязычному читателю может показаться странным, что немецкие солдаты Первой мировой войны (да и Второй мировой тоже) разъезжали по отпускам, но... так было! А *увольнение* – это разрешение покинуть расположение воинской части на непродолжительный срок, свыше 24 часов – это уже отпуск. В большинстве случаев это слово переводится ошибочно, например *Viele von ihnen konnten eine Notprüfung machen, entweder bevor sie Soldaten wurden oder während ihres Urlaubs*. – *Многие из них сдали экстерном либо до ухода на фронт, либо в увольнении* (Е.Ш.), при этом перевод И. Горкиной по всем параметрам точный: *Многие из них успели сдать экзамены до отправки на фронт или во время отпусков*.

В примере *Munition fliegt mit hinüber, rasch liegen Willy, Bethke, Heel in Wurfweite und werfen...* – группа солдат оказывается в воронке – и у И. Горкиной – *Боевые припасы летят вслед* (а по-солдатски прозвучало бы *Вслед летят подсумки с патронами и гранатами*), а у Е. Шукшиной – *В воронку перебрасывают снаряды*, причем чуть раньше эта воронка была названа траншеей, а пушки-то для этих снарядов у солдатиков с собой

в воронке не было! Кому вздумается разместить орудие в воронке и бросать туда снаряды? Налицо две ошибки содержательного плана. Кстати, слово *Munition* остается неверно распознанным и в других пассажах нового перевода, например, *Zu wenig Munition», schreit Bethke. – Снарядов мало, – кричит Бетке*. А речь всего-то идет о патронах. И перечень такого рода несоответствий можно было бы продолжить.

В тексте нового перевода наблюдается несколько ошибок денотативного плана, которых не было в переводе И. Горкиной, например: *Ein Teil der Kompanie wohnt in der Umgebung. Er wird entlassen. Der Rest muss sich allein weiter durchschlagen. – Часть роты встала на постой в округе и потому считается в увольнении. Остальные вынуждены отдуваться* (Е.Ш.). Это предложение совершенно не понято переводчицей и вызывает недоумение, почему и кто за кого должен отдуваться? При этом в переводе И. Горкиной мы читаем достаточно точный вариант: *Кое-кто из нашей роты живет поблизости. Этим отпускают* (можно было добавить – *по домам*). *Остальным предлагается на свой страх и риск пробираться дальше*.

Особый интерес представляет перевод слов и выражений из солдатского жаргона, что оказывается не всегда простой задачей, так как в русскоязычном узусе некоторые явления просто отсутствуют в армейской среде и не находят адекватной замены. Так, в тексте И. Горкиной *Kammerbulle, Kammerpieß, Küchenbulle* переводятся как *каптенармус* и *интендантская крыса*, а ведь есть слово *каптерщик* или еще более уничижительное *каптеркин*. Зато в переводе Е. Шукшиной мы встречаем три раза ее собственное новообразование *завхозяй* и семь раз странное *фельдюк*, образованное от немецкого жаргонного *Spieß* ‘фельдфебель’. А предложение *Dann kamen die Kaffeeholer* не может вызвать ничего кроме улыбки после прочтения перевода *Потом появились пищевозы*, а почему не *пищеносы*? У И. Горкиной – *Нам принесли кофе*. Ну а поскольку переводим для русскоязычного читателя, не следует забывать, что не было в истории русской армии пищеносов и не подносили русскому солдату кофея в окопы! Поскольку это действие происходило в утренний час, можно было совершенно обезличенно и без особой потери для содержания текста написать *наконец поднесли/подтащили завтрак*.

Но это еще далеко не апогей словотворчества на уровне жаргонной лексики: так, *Küchenbulle* в переводе Р. С. Эйвадиса романа «Искра жизни» (третьем по счету после В. П. Котелкина и М. Л. Рудницкого) встречается десять раз и в шести случаях переводится как *кухонный кобель*, пока тот не становится *кухонным жеребцом*. Правда, в других произведениях Ремарка есть, наряду с описательными заменами, и иные варианты перевода: *кухонный бог, повар, кашевар*, а в переводе М. Л. Рудницкого даже *кухонный шнырь, придурок с кухни* и *кухонный придурок*. Не простая судьба у ремарковского кашевара!

Если сгруппировать все замечания по точности перевода реалий, можно прийти к выводу, что в подавляющем большинстве случаев причиной

является недостаточное владение темой. Независимо от того, сыграл ли тут свою роль гендерный аспект или какие-то другие причины, напрашивается обобщающий вывод: не знаком с темой – учись. Или воспользуйся услугами специалиста, пусть даже не слишком хорошо владеющего немецким языком, но зато знающего армейский быт. Этот вывод должен прозвучать открытым текстом, без всякой политкорректности. В других видах искусства уместен аргумент «Я так вижу», но только не в переводе. Здесь абсолютный приоритет принадлежит не видению переводчика или уровню его понимания, а тому, как и что есть в тексте на самом деле.

Некоторые ошибки появляются в новом переводе и в тех случаях, когда они уже давно стали предметом рассмотрения в учебниках по теории и практике перевода, например, *Das waren ungefähr zwei Zentner Lebendgewicht.* – (Е.Ш.) *Это примерно два центнера живого веса.* Но ведь немецкий центнер – это 50 кг, а не 100! Или *Valentin biegt zum Altstädter Hof ein. Dort steigen die Artisten ab.* – (Е.Ш.) *Валентин сворачивает в «Старый город». Там останавливаются артисты.* Но ведь артисты в данном случае означает скорее всего ‘цирк, циркачи’. *Die Löhne reichen nicht aus...* переводится как *Жалованья не хватает на самое необходимое...*, хотя речь идет о зарплате рабочего, а жалованье получают служащие, и при обратном переводе это будет соответствовать слову *Gehalt*.

Иногда встречаются несуразности логического порядка: *Der warme Geruch von Stall und Milch empfängt uns. Hühner gackern* – (Е.Ш.) *Нас встречает теплый запах хлева и молока. На шестах расселись куры.* Трудно согласиться с сочетанием *теплый запах хлева*, на этот счет можно подискутировать, возможно, следовало бы написать *запах теплого хлева*, но бесспорно то, что куры просто кудахчут, и по тексту был день, а до вечера еще было далеко, чтобы им устраиваться на ночь! У И. Горкиной – *В лицо нам веет теплым духом коровника и парного молока. Клохчут куры.*

К этой же категории ошибок относится и следующий пример: *Auf dem Tisch steht ein Kerzenstummel und flackert* в переводе И. Горкиной *На столе мигает огарок свечи*, но в новом переводе мы получаем несуразное сочетание *На столе мечется свечной огарок!*

Далее по тексту парни рассматривают, как шикарно одет их товарищ и удивляются: *Und der schöne Schabbesdeckel», staunt Valentin erneut und betrachtet die Melone.* А теперь хотелось бы спросить усредненного массового читателя, что он поймет из фразы нового перевода: *А кнейч-то какой, – не перестает удивляться Валентин, рассматривая арбуз?* Что такое кнейч, и причем тут арбуз? Тот же текст в переводе И. Горкиной звучит абсолютно понятно: *А ермолка-то какая, – все изумляется Валентин, разглядывая черный котелок Артура.* Даже без словаря, по отдельным составляющим слова понятно, что *Schabbesdeckel* – это некий еврейский головной убор, но вдруг у Е. Шукшиной появляется вариант перевода *кнейч*, значение которого не смогли объяснить более трех десятков опрошенных. А это всего-то вид

шляпы с продольным заломом, которые носили литовские евреи или истинные хасиды. Зачем нужно было вводить в текст малоизвестное слово, имеющее крайне узкий круг употребления?

В новом переводе возникла проблема еще с одним видом одежды: *das ist ein Kötteweh! Ein Schwalbenschwanz...*, когда автор намеренно, правда, сейчас нам трудно определить, с какой целью, дает в немецкой искаженной транскрипции английское *cutaway*, означающее визитку – уже подзабытый нами вид старинной верхней мужской одежды. Словарь Д. Н. Ушакова поясняет, что это недлинный однобортный сюртук с закругленными расходящимися спереди лапами, фалдами. Тем не менее переводится Е. Шукшиной как *Это же катевей!*^[2] *Ласточкин хвост, понимаешь?* и дается переводческая сноска – От англ. *cut away* (отрезать). Но ведь словарь укажет и на слово *Cutaway* = визитка (короткий однобортный сюртук с закругленными, расходящимися спереди лапами). Налицо недостаточная работа со словарями либо стремление «украсить» текст перевода необычным вариантом собственного образца!

Нечто подобное происходит с вариантом перевода Е. Шукшиной *Schöner Mist*«, *sagt Jupp melancholisch, »all die Jahre hat man nur den einen Wunsch gehabt: weg von den Preußen, und jetzt ist man froh, dass man bleiben kann. – Вот ведь мерзопакость, – чертыхается Юпп, – все годы только и думал, как бы сдыхаться от пруссаков, а теперь рад, что могу остаться.* Во-первых, переводчица скорее всего не до конца понимает значение слова *пруссаки* и трижды употребляет его в переводе, а означает оно тогдашнюю немецкую армию с ее прусскими порядками, и в этом значении слово уже устарело, при этом живо вспоминаются из детства страшные «прусаки и тараканы» К. И. Чуковского; во-вторых, чтобы понять значение глагола *сдыхаться*, пришлось изрядно поработать со словарями, но ответ был найден только благодаря звонку другу из Одессы, который объяснил, что *здихатися* по-украински означает избавляться (от кого, от чего), отделаться (от кого, от чего). Но спросите об этом усредненного массового читателя! А у И. Горкиной – *Пакостная штука!* – *меланхолически говорит Юпп. – Все эти годы я только об одном мечтал – как бы убраться подальше от армии, а теперь вот радуешься, что тебя не гонят.* В другом случае у И. Горкиной появляется достаточно емкое русское слово *солдатчина*. Возникает вопрос о том, к чему такие сложные словарные изыски в новом переводе.

Достаточно сложную задачу для переводчика представляют пассажи, связанные с карточными играми. Надо все-таки знать предмет перевода, чтобы не допустить ошибок, или следует консультироваться у знатоков. Из следующего примера несведущему читателю сложно понять, что же происходит на самом деле: *Aber Valentin grinst gefährlich; er hat ein noch mächtigeres Null aus der Hand in der Flosse. Willy lehnt sich genussreich an die Spindwand und zeigt uns einen haushohen Grand.* Вариант И. Горкиной в корне неверный, когда она пишет *у него ничего нет в прикупе*. Используя терминологию преферанса, который в русскоязычной среде весьма распространен, эту фразу можно и следует перевести как *у него на руках был*

чистый мизер без прикупа. И Е. Шукшина исправляет эту ошибку, заменяя далее *четыре валета* на *роскошный гранд*, но она не объясняет, что же такое гранд, а перевести можно как *десятерная* или *он брал все взятки*, что абсолютно понятно каждому относительно продвинутому игроку в карты.

В целом о передаче денотативного содержания в новом переводе можно сказать, что если неточности и явные ошибки и наблюдаются в незначительном количестве случаев, они зачастую и к сожалению остаются незаметными для усредненного массового читателя, на которого и должен быть ориентирован перевод. Читатель не воспринимает большинство ошибок и безоговорочно верит переводчику.

Не менее сложную проблему для переводчика представляла передача эстетики текста, выраженной зачастую в ярких стилистических оборотах автора и не лишенной «перца» речи героев. При этом переводчику следовало постоянно помнить, что описываемые события происходили сто лет тому назад, и речь действующих лиц во многом может отличаться от современных норм, ведь она наполнялась словами и выражениями, характерными для того времени. В первую очередь переводчик сталкивался с передачей слов и выражений заниженного стилистического регистра, отношение к которому в художественной литературе в настоящее время меняется от традиционно сложившегося «смягчения» к «максимально полной передаче». Хотя это наблюдается не во всех случаях исследуемого перевода. Так, довольно грубое *fressen* встречается в тексте восемнадцать раз, но только дважды переведено с использованием русских вариантов *лопать*, *жрать*. А вот стилистически вполне нейтральное слово *Saftladen* переводится с использованием грубого русского *рыгаловка*, хотя для немца это всего лишь неприязнительная забегаловка, пивнушка, что и подтвердили носители языка. Но зато встречающееся в тексте восемь раз слово *Scheiße* два раза переводится как дерьмо, проклятье, а в остальных случаях переводчицу прорвало на, вероятно, более приемлемые нынче в среде массового читателя *го...но* и *ср...ть*! Пожалуй только в одной ситуации, встречающейся в тексте, когда сын пришел с фронта домой и в разговоре с отцом допускает такие выражения, а тот его упрекает в грубости, можно сохранить эту речь: *Нас...ать. Все это гов...о и еще раз гов...о, – не понимает Альберт. – Годами это было у нас через слово, чтоб вы знали!* Но не зря в тексте мной проставлены стыдливые точки, ведь так было принято делать раньше, и это вовсе не запутывало и не шокировало читателя, тем не менее давало ему возможность без особого труда додумать самому, о чем речь. Правда, и в переводе И. Горкиной этот пассаж читается не намного хуже: *Начхать, начхать и еще раз начхать, – упорно повторяет Альберт. – Поймите же, годами только это слово и было у нас на языке – и текст также воспринимался читателем и нисколько не терял при этом своей экспрессивности.*

Кроме того, в новом переводе появляется не совсем удачная передача немецких фразеологизмов, у которых есть вполне устойчивые аналоги в русском, например, *ich haue ihn zu Brei* – *я уделаю его в кашу*; *Geld wie Heu haben* – *денег, что грязи* и др. Отдельно взятые слова с вполне нейтральной

стилистической окраской вдруг приобретают негативное значение, напр., *Der Schneider ist verrückt – Bau портной трехнутый*. Трудно согласиться с вариантами перевода *Posten und Pöstchen – посты и постышки, должности и должностишки*. Зато весьма удачно передана игра слов в следующем пассаже: *Komm Montag hin. Wir haben dann weiße Woche. „Wieso?“, frage ich erstaunt, „habt ihr denn auch ein Wäschegeschäft?“ „Das nicht, aber wir schlachten dann einen Schimmel.“ – Приходи в понедельник. У нас как раз сивушная неделя. – Это как? – удивленно спрашиваю я. – Вы что, еще и гоните? – Гнать не гоним, но будем забивать сивку (Е.Ш.).* В переводе И. Горкиной этот отрывок переведен не вполне удачно, когда белая неделя сопоставляется с бельевым (?) магазином: *Приходи в понедельник. У нас как раз начнется «белая неделя». – Как так? – удивляюсь я. – Разве у вас еще и бельевой магазин? – Нет, какой там магазин! Мы, видишь ли, заколем белую кобылу.*

Завершая далеко не полный анализ нового перевода романа Ремарка, можно с достаточной долей уверенности констатировать, что он имеет как свои плюсы, так и минусы. Новый перевод, к сожалению, не устраняет недостатки первого, а подчас и усугубляет их. Это сразу же вызывает крамольную мысль: предположим, предыдущий переводчик безукоризненно перевел какой-то пассаж, тогда у следующего переводчика имеются две опции на выбор: перевести по-своему, по-новому, и не известно, лучше ли, либо «заимствовать» удачный перевод у предшественника. И тут же возникает вопрос: будет ли это считаться плагиатом? Если да, то, наказывая за подобные поступки, мы сознательно препятствуем улучшению текста перевода и, наоборот, подталкиваем ухудшать его. И тут же напрашивается следующий вопрос: насколько в целом оправдано появление нового перевода, насколько он лучше старого? А ведь этот мотив должен быть наиглавнейшим. Если не ставить перед собой такую задачу, то незачем браться за работу. Можно даже допустить, что переводчик именно такую задачу и пытался решить, но тогда надо смотреть, справился ли он. В противном случае новый перевод будет служить иллюстрацией к известной фразе, ставшей уже поговоркой: «Хотели, как лучше...».

Тем не менее новые переводы – это, в первую очередь, свидетельство того, что к автору и его произведениям все еще проявляется интерес, что произведение еще живо, но только ни в коем случае не следует смотреть на повторный перевод как на некое соревнование двух переводчиков. Любой, даже самый удачный перевод неизбежно будет лишь отражением исходного текста, ведь переводчик после «внутренней переработки» воссоздает оригинал на другом языке, исходя из субъективных представлений и собственного понимания содержания, и потери неизбежны хотя бы потому, что перевод – это иной язык, разные ощущения, разное по глубине восприятие идей автора и переводчиком, и многочисленной читательской аудиторией, где вкусы и предпочтения подчас могут быть диаметрально противоположными. Но если новый перевод не устраняет недостатки предыдущего, а дополняет его новыми неточностями и откровенными ошибками, то зачем

такой перевод нужен? Здесь весьма кстати привести вопрос, обращенный в одном из интервью к Е. В. Шукшиной о ее занятии, на который она ответила: «Книжки перевожу. Очень увлекательное занятие. Я ощутила, насколько это интересно, поняв, что, грубо говоря, перевод может быть либо точным, либо хорошим. Михаил Гаспаров, один из корифеев отечественной школы перевода, сказал иначе – о двух путях перевода: к автору или к читателю. Вот тут-то и начинается эта беготня “по-над пропастью”. К кому – к автору или к читателю? А обоим потрафить? Вообще-то выход есть: если поймать и мертвой хваткой держать за хвост музыкальную мысль автора, тогда можно позволить и некие реверансы читателю. Но это крайне сложно. Бывает, действительно невозможно» [4].

Здесь как раз уместно обратиться к В. Набокову, который призывал переводчика подводить читателя к переводу, а не перевод – к читателю. Главная задача переводчика, которому читатель безусловно верит, должна заключаться в абсолютно правдивом, точном и ясном, не искаженном собственными прихотями переложении произведения на литературном языке, не в попытке потрафить прихотям части читающей публики, а в прагматической адаптации текста в первую очередь для вдумчивой читательской аудитории, в воспитывающем влиянии идей произведения, ставшего мировой классикой. И если К. Чуковский назвал художественный перевод «высоким искусством», то и перевод должен соответствовать этому высокому уровню, а для этого переводчику требуются глубокие знания иностранного и родного языков, приличный багаж фоновых знаний – дабы в тексте перевода не появлялись непростительные ошибки и неточности – и, не в последнюю очередь, стремление постигнуть текст даже в самых ничтожных мелочах, какими бы они незначительными переводчику ни казались.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чайковский, Р. Р.* Две редакции одного перевода (русские версии «Возвращения» Э. М. Ремарка 1936 и 1959 годов) / Р. Р. Чайковский, С. В. Киприна, Е. А. Костенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.em-remarque.ru/library/perevod-i-perevodchiki5.html>. – Дата доступа : 10.03.2018.
2. *Алексеева, И. С.* Профессиональный тренинг переводчика : учеб. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. – СПб. : Союз, 2001. – 288 с.
3. *Чайковский, Р. Р.* Нищета перевода, или Нужно ли переводчику элементарное филологическое образование / Р. Р. Чайковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nes.lib.rus.ec/a/45616>. – Дата доступа : 21.01.2018.
4. *Шукшина, Е. В.* Интервью / Е. В. Шукшина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nes.lib.rus.ec/a/45616>. – Дата доступа : 21.01.2018.

The article covers the concept and causes of translation plurality and the problem of translators mistakes. The author analyzes the causes and effects of mistakes and also identifies the demands to new translations.

Научное издание

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕКСТ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, СЛОВО

Сборник научных статей
преподавателей и аспирантов МГЛУ

Выпуск 7

Ответственный за выпуск *Т. П. Карпилович*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Подписано в печать 24.12.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 8,84. Уч.-изд. л. 9,98. Тираж 100 экз. Заказ 64.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.